БГ

Для служебного пользования

МЕСЯЦ июнь № 5 2002 год

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

В мутной воде

Передел собственности в Беларуси уже начался, и участвуют в нем самые высокопоставленные лица. К расследованию борьбы за минский рыбокомплекс попытались подключиться следователи, возбудив уголовное дело по факту покушения на убийство. Дело расследовать не удалось

Стр.3-4

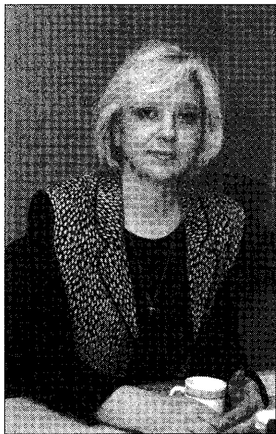
Дельфины в Свислочи

Секретные разработки по подготовке военных дельфинов для Министерства обороны СССР велись в Минске. После распада Союза всю документацию ученые сожгли во дворе лаборатории

Стр. 16-17

ПРОШУ СЛОВА

Ребята, не Москва ль за нами?..

Май. Сенсация. Рейтинг Лукашенко упал до 30%, Путин плохо принял белорусского лидера во время встречи в Москве. Подробности оппозиционное крыло политического бомонда обсасывает, как малыши леденцы, убеждая и себя, и других, что уж на этот раз Москва поможет. Полно! Времена политического донкихотства давно прошли.

Раз и навсегда надо уяснить: России пребывание Лукашенко у власти выгодно. Чем дольше он будет президентом Беларуси, тем дешевле россияне купят ключевые отрасли белорусской экономики. Именно так: пока мы умилялись, как Ельцин заступается за Пашу Шеремета, а Путин натужно улыбается при виде белорусского коллеги, нас покупали. В рассрочку и дешево. Пока мы требовали приватизации, Беларусь готовили к продаже как рядового банкрота — за долги. «Братская помощь» стала наркотиком, без которого мы уже не можем прожить. Вспомните, сразу после избрания Лукашенко президентом Ельцин, широко улыбаясь и подбадривая молодого коллегу, «вколол» ему лошадиную дозу — мы подписали договор о нулевом варианте по долгам. Нам как бы простили миллиард долларов. «Как бы»... Потому что на сумму долга Беларусь выписала вексель и передала этот ценный документ российскому Центробанку. Вексель может быть предъявлен к оплате в любой момент.

Другой пример — наша нежная дружба с «Газпромом» и белорусские государственные награды уважаемому Рему Ивановичу Вяхиреву. «Газпром» так нежно помогал нам поставками газа в трудный момент и так был снисходителен к тому, что Беларусь не в состоянии за этот газ расплачиваться, что это не могло не умилять. Так ростовщик снабжает деньгами своего непутевого клиента, каждый раз с пониманием относясь к его «временным» трудностям. И суммы-то со временем даются все более мелкие, но зависимость — все более кабальная. Потому в один прекрасный момент имущество должника уходит с молотка. Так и у нас получается: пока главный экономический киллер Сергей Ткачев разбирался с угрозами государственной безопасности в связи с приходом на пивзавод «Криница» компании «Балтика», к продаже подготовили стратегическую отрасль белорусской экономики — транспорт газа. Причем «продажа» — это, так сказать, реверанс в сторону убогого. На самом деле преобразование «Белтрансгаза» в совместное предприятие — все то же переоформление по бухгалтерии нашего долга. Представители «Газпрома» уже открыто говорят об этом.

Да что «Газпром», если «Итера» — частная компания с не лучшей репутацией — имеет право претендовать на лучшие куски белорусской собственности! И фактически она их уже купила. Попытка «Итеры» пробиться на новополоцкий «Нафтан» — это не амбиции зарвавшихся бизнесменов. Они — наши ростовщики, потому имеют право. Еще летом прошлого года газета «КоммерсантЪ» утверждала, что долг Беларуси перед «Итерой» приближается к миллиарду долларов. Ну, миллиард — это, конечно, по российским оценкам, по нашим — меньше. Но долг большой. И отдадим мы его заводом. В этот раз Макарову не удалось сломать Лукашенко только потому, что он вынужден был вести переговоры об обмене с доплатой. А мы могли упираться: дескать, с доплатой не хотим...

Что же касается Лукашенко и Москвы, то слабое место в этих взаимоотношениях есть. Политики свое дело сделали, теперь наступает время бизнесменов. Чубайсу, Абрамовичу, Дерипаске и т.д. в Беларуси нужна не собственность (так или иначе они ее получили или получат). Им нужна возможность вести бизнес. А с Лукашенко вести бизнес невозможно.

Редактор Светлана КАЛИНКИНА

РЕЙТИНГ

Госконтроль играет роль

Месяцем внешнеэкономического прорыва можно было бы назвать май и радоваться этому, если бы не ощущение азиатской пыли, которое осталось на зубах. Первый официальный визит президента Лукашенко второй версии исполнения состоялся. Принимали пышно — с почетными кортежами и караулами, гимном-флагом, сладкими речами. Главе внешнеполитического ведомства удалось-таки найти страну, которая примет главу белорусского государства как полагается. И невыездной президент Лукашенко, как его называют в Европе, наконец выехал. В Туркмению.

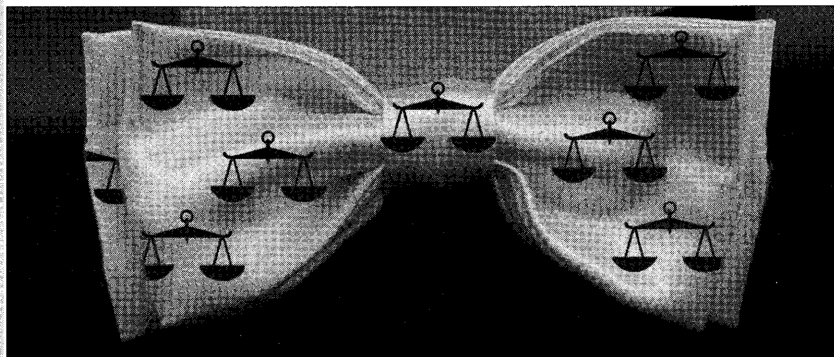
Министр Михаил Хвостов просто разрывался между Москвой, Минском, Ашхабадом и Страсбургом... И все же он организовал для белорусского президента, которому уже надоело стоять в очереди, чтобы пожать руку Владимиру Путину, полноценный выезд за рубеж. Хвостов хорошо держался, когда подписывалось соглашение между Беларусью и Россией о внутренних ценах на газ, и хорошо держится теперь, зная, что соглашение, которое должно было вступить в силу с 1 мая, в эту самую силу не вступило. Голос Хвостова был тверд, когда на закрытых парламентских слушаниях, посвященных проблеме наших взаимоотношений с Европой, он говорил о «враждебной» деятельности в нашей стране Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ и лично посла Вика. И голос Хвостова был мягок, когда он уговаривал белорусского президента разрешить выдать визы делегации Парламентской ассамблеи ОБСЕ, обосновывая свою просьбу, вероятно, тем, что ничего нового посланцы Европы в нашей стране увидеть не смогут...

Наконец, Хвостов, по слухам, давно мечтающий о должности посла, сумел пробить расширение штатов для наших дипломатических представительств за рубежом, где сейчас будут работать группы советников-менеджеров по привлечению в нашу страну инвестиций. В условиях тотального сокращения госаппарата и государственных расходов Хвостов в мае сумел добиться практически невозможного. И за это его благодарные подчиненные, которые уже собирают чемоданы, чтобы хоть тушкой, хоть чучелом, но выехать из этой страны, готовы носить Михал Михалыча на руках и с придыханием рассказывают друг другу, какой классный мужик их шеф. Какой он влиятельный, какой пробивной. И все-таки мы не стали бы преувеличивать влиятельность Хвостова, хотя, безусловно, самые яркие события мая были связаны именно с этим чиновником.

По части выбивания благ для своих подопечных с Хвостовым мог бы посоревноваться министр транспорта Михаил Боровой. Он выиграл в длительной подковерной борьбе с вице-премьером Сидорским и руководством Минского автомобильного завода. И пробил-таки постановление правительства, согласно которому условия лизинга машин для отечественных автоперевозчиков оставляют им возможность закупать «Вольво», «Мерседесы», «МАНы» и игнорировать продукцию МАЗа. Боровой, вышедший в министры из Белорусской ассоциации автомобильных перевозчиков, но оставивший в БАМАП родственные корни, целенаправленно, методично и (что очень важно) успешно лоббирует интересы ассоциации. И тот факт, что глава государства все-таки не нашел времени, чтобы посетить БАМАП и убедиться в успешности автотранспортного бизнеса, не должен вводить в заблуждение. Как министр Боровой ведет себя очень умно. Даже несмотря на то, что в министерской должности он новичок. К примеру, Боровой инициировал проверки подведомственных предприятий, чтобы иметь возможность начать их деятельность с чистого листа и четко делить: это было до меня, это — после. Его отрасль, одна из немногих, является практически бездотационной и улучшает показатели. Наконец, Боровой сумел поставить работу так, что сор из избы не выносится. Поэтому министерство и министр на очень хорошем счету.

Хотя с проверками со стороны Комитета госконтроля мы бы все-таки посоветовали Боровому не связываться. Хотя бы помня об опыте президента концерна «Белнефтехим» Ивана Бамбизы, который так хотел привести в нашу страну «Сургутнефтегаз» и так выступал против «Итеры», что спровоцировал масштабную проверку предприятий концерна Комитетом государственного контроля. По результатам проверки возбуждено 64 уголовных дела, предприятия лихорадит, а сам Бамбиза — на волоске от отставки, и еще неизвестно, чем все закончится. В этой связи хотелось бы обратить ваше внимание вот на какую тенденцию: в давно сформировавшемся тандеме КГК — Прокуратура РБ все большую инициативу берет на себя КГК. Генпрокурор Виктор Шейман, уже наживший себе столько недоброжелателей, что может стать обладателем сомнительного рекорда, похоже, начинает задумываться о вечном и лишний раз на рожон не лезет. Зато председатель Комитета госконтроля Анатолий Тозик упивается возможностью выносить вердикты. После разгромного совещания в правительстве, на котором президент отстранил от должности министра здравоохранения и нескольких руководителей государственных концернов, Тозик даже взял на себя смелость «дополнить и уточнить» президента. Он подводил итоги работы правительства и в целом экономики страны так, будто имеет право выступать в роли истины в последней инстанции. И наверное, какое-то право в этом смысле он имеет, поскольку все предложения Тозика были услышаны и поддержаны главой государства. В кулуарах власти даже поговаривают, что страна скоро узнает о новом фаворите первого лица...

Итак, самая влиятельная фигура мая — Анатолий Тозик. Вот маяться будем!

СЛУХИ

Говорят, кадровая политика управляющей делами президента Галины Журавковой вызывает серьезную обеспокоенность правоохранительных органов. По неофициальным сведениям, критическая масса «ценных кадров», на которых когда-либо заводились уголовные дела, в Управлении делами президента превышает все разумные пределы. Похоже, держать людей на крючке имеющегося компромата Галине Анисимовне нравится. Да и люди не в обиде — пересидеть смутное время в уютном кабинете государственного служащего куда приятнее, чем в тюремной камере. К тому же бизнес идет...

Работники Министерства иностранных дел встревожены слухом, что теперь каждая их поездка за границу будет находиться на контроле, а отчеты обо всех встречах — подшиты в специальные папочки. По слухам, каждый выезжающий (даже если это выезд по турпутевке) обязан уведомить своего руководителя, куда и зачем он едет и с кем будет встречаться. Если во время пребывания за пределами родного государства произойдет какая-то непредвиденная встреча, то о ней по возвращении вроде бы надо будет составить дополнительный отчет.

По слухам, пост министра здравоохранения достанется почти что члену семьи белорусского президента. В Минздраве практически уверены, что немотивированное, всего через три месяца после назначения на должность, увольнение Владимира Остапенко связано с тем, что за свою маму похлопотала личный президентский доктор Ирина Абельская. Она, как известно, поддерживает весьма близкие отношения со своим высокопоставленным пациентом. И за хорошую работу осенью прошлого года получила пост главврача 4-го медуправления, обслуживающего высокопоставленных персон и особо ценных для государства деятелей. В то же время повышение по службе получила и ее мама, которую из Бреста перевели в Минск на пост заместителя министра здравоохранения.

В связи с нашумевшим делом Первомайского РОВД Минска, говорят, умалчивается грандиознейший скандал. В частности, по сведениям наших источников, часть документов по этому делу вроде бы исчезла и из прокурорского сейфа, и из памяти компьютера. Подтвердить либо опровергнуть эту информацию нам не удалось. Официальные лица даже не хотят слышать вопросов об этом скандальном деле.

Напомним, что несколько сотрудников Первомайского РОВД были приговорены к тюремному заключению за превышение полномочий — использование пыток в отношении задержанных. Это вызвало бунт в рядах столичного уголовного розыска. Говорили даже, что если приговор не будет пересмотрен, возможен массовый исход сотрудников из угро.

Окружение председателя «МинскКомплексБанка» Евгения Кравцова утверждает, что их шеф вознамерился покинуть свой пост. Пока он это сделал якобы временно. Еще более тревожные слухи идут из Нацбанка: дескать, по каким-то причинам многие сотрудники «Комплекса» подыскивают себе другую работу. Для хранящих деньги на банковских счетах это может быть дурным знаком. Впрочем, в некоторых случаях смена неэффективной команды — знак очень даже положительный. Кравцов же заигрался с кредитованием реального сектора (по-русски — заводов). К примеру, в телевизоры «Горизонт» банк вбухал огромные деньги. А отдачи нет.

Допросить с пристрастием

В мутной воде

борьба за белорусские предприятия началась уже давно

Антон СТРЕЛЬЦОВ

В этой истории фигурируют весьма известные личности: глава Фонда государственного имущества, бывший руководитель Белкоопсоюза, бывший вице-премьер... Формально эти люди, занимавшие большую часть жизни высокие государственные посты, больших денег заработать просто не могли — не такие уж и завидные зарплаты у чиновников. Зато чиновники, бывшие и настоящие, могут зарабатывать очень неплохие деньги в неурочное время и после завершения карьеры. Возможностей для этого в нашем государстве всегда было предостаточно.

Рыбаки

Принято считать, что большие деньги — это нефть или газ. Так-то оно, конечно, так, но весьма прибыльным бизнесом является и все то, что связано с продовольственным рынком. Ну, а уж если ты претендуешь на монополию в крупных городах, то готовь лопату — деньги загребать. В нашем случае эти самые деньги должна была принести «золотая рыбка». В прямом смысле этого слова.

Недавно в газетах появилась небольшая информация: «30 мая состоялось внеочередное собрание акционеров, на котором предполагалось принять решение о продаже дополнительной эмиссии акций ОАО «Рыбокомплекс» (на Byb 1,5 млрд) Мингорисполкому». Что скажет непосвященному эта информация? Ну что такое рыбокомплекс? Стоит себе и стоит. Ну ловит там кто-нибудь рыбку в мутной воде: не нравится — не покупай. Между тем ситуация на рыбокомплексе давно вышла на государственный уровень и находится на контроле у нескольких силовых ведомстве одновременно — в Министерстве внутренних дел, Комитете государственного контроля, Комитете государственной безопасности. О происходящем информирован лично глава государства, но, похоже, он просто не знает, что предпринять. Единственное, на что пока решился Лукашенко — это угрозы в адрес фирм, в которых обосновались бывшие государственные чиновники (напомним, что во время ежегодного послания парламенту президент пригрозил эти фирмы закрыть). Ничего он, конечно, не закроет. Но наверняка почесал потылицу, узнав, какие масштабы приобрел начатый им самим передел собственности...

Крупняк

ОАО «Рыбокомплекс» — один из крупнейших производителей рыбопродукции в Беларуси. На него приходится до 99% всей рыбопродукции, произведенной рыбозаводами и рыбными базами Минсельхозпрода. Правда, доля этого предприятия на белорусском рынке в последние годы уменьшилась, поскольку появилось много частных фирм, имеющих доступ к улову. Соответственно конкуренция на рынке усилилась. Впрочем, в прошлом году, после прихода на минский рыбокомплекс нового директора, ситуация стала выправляться, а финансово-экономическое положение — улучшаться. Сейчас, по данным дирекции, на продукцию предприятия приходится до 70% рынка Минска и Минской области. Помимо производственных мощностей рыбокомплекс располагает самыми мощными в стране холодильниками и перерабатывающими цехами, которые, собственно, и представляют наибольший интерес. Причем для всех работающих в Беларуси поставщиков рыбы.

В 1995 году минский рыбокомплекс был акционирован и приватизирован. К концу 2001 года структура акционерного капитала выглядела следующим образом. Владельцем около 34% акций являлся гражданин Еримеевич — в свое время директор известной рыботорговой фирмы «Европейский стиль», а ныне — заместитель директора «Белрыбы» при Управлении делами президента. Владельцами еще 30% были прочие физические лица, 26% акций ОАО находилось у государства, которое здесь представляет Минсельхозпрод, и еще 10% — у работников предприятия.

Английские сети

Возмутителем спокойствия на рыбокомплексе стало иностранное предприятие «Белвиллесден», которое было образовано в 1999 году английской фирмой Willesden Industries Limited. В 2001 году на долю «Белвиллесдена», по утверждению представителей фирмы, приходилось до 17% всего импорта свежемороженой рыбы в нашу страну.

С начала своей деятельности в Беларуси предприятие привлекло под свои знамена бывших высокопоставленных чиновников, что в современных белорусских экономических условиях кумовства и фаворитизма обеспечило успех многим его начинаниям. И поскольку объемы поставок рыбы все нарастали, перед руководством фирмы остро встал вопрос поиска холодильника, а в перспективе — и перерабатывающих мощностей. И она начала их искать, естественно, сделав упор на своих высокопоставленных сотрудников. Эта активность и некоторые схемы, которые английская фирма пыталась претворить в жизнь в Беларуси, стали объектом пристального внимания правоохранительных органов. В ноябре 2001 года первый заместитель председателя КГБ Сухоренко специальным письмом предупредил министра сельского хозяйства и продовольствия: «Предприятие «Белвиллесден» предпринимает меры по установлению контроля над предприятиями республики, осуществляющими хранение и переработку рыбопродуктов».

Стратегической угрозы безопасности страны действия «Белвиллесдена», конечно, не представляли, но КГБ заинтересовался английской фирмой не от нечего делать. К тому времени фирма уже провела «операцию» по установлению контроля над своим тогдашним партнером — гомельским рыбокомплексом. «Белвиллесден» сработал в Гомеле по очень простой схеме, придуманной еще греками при осаде Трои. Не знают на гомельском рыбокомплексе истории, ох не знают! Но пословицу «Бойтесь данайцев, дары приносящих» наверняка слышали.

А.Стрелкин

Этот «улов» — очень богатый

Предприятие «Белвиллесден» поступало просто: щедрой рукой поставляло сырье в Гомель и со щедрой душой не требовало за него оплаты. А когда к концу 2001 года задолженность гомельчан перед англичанами вместе со штрафными санкциями достигла приличной суммы — Byb 552 млн, иностранный партнер подал в Хозяйственный суд Гомельской области иск о взыскании с рыбокомплекса долгов. Дальше — понятно: для обеспечения гарантии возврата средств «Белвиллесден» потребовал наложить арест на активы предприятия, рассчитывая, судя по всему, заполучить на распродаже его объекты по, как это водится, сниженным ценам. Тем не менее в Гомеле «Белвиллесдену» по этой схеме ничего не выгорело. Следует признать: слепая Фемида в данном случае следила в оба глаза, чтобы белорусское предприятие не обидеть.

Впрочем, неудача не обескуражила англичан. Поиск мощностей они к тому времени уже вели в столице — на минском рыбокомплексе. Здесь, правда, «Белвиллесден» несколько изменил схему, предложив рыбокомплексу не сырье, а инвестиции. Самой сутью идеи «потенциальный инвестор» попал в точку: деньги минскому рыбокомплексу ой как нужны! Ведь в случае проведения кардинальной реконструкции предприятие становится одним из самых перспективных в стране. К тому же работающим на самый емкий в республике столичный рынок. Поэтому «Белвиллесден» сразу посчитал нужным войти в состав акционеров рыбокомплекса.

Рыбку надо прикормить

Фирма, недолго думая, обратилась к держателю самого крупного пакета акций предприятия — Еримеевичу и предложила ему продать пакет. Еримеевич отказался...

Заядлым и опытным «рыбаком» оказался зампред КГБ Сухоренко, который уведомил Минсельхозпрод, что «под предлогом привлечения инвестиций в отрасль Барановский О.В. (директор ИП «Белвиллесден». — **А.С.**) через Минсельхозпрод инициирует проведение дополнительного выпуска акций ОАО «Рыбокомплекс».

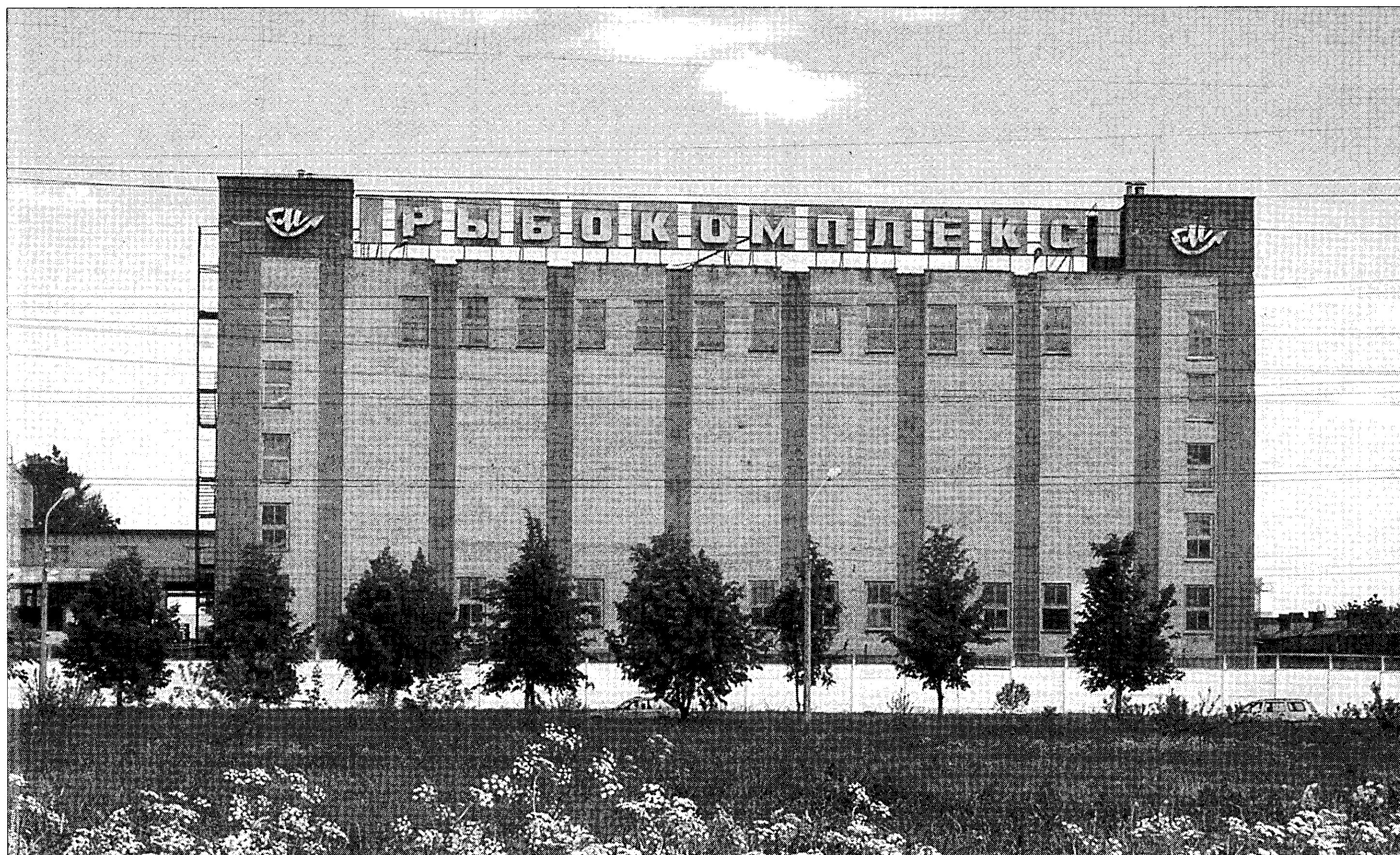
Новые акции нужны были английской фирме по той простой причине, что существует декрет президента, которым запрещено приобретение акций у трудового коллектива, полученных при обмене на чеки «Имущество» или на льготных условиях. А вот новые выпущенные акции, т.е. акции дополнительной эмиссии, купить может любой желающий. Устраняя возможных конкурентов, увеличить уставный фонд рыбокомплекса Барановский предложил за счет собственных средств предприятия, которые будут распределены среди акционеров общества. Именно к ним «Белвиллесден» готов был сунуться со своими «дарами», получив взамен акции.

По подсказке спецслужб этот вариант зарубили. И тогда произошло неожиданное. Внезапно в самый канун 2002 года Еримеевич согласился уступить свой «рыбокомплексовский» пакет в 34,63% акций английской фирме. Эта сделка была зафиксирована 28 декабря 2001 года на Белорусской валютно-фондовой бирже: 38,8 тыс. акций были проданы Еримеевичем фирме «Белвиллесден» за Byb 194 млн (по номинальной стоимости за каждую акцию Byb 5 тыс.). Все чинно, благородно и по закону... Но история эта темная.

До последнего момента владелец самого крупного пакета акций минского рыбокомплекса продавать их не собирался. Если верить советнику президента по экономическим вопросам Сергею Ткачеву, в том же декабре Еримеевич продолжал покупать акции рыбокомплекса. В частности, у некоего гражданина Герасимова было куплено 3300 штук. В конце ноября 2001 года такой же информацией располагал и г-н Сухоренко, который утверждал, что, «по имеющимся данным», Еримеевич не намерен продавать принадлежащие ему акции.

Что в итоге подвигло Еримеевича расстаться с акциями, может, наверное, ответить только он сам. Но то, что давление на него со стороны представителей «Белвиллесдена» оказывалось, зафиксировано в уголовном деле, возбужденном ни много ни мало — а по факту «покушения на убийство»! Это дело возбудило управление Комитета по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД по городу Минску. Пострадавший — Еримеевич. И что интересно, одним из главных фигурантов дела, судя по всему, мог стать очень известный в нашей стране человек, который, впрочем, не очень любит светиться в СМИ, — бывший заместитель министра государственного имущества и приватизации, а с начала 2002 года — глава Фонда государственного имущества Минэкономики РБ г-н Подгорный. По крайней мере, поговаривают, именно Подгорный был особенно настойчив, убеждая бизнесмена продать акции «Белвиллесдену»... Короче, это действительно очень темная история.

Окончание на стр. 4

Тихая заводь большой рыбалки

Окончание. Начало на стр. 4

Вот и встретились!

А теперь — о фирме, за которой внимательно следят силовые ведомства страны, но формальных претензий к которой пока не имеют. Директором «Белвиллесдена», напомним, является некто Барановский. К сожалению, у нас нет никакой информации о нем. Известно лишь, что в 1993 году Барановский был приговорен к полутора годам лишения свободы за контрабанду.

Заместитель директора ИП «Белвиллесден» — Виктор Владыко. Да-да, именно он, бывший начальник полупустых сельских магазинов, председатель полунищего Белкоопсоюза. После скандальной «сахарной» отставки летом 2001 года с публичного небосклона он исчез, поскольку потянуло Владыко в тихие заводи на «большую рыбалку». И что любопытно, Владыко еще при своем председательстве в потребкооперации имел тесные контакты с «Белвиллесденом»: англичане поставляли рыбу для пушных зверохозяйств кооперации.

Впрочем, у Владыко фамилия хоть и звучная, сама собой напрашивающаяся на аналогии, но главной ударной силой в пробивании интересов «Белвиллесдена» все же является не он. Есть здесь еще одна знаковая фигура — Александр Кичкайло. В свое время это имя было очень известно. А как же! Бывший вице-премьер БССР, в 1990 году с трибуны ООН он первым обратился к Западу за помощью в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. В начале 90-х Кичкайло — председатель Могилевского облисполкома. После 1994-го он пошел в бизнес. Причем в достаточно большой бизнес и достаточно успешно: он является первым вице-президентом ЗАО «Белтопэнерго». Фирма, располагающаяся в подозрительной близости к государственному концерну «Белэнерго» (ее адрес — ул.К.Маркса, 6-1, концерна — ул.К.Маркса,14), на протяжении многих лет занимается тем, что пытается ликвидировать долги Беларуси перед «Газпромом». В свое время «Белтопэнерго» пользовалась покровительством управляющего делами президента Ивана Титенкова. Последний в 1997 году даже включил фирму (наряду с «Белвнешторгинвестом» и «Белтрансгазом») в состав «Национальной газоэнергетической компании», которой предполагалось отдать рынок зачетов. Однако этот проект не состоялся, а с уходом в 1999 году Титенкова из Управления делами президента отношения «Белтопэнерго» с этой структурой несколько испортились. (Поговаривают, что между ними пробежала черная кошка, вернее, черный пони с угольной вагонеткой — не договорились где-то УДП и «Белтопэнерго» по поставкам угля в Беларусь.) Тем не менее «Белтопэнерго» — и сейчас фирма солидная, богатая и, судя по всему, помышляющая о новых рынках. А ее руководители, включая президента Варфоломеева и его первого зама Кичкайло, имеют вес в самых верхах истеблишмента страны.

И именно Кичкайло называют главным лоббистом проекта «Белвиллесдена» на минском рыбокомплексе. О тесной связи «Белтопэнерго» и «Белвиллесдена» говорит и тот факт, что директор рыбной фирмы Барановский одновременно является... вице-президентом «Белтопэнерго». Вот такая рыбалка с топливом получается! Да еще замешанная на химии.

«Химия-то причем?» — спросите вы. А при том, что все, что валяется под ногами, надо прибирать к рукам. И вероятно, именно этим принципом руководствуется г-н Барановский. По крайней мере, мы можем констатировать, что первым приобретением ИП «Белвиллесден» в Беларуси стала покупка на инвестиционном конкурсе в конце 2000 года контрольного пакета ОАО «Белхимэнерго». Эта структура, входящая в состав концерна «Белнефтехим», занимается комплексным обслуживанием электросилового оборудования, контрольно-измерительных приборов и автоматики. И по роду своей деятельности «Белхимэнерго», конечно же, к рыбной промышленности никакого отношения не имеет. Зато она интересна для «Белтопэнерго». Кстати говоря, результаты этого самого конкурса по «Белхимэнерго» вызвали немало кривотолков. И вопросы, в общем-то, уместны: ведь контрольный пакет акций прибыльного предприятия был продан непрофильной фирме за Usd 200 тыс. Какие-то Usd 200 тыс. — и 9 производственных участков, 3 производственные базы, офисное трехэтажное здание в центре Минска «ушли». Работники предприятия в начале 2001 года попытались пожаловаться на несправедливость, написали письмо в Комитет государственного контроля, но там к такой «мелочи» отнеслись весьма снисходительно...

Подводная охота

Став в декабре 2001 года владельцем 34% рыбокомплекса, «Белвиллесден» начал готовить новые шаги по укреплению своего положения на предприятии. Тем более что к этому времени у дирекции рыбокомплекса, которая с 2000 года занималась поиском инвестора (в их числе фигурировал тот же Еримеевич, а также городские власти), этот инвестор наконец объявился: успешно завершились переговоры с минскими властями, которые изъявили желание дать деньги на модернизацию производства в обмен на акции предприятия. 19 февраля 2002 года Мингорисполком принял решение о выделении из целевого фонда поддержки сельхозпроизводителей Byb 1,5 млрд в обмен на акции. 27 февраля это решение было утверждено правительством.

Однако такой ход развития событий английскую фирму не устраивал. И в силовых структурах нашлись люди, которые вольно или невольно, но изъявили желание помочь иностранным бизнесменам с белорусскими фамилиями. Предваряя решения Мингорисполкома и правительства, 15 февраля на рыбокомплексе начались проверки УБЭП ГУВД Мингорисполкома с участием представителей МЧС, Госстандарта, Минздрава. Все что-то для себя нашли: пожарные — несоблюдение Правил пожарной безопасности, санитарный врач приостановил фасовку из-за нарушения технологий и личной гигиены, Госстандарт временно приостановил реализацию пяти наименований рыбы...

Впрочем, серьезные штрафные санкции к предприятию применены не были — нарушений как таковых при более пристальном рассмотрении не оказалось. Однако на основании результатов этой проверки 25 февраля суд Октябрьского района г. Минска конфисковал 12 тонн рыбы (позже рыбокомплекс опротестовал решение суда и выиграл). И ведь что интересно! Начальник УБЭП ГУВД Мингорисполкома Тихомиров отчитался перед Барановским за проделанную работу, направив ему специальное послание по итогам проверки. И послал он это письмо аккурат накануне общего собрания акционеров, намеченного на 25 апреля, на котором должен был решиться вопрос о новом составе наблюдательного совета ОАО...

Новый собственник минского рыбокомплекса оказался весьма агрессивным. Купив пакет, ранее принадлежавший Еримеевичу, фирма «Белвиллесден» продолжила активную скупку акций и переоформление их на себя. В этой неуправляемой ситуации государство решило пойти на крайнюю меру — введение «золотой акции» (напомним, что это дает право государству наложить вето на решения в рамках акционерного общества вне зависимости от того, каким пакетом акций обладает тот или иной акционер). Подготовка соответствующего постановления правительства вызвала сильнейшее противодействие. Например, со стороны Минэкономики (здесь вспомним «позицию» Подгорного в деле Еримеевича), которое мотивировало свое нежелание тем, что готовятся изменения в декрет президента о «золотой акции», и спешить с вмешательством в ситуацию на рыбокомплексе нет особой необходимости. Однако Минсельхозпрод в своих доводах оказался более убедительным, и 22 марта увидело свет постановление о введении на минском рыбокомплексе права «золотой акции». В соответствии с документом, подписанным премьером Геннадием Новицким, сделано это «в целях соблюдения экономических интересов государства». «Белорусская деловая газета» всегда выступала против таких шагов государства, но данный случай — действительно вопиющий. И у Новицкого, похоже, иного выбора просто не было.

Но, как показало дальнейшее развитие событий, у «Белвиллесдена» даже после введения «золотой акции» оставался шанс взять рыбокомплекс под свой контроль. Кампания в СМИ по поводу того, что «реальному инвестору не дают работать», проверки, о которых мы упоминали... Нет ничего удивительного, что журналисты, которые просто не могли обладать полной информацией, поверили и выступили единым фронтом на стороне фирмы «Белвиллесден». Это была психологическая атака накануне очередного собрания акционеров, на котором 25 апреля переизбирался наблюдательный совет ОАО. А получив в совете большинство, «англичане» легко могли решить «кадровые проблемы» на рыбокомплексе, оставив в руководстве только людей лояльных.

Двинувшись в последний бой, «Белвиллесден» начал активную подготовительную кампанию к собранию. Нужно отдать должное настойчивости: была организована специальная группа, которая просто вылавливала потенциальных продавцов акций, доставая их по вечерам, в выходные и праздничные дни. С согласившимися продать акции работниками предприятия заключались договоры, что после отмены президентского декрета о запрете на покупку акций, приобретенных за чеки «Имущество» и с использованием льгот, владельцем этих акций становится «Белвиллесден». Уговорив таким образом некоторых акционеров и оформив их акции в доверительное управление, «Белвиллесден» к 25 апреля аккумулировал около 53% акций ОАО «Рыбокомплекс». Но победа не состоялась. Государство воспользовалось правом «золотой акции». В наблюдательный совет вошли 2 представителя от государства, 3 — от «Белвиллесдена» и 3 — от трудового коллектива. Если кто-то кого-то не «купит», то государство вкупе с трудовым коллективом получило в наблюдательном совете пять голосов против трех. А председателем наблюдательного совета стал начальник контрольно- ревизионного управления Минсельхозпрода Леонид Куницкий.

Впрочем, эта история еще не закончена. «Белвиллесден» не оставляет надежду оспорить решение общего собрания, в том числе и в судебном порядке. (Правда, на момент написания этого материала представители компании в суд не обращались.) Решение общего собрания 25 апреля не мешает Виктору Владыко именовать самого себя «осуществляющим функции председателя наблюдательного совета ОАО «Рыбокомплекс». Более того. На упоминавшемся собрании акционеров, которое состоялось 30 мая, предложение о продаже акций рыбокомплекса Мингорисполкому не прошло. А это значит, что война продолжается...

Следить за развитием

Перевели стрелки

«дело Рахманько» закончено, но судят следователя

Георгий ДАНЬ

Глушитель. Он же Николай Королюк. Он же бывший транспортный прокурор Беларуси, по слухам, получивший свое прозвище за редкую способность глушить на корню любое уголовное дело, инициированное против должностных лиц Белорусской железной дороги. В течение достаточно долгого времени Королюку удавалось сохранять на БЖД мир и спокойствие, доводя до скамьи подсудимых лишь «стрелочников». Когда скандалы вышли на государственный уровень и утаивать их стало невозможно, президент отстранил Королюка от занимаемой должности. Но дело Глушителя живет.

Первый действительно крупный скандал, связанный с Белорусской железной дорогой, разгорелся еще в 1999 году. Именно тогда Комитет по борьбе с организованной преступностью и коррупцией на транспорте МВД РБ решил проверить вотчину начальника БЖД Виктора Рахманько — Барановичский участок. В 1999 году, после оперативной разработки КБОПиК, отдел по расследованию преступлений в сфере оргпреступности и коррупции на транспорте Следственного комитета МВД возбудил уголовное дело в отношении главного инженера локомотивного депо города Барановичи Василия Боровского, технолога этого же депо Владимира Сакова и директора ООО «Ерматрейд» (Минск) Алексея Шестака. Руководство следствием было поручено Сергею Шабловскому.

Как удалось выяснить следователям, в июле 1997 года на Барановичском участке БЖД заканчивалось строительство нового цеха локомотивного депо. Встал вопрос о поставке в цех хорошего нового оборудования. Ответственное дело поручили технологу депо Владимиру Сакову, который при помощи главного инженера депо справился с задачей просто «блестяще». Депо заключило контракт на поставку оборудования с минской фирмой ООО «Ерматрейд», и станки отправились в Барановичи, правда, несколько странным путем. Станки находились в Минске, откуда до Барановичей по «железке» максимум три часа езды. Но из столицы оборудование зачем-то «двинули» в Краснодар, оттуда — в Москву и лишь затем — в Барановичи. В конечном пункте цена станков получилась такая, что чиновникам БЖД впору было задаться резонным вопросом: за что они, собственно, заплатили — за станки или за их путешествие? Но вопросы, конечно, никто задавать не стал — ни Боровский, ни Саков. Согласно выводу следствия, за заключение заведомо невыгодного контракта должностные лица могли получить и разделить между собой Usd 20 тысяч. А уж когда следователи начали проверять новое оборудование, то сразу сообразили, что упомянутые 20 «штук» были просто «чаевыми», поскольку станки, купленные по цене новых, оказались вовсе даже не новыми. Доставленное с таким трудом оборудование оказалось бэушным, устаревшим и имеющим явные дефекты, не заметить которые при всем желании было невозможно. Таким образом, по подсчетам следователей, общий ущерб депо от заключения этого контракта составил более Usd 300 тысяч.

«Щит и меч» — железнодорожный вариант

Как только началось расследование фактов злоупотребления на Барановичском участке белорусской «железки», к делу сразу же проявил повышенный интерес начальник БЖД Виктор Рахманько. Интересовался он им, надо сказать, не случайно. Ведь в 1997 году именно Рахманько возглавлял Барановичский участок дороги и соответственно как руководитель отвечал за все. Причем Рахманько и Боровский были близко знакомы. Более того, по инициативе Рахманько Боровский был представлен к правительственной награде (которую получил уже находясь под стражей). Все эти обстоятельства, вероятно, вынудили начальника БЖД срочно искать надежный щит для отражения атаки карающего меча борцов с коррупцией. И такой щит был найден.

К делу подключился лично транспортный прокурор Королюк. Да так, что следователи просто ахнули.

В один из дней Королюк вызвал к себе содержавшегося тогда под стражей Боровского (там находился и один из замов Рахманько). Прямо из прокурорского кабинета Боровский вышел на свободу. Но и это еще не все: прокурор потребовал переквалифицировать обвинение на более мягкую статью УК РБ, усмотрев в действиях руководителей Барановичского депо обыкновенное хищение. Но следователи уперлись и все-таки закончили дело с квалификацией «взятка и злоупотребление».

Однако прокуратура, как известно, дерзостей не любит, и это обвинение в суде прокурор не поддержал. Дело отправили на доследование. Потом оно еще дважды отправлялось в суд и каждый раз возвращалось обратно. В конце концов следователи были вынуждены уступить и переквалифицировать обвинение. В суде транспортная прокуратура на жестком наказании не настаивала, поэтому приговор оказался чисто символическим: Боровского и Сакова приговорили к скромным срокам исправительных работ с удержанием 20% заработка, даже не лишив их права занимать ответственные должности. Этот факт должен войти в историю отечественного судопроизводства как беспрецедентный. Но светлый образ молодого и энергичного начальника БЖД остался незапятнанным. Не обидели и «провинившихся». Ничего не можем сказать по поводу Сакова, а вот о дальнейшей судьбе своего друга Боровского начальник БЖД позаботился лично, переведя его подальше от места скандала — на другой участок дороги и на хорошее, «ответственное» место.

По странному стечению обстоятельств, спустя несколько месяцев после столь благополучной развязки и прокурор Королюк «радость праздновал». Он получил в доме, построенном Белорусской железной дорогой в Минске по ул.Танковой, 24, шикарную 4-комнатную квартиру, рассчитавшись за новую квартиру в 152 квадратных метра своей старой квартирой в 47 «квадратов». Причем благодарные железнодорожники квартиру прокурора обустроили так, что когда туда в конце 2001 года нагрянули привыкшие лицезреть чужую роскошь сотрудники Департамента финансовых расследований Комитета госконтроля РБ, то они от удивления рты разинули. Особенно им запомнилась шикарная финская сауна...

«Столетняя» война

Самая настоящая война, которая развернулась между транспортной прокуратурой и всеми, кто пытается добраться до руководителей БЖД, как началась в 1999 году, так и ведется по сей день. И после отставки Королюка мало что изменилось — замы-то все остались. Этот вывод подтверждает история с расследованием дела в отношении начальника вагонного участка Минского отделения БЖД Владимира Дмитраченко.

20 марта 2001 года дело возбудил все тот же отметившийся в Барановичах следователь Шабловский. Непонятно каким образом он вышел на информацию, что при реализации контракта на капитальный ремонт вагонов, заключенного с Днепропетровским вагоноремонтным заводом (Украина), было похищено около полумиллиона долларов. Вечером того же дня (чтобы не смогла помешать транспортная прокуратура) главный подозреваемый был задержан, а в его рабочем кабинете произведен обыск. Работу закончили ночью уже 21 марта: следователи решили не терять ни минуты и воспользоваться отсутствием Глушителя, который был в отъезде. Помимо наличных 9 тысяч долларов и ценностей на 10 тыс. «зеленых» в кабинете Дмитраченко следователи обнаружили массу документов, указывающих на тесные личные контакты подозреваемого с высокопоставленными чиновниками КГБ, транспортной прокуратуры, БЖД. В общем, дело обещало быть громким.

Но борцы с коррупцией просчитались, решив, что в отсутствие Глушителя им никто не сможет помешать. Уже утром Шабловского срочно вызвали в транспортную прокуратуру для дачи пояснений по поводу задержания Дмитраченко. Взяв с собой дело, в 12.00 следователь поднялся в кабинет первого заместителя транспортного прокурора Конона, где находился и другой заместитель — Алекаев. По поводу этой встречи были впоследствии написаны подробные докладные: поначалу на имя транспортного прокурора Королюка, а затем и в более высокие инстанции. Из свидетельств следователей явствует, что едва Шабловский вошел в кабинет, как первый заместитель прокурора, даже не удосужившись полистать материалы дела, задал вопрос в лоб: «Зачем задержал Дмитраченко?»

Замы Королюка потребовали от Шабловского немедленного освобождения Дмитраченко. Но следователь категорически отказался это сделать. Он говорил, что если выпустит Дмитраченко, это помешает дальнейшему расследованию, что и без того запуганные свидетели просто откажутся давать показания... Но у хозяев кабинета было свое мнение. В результате помощнику прокурора было дано указание подготовить постановление об отмене решения следователя о задержании Дмитраченко, а Шабловскому велели написать подробное объяснение о порядке производства следственных действий и причинах задержания подозреваемого.

Головой о стену

Впрочем, несмотря на давление транспортной прокуратуры, следователи на этот раз на уступки не пошли, и 23 марта Шабловский вновь явился в транспортную прокуратуру требовать санкцию на арест подозреваемого и отстранение его от должности. Само собой, санкцию Конон не дал. Более того, удосужившись, наконец, ознакомиться с материалами дела, он «обнаружил» процессуальные нарушения при проведении обыска в кабинете Дмитраченко. Прежнюю позицию занимал и Алекаев, который прямо сказал следователю, что Дмитраченко — его друг и что другу он будет всячески помогать...

Шабловский еще трижды ставил перед «глушителями» вопрос об аресте Дмитраченко. И трижды получал отказ. Невзирая на все требования следствия, подозреваемого освободили, избрав в отношении него меру пресечения в виде подписки о невыезде.

В связи с однозначной позицией транспортной прокуратуры следствие приняло решение писать в Прокуратуру РБ, прося ее подключиться к расследованию. Руководители Следственного управления и отдела по борьбе с оргпреступностью на транспорте, вероятно, надеялись, что санкция Виктора Шеймана оградит Шабловского от влиятельных друзей главного подозреваемого по делу. Ведь проблема была не только в тех, кто радел за железную дорогу в транспортной прокуратуре — Королюке, Кононе, Алекаеве, надзирающем прокуроре Поплавском (он, кстати, впоследствии перешел на хорошую работу в управление БЖД). При обыске в кабинете Дмитраченко были обнаружены документы, указывающие на личные контакты подозреваемого с курирующим транспорт начальником отдела КГБ Соловьевым (кстати, он получил шикарную 4-комнатную квартиру в том же доме, что и Королюк). Ну а уж о дружбе Дмитраченко и Рахманько, говорить, думается, излишне. Понятно, что отработать все это мощное прикрытие борцы с коррупцией самостоятельно не могли, поэтому и просили помощи у республиканской прокуратуры, параллельно обратившись в КГК с просьбой провести тщательную проверку Белорусской железной дороги.

Пока республиканская прокуратура и Госконтроль решали, как реагировать на запросы, следователи тоже не сидели сложа руки. Начальник следствия отправился в Днепропетровск и произвел выемку документов на заводе и в тамошнем банке. Полученные документы, как уверяют представители следственной группы, подтверждали и дополняли их прежние выводы. А вывод был таким: при реализации контракта на ремонт вагонов действовал совершенно не нужный в этом деле посредник, отстегивавший себе от суммы каждой сделки 10%, хотя обычно при таких контрактах посреднические услуги оценивались не более чем в 1%. В результате столь нехитрой махинации стоимость каждого вагона автоматически увеличивалась в среднем на Usd 20 тыс., и весь нанесенный государству ущерб уже оценивался не в полмиллиона, а в более чем миллион баксов.

Королюк, узнав, что без его ведома в Украине произведена выемка документов, пришел в бешенство и наотрез отказался давать санкцию на проведение такой же выемки в «Беларусбанке». (По предположению следствия, Дмитраченко вряд ли «светил» посредника, но это можно было подтвердить только банковскими документами, зафиксировав, что в них стоимость ремонта вагонов просто завышена.)

И все-таки, несмотря на сильнейшее противодействие, Шабловский и его группа упорно шли вперед.

Все ближе и ближе

К августу 2001 года следственная группа настолько продвинулась, что работала уже практически в управлении Белорусской железной дороги, все ближе и ближе подбираясь к первым лицам. К делу подключился и КГК РБ. Про Шабловского уже всерьез говорили, что он, мол, далеко пойдет, если пуля не остановит... Остановила следователя не пуля. 28 сентября 2001 года он был арестован сотрудниками УКГБ по Минску и Минской области по подозрению в вымогательстве и получении крупной суммы денег. И сегодня над упрямым следователем уже вовсю идет суд. Его коллеги утверждают, что Шабловский ждал какой-то провокации, в частности, говорят, что Шабловского грозились посадить раньше, чем он доведет «дело Дмитраченко» до суда. Но предусмотреть всех опасностей следователь все-таки не смог и оказался в роли подсудимого.

Совсем иначе обстоит дело с расследованием злоупотреблений руководителей БЖД. Первое время после ареста Шабловского начатое им дело по инерции еще двигалось вперед: после завершения проверки КГК РБ были возбуждены уголовные дела не только против Рахманько, но и против его замов. Были гневные выступления президента и попытка пробить санкцию на арест Рахманько. Но потом делу дали красный семафор.

Как нам удалось выяснить, Прокуратура РБ закончила расследование «дела Рахманько» еще в начале февраля 2002 года, но в суд материалы не переданы. Рахманько и Королюк государственных постов лишились, и, возможно, это для них посчитали достаточным наказанием. Хотя покажите мне госчиновника, который бы плохо устроился после отставки. Да и Дмитраченко не обидели. Он работает на своем прежнем месте и в ус не дует.

Козловский (справа) во время работы в «Каскаде»

Дать что-нибудь Наемник

Он изучал источники доходов Бабрака Кармаля и собирал компромат на президента Киргизии

Сергей Сацук

Этот человек говорит, что всю свою жизнь провел на войне, и открыто называет себя наемником, солдатом удачи. Он воевал в Чехословакии, Египте, Афганистане, Казахстане, Грузии, Карабахе, Киргизии... Где-то это были боевые операции в составе специального подразделения «Каскад» КГБ СССР, где-то он занимался агентурной деятельностью по линии Главного разведуправления Генштаба Минобороны СССР (ГРУ), где-то он вообще был единственным «человеком Москвы», проводившим следствие по локальным конфликтам. Он знает столько, что до сих пор ходит оглядываясь... Однако некоторыми своими тайнами подполковник КГБ в отставке Владимир Владимирович Козловский посчитал возможным поделиться с нашим корреспондентом.

— Как вы впервые попали на войну?

— По призыву. Я приехал в Чехословакию командиром взвода в составе танкового батальона. Мы располагались под Прагой и занимались тем, что блокировали на танках городские улицы, чтобы не собиралось много народа. Выезжать в город приходилось практически каждую неделю: как только дело шло к выходным — значит, в Праге уже начинается какая-то буза. Население, конечно же, относилось к нам враждебно. Поливали нас всякой гадостью из туалетов, ругали, бросали камнями... У меня как-то танк подожгли, я вылез из люка, а мне молотком по голове — бабах! Я и рухнул обратно. Меня спасло только то, что к тому времени на танках стояла автоматическая противопожарная блокировка.

— В пражских событиях обвиняют именно Советскую Армию. Она действительно была там единственной?

— Нет, были все, кто входил в социалистический лагерь: немцы, поляки, болгары... Что касается «капиталистов», то активной деятельности западной разведки там не замечалось. Лично мне о чем-то таком даже слышать не приходилось. Хотя их присутствие нельзя исключать.

— Часто вам доводилось применять оружие в Чехословакии?

— Да каждую ночь. Бунтари подбирались к нам и незаметно нападали. Один раз целый караул вырезали. После этого все боялись даже нос из расположения высунуть. Правда, к самим казармам нападающие не подходили. У нас ведь был полностью загружен боекомплект: в каждом танке — сорок снарядов, а у солдат патронов — тьма-тьмущая. Поэтому если бы пришлось воевать в полном смысле этого слова, дел бы мы натворили. Восставшие это понимали и открыто на нас не нападали.

— А были ли случаи, чтобы кто-то из советских солдат отказывался стрелять в противника?

— Нет, такого не было. Тогда еще была совсем другая политика, все держалось на патриотизме. Мы все строили социализм, коммунизм собирались строить... А приехали в Чехословакию, посмотрели, как они там живут, и удивились: мы по сравнению с ними просто нищими были. «Зачем им строить коммунизм, когда они при нем уже живут?» — так мы думали, поэтому искренне не понимали, почему они бунтуют. Хотя, конечно, в голове всякие сомнения возникали, но там это все пресекалось: не дай бог, что-нибудь такое ляпнешь — не успеешь оглянуться, как уже в тюрьме будешь сидеть.

— Как вы попали в ГРУ?

— В 1970 году, когда началась война в Египте, меня пригласил к себе особист нашего полка. Посидели с ним, поговорили... Он и предложил мне стать офицером ГРУ. Потом приехал какой-то начальник — больше я его ни разу не видел, и меня отправили проходить специальную подготовку. После курсов мне присвоили звание младшего лейтенанта и забросили на самолете в Египет. Там шла тогда война с Израилем. Официально мы поехали туда как военные советники — это была наша «крыша». На самом же деле мы занимались там совсем другой работой.

— Какой?

— Мы находились недалеко от Асуанской плотины, расположенной на Ниле. Там работали несколько тысяч гражданских лиц из СССР, а мы налаживали среди них агентуру. Кроме того, мы привезли с собой новые танки Т-62 и обучали местных офицеров воевать на этих танках. Дело в том, что у египтян были советские 54-й и 55-й танки. Однако израильские женщины отбили все эти машины: у египтян, понимаете ли, был намаз, они не воевали, а молились... Поэтому мы привезли им новые танки. И, конечно, параллельно вербовали агентуру среди арабов. Они там свободные все были, и многие, пройдя у нас подготовку, отправлялись зарабатывать деньги наемниками в Анголу или еще куда-нибудь, где шла война. Таким образом агентура ГРУ проникала в другие страны.

— Приходилось ли вам сталкиваться с «военными советниками» противоборствующего лагеря? Ведь не секрет, что Израилю помогали те же американцы.

— Столкновений разведок или спецгрупп не происходило — это было бы непрофессионально. А так... Едет, например, по той стороне демаркационной линии израильский танк с военным советником, ну а мы из пушки бабах... Шла такая позиционная война, главной целью которой было нанести как можно больший урон противнику.

— Так кто стрелял-то, вы или египтяне?

— Нет, египтянам мы никогда стрелять не давали. Более того, когда они ездили на танках, мы доставали все снаряды: мало ли куда он может поехать, да еще пальнет куда не надо... Они у нас только обучение проходили.

— Приходилось ли вам во время той войны проводить какие-то спецоперации на территории Израиля?

— Нет, за демаркационную линию мы не ходили. Да и сделать это было невозможно. Израильтяне неевреев вычисляют мгновенно, они за десять верст увидят тебя и определят, что ты не еврей. Поэтому мы никаких операций там не проводили. Хотя, конечно, люди наши в Израиле имелись. Например, те же строители, которые работали на Асуанской плотине... Среди них было много евреев. И многие из них обратно в Советский Союз не возвращались — уезжали в Израиль. Таких перебежчиков прихватывали, припугивали, вербовали.

— Кстати, о «припугивании». Рассказывают, будто сотрудники ГРУ часто используют такой прием: приставляют к голове человека пистолет, зачитывают приговор и передергивают затвор...

— Нет, в Египте еще такого не было, там еще срабатывали другие методы. Описанный вами метод получил распространение позже, уже в Афганистане. Причем к этому не столько в ГРУ прибегали, сколько в армии. Я был свидетелем одного такого случая, когда офицеры расстреливали своих солдат. Это произошло в Шульгарском ущелье. Мы прилетели туда на вертолетах, а наше воинское подразделение там уже находилось. Военные блокировали какой-то кишлак, наловили около пятидесяти показавшихся им подозрительными человек, поставили к стенке, а солдат заставили расстреливать их из пулеметов. Несколько солдат отказались. Тогда офицеры (командир роты, замполит и два командира взвода) расстреляли отказников вместе с афганцами. Такие случаи в Афганистане повторялись неоднократно. Там вообще солдатская жизнь ничего не стоила — абсолютный ноль, быдло.

— А разве отцы-командиры не отвечали за них?

— В Афганистане потери вообще списывались очень легко. Например, нет никаких боевых операций, а какой-нибудь солдат пошел в магазин и погиб исключительно по собственной глупости. Его труп забирали, закапывали в землю, засыпали сверху хлоркой ... и начинали писать бумаги с требованием проведения какой-нибудь боевой операции. Потом под эту операцию списывали всех погибших, их запаковывали в цинковый ящик и отправляли родным. А кто там будет этот ящик открывать?.. В общем, некоторые солдаты «геройствовали» в боевых операциях уже мертвецами. За солдат в Афганистане никто особо не спрашивал. Только один раз осудили — тех самых четырех офицеров, о которых я говорил. Но это был чисто показательный процесс.

— То есть рассказы западных СМИ о расправах в Афганистане не были идеологической контрпропагандой?

— Да конечно же! Бывало, вообще, чтобы патронов не тратить, возьмут пленных и молотками всех побьют. Когда в 1986 году я приехал в Кундуз, там раскопали одно захоронение — в месте, куда водили расстреливать. Так это вообще тихий ужас был! В Афганистане расстреливали без суда и следствия.

— Но захоронение-то раскапывали для проведения расследования?

— Нет, просто в том году в горах резко начал таять снег, и пошли сильные паводки. Вот захоронение и размыло, а по реке поплыли трупы. Поэтому и захоронение пришлось раскопать. Но проводить расследование никто не стал. Да и некому его было проводить, там не разберешь, кто убивал — то ли наши, то ли сами афганцы.

— Командировка в Афганистане тоже была по линии ГРУ?

— Нет, в то время я уже был в «Каскаде» — это такое спецподразделение КГБ (8-е управление «С» — внешняя разведка), на базе которого затем «Вымпел» создали. Мы занимались вербовкой агентуры, спецоперациями по поиску и обезвреживанию бандитских групп и их главарей, когда с ними не могли справиться военные. Но активные боевые действия начались только в 1981 году. Ведь все думают, что война началась в 1979-м, когда в Афганистан вошли советские войска. На самом деле это не так. «Комитетские» группы быстро захватили дворец Амина. После этого прибыли войска и начали обустраиваться на месте. Армия, которая была

Перед штурмом резиденции Ташалиева: Козловский (слева) с начальником штаба и начальником охраны

Киргизия, район Узгена. Козловский (справа) со своей «боевой дружиной»

при Амине, просто ушла в Пакистан и осела в лагерях. Там этих вояк никто не трогал, но и они никуда не лезли. В 1979-м и 1980-м я еще спокойно ездил на «Ниве» по кишлакам и даже автомата с собой не брал. Ведь жители кишлаков хоть и были вооружены, но только для собственной защиты. Вот мы и ездили по кишлакам, уговаривали старейшин никуда не встревать и не трогать машины с гуманитарной помощью. И они не трогали. А вот в 1981 году военные на танках полезли в эти кишлаки, а те, естественно, начали защищаться. Ведь простым людям было абсолютно все равно, кто сидит в Кабуле. Когда был король, в кишлаках, даже за 20 километров от Кабула, никто и не знал, что у них есть король. Каждый кишлак там сам за себя, со своей собственной властью. И, я считаю, нечего было нашей армии лезть туда с танками. Потому что сразу после этого тем людям, которые сидели в лагерях в Пакистане, было сказано: смотрите, вас завоевывают — идите и защищайте свое. И они пошли.

— Вы так до конца в Афганистане в составе «Каскада» и пробыли?

— Нет, в 1984-м вернулся туда уже в качестве советника по следствию. Я работал тогда уже в Кабуле, на мне был 6-й отдел, и ко мне стекалась информация со всего Афганистана. В основном я помогал афганцам выявлять контрреволюцию. Там такое предательство было — не приведи Господь! И министры, и генералы... Все кругом были воры, скажу я вам, да еще во главе с Бабраком Кармалем. Вот и приходилось мне хищениями заниматься — крупнейшими хищениями. И генералов в тюрьму сажали, и министров.

— Получается, что вы могли упрятать за решетку любого афганского руководителя высшего ранга?

— А как же?! Ведь они наши деньги воровали. Поэтому мы собирали материалы и передавали их афганцам, контролируя, как они ведут расследование. Кроме следствия мы по-прежнему занимались вербовкой агентуры. В Афганистане мы навербовали ее столько, что эти люди сегодня, наверное, по всему миру живут и ездят.

— В какую сумму оценивались разворованные средства из «советской помощи»?

— Очень много. Я цифры уже не помню. Да там все воровали, не только афганцы. Наши были не лучше. Бывает, сами на свою колонну нападут, ограбят — и гуляют. Могу даже пример один такой привести. Сидим мы как-то, а начштаба батальона, расположенного под городом недалеко от нас, звонит и спрашивает: «Водки хотите? Приезжайте к нам на «ГАЗ-66», загрузим вашу машину доверху». Мы приезжаем — там пьяные все, как болваны: что офицеры, что солдаты — не могут даже ходить. «Вот, — думаем, — где-то запаслись хлопцы». Предложили и нам по стакану. А за остальной, сказали, придется самим ехать. «Что ж за источник такой?» — спрашиваем. «А там, — говорят, — «КамАЗ» подбитый стоит, полностью забитый водкой. Мы себе взяли и теперь гуляем. Вы тоже себе можете взять, ведь машина ничейная». Дали нам проводника, и мы поехали: впереди — БТР, сзади — «ГАЗ-66». В пути выясняем, что «КамАЗ» ехал в Кабул, а по дороге остановился в батальоне, чтобы взять воды. Там узнали, что машина везет водку, и устроили ей засаду: выехали на БТР в горы, и как только «КамАЗ» появился на дороге — бабах из пушки по колесам! Водители бросили машину и убежали, а в батальоне — разлюли-малина.

— Такие выходки не пресекались и не карались?

— Пока машины с грузом доезжали до Кабула, их десять раз продавали. Тот же Руслан Аушев, как он стал генералом? Да он на въезде в Салангский тоннель сидел, и через него все грузы проходили. У Аушева там целое подразделение было, а сверху — душманы. Они с ними дружили очень хорошо — никаких проблем. Сидели там и вместе собирали поборы с проезжавшего транспорта, который гуманитарную помощь вез: деньги, грузы... Я как приехал туда к ним — боже ты мой боже, чего только у них не было! Жили — королями! А таких постов, как возле Саламского тоннеля, было очень много, и пока машина какая-нибудь до Кабула доезжала, ее десять раз обдирали, только половина груза оставалась. Наверное, единственные, кто не занимался там грабежом — это спецподразделения КГБ. По крайней мере, мы уж точно до этого не опускались.

— И все-таки в Афганистане не только разлюли-малина была, воевать тоже приходилось. Какая была самая жестокая битва, о которой вы знаете или в которой сами участвовали?

— В Паншерском ущелье проводилась крупнейшая операция. Крупнейшая! Там засел Ахмад Шах Масуд, которого только недавно прибили. Он учился в СССР, Военную академию окончил. Но потом что-то не поделил с нашими. Вот этот Масуд и защищал ущелье, за которым располагался весь север страны, самые плодородные земли. И, конечно, он показал, что не зря учился, показал, как надо воевать. Целые подразделения за несколько секунд уничтожал. Афганцы сверлили шурфы в скалах и закладывали туда взрывчатку — это у них было такое оборонительное сооружение, которое создавалось буквально за одну секунду. Паншерское ущелье тянется на 400 с лишним километров. Батальон наш туда вошел, а они шурфы подорвали. Всех завалило камнями, ни одного живого человека не осталось. Такая вот получилась общая могила. В этих боях у нас были очень большие потери — самые большие за все время войны. Я в ущелье приехал позже, мы там зачистку проводили.

— Впечатлений от войны не хватило, мирной жизни не захотелось?

— В 1986 году я попал в госпиталь, потом пробыл месяц в отпуске, а после этого меня направили для работы в Казахстан. В то время в Алма-Ате студенты беспорядки устроили. Это были первые беспорядки в Советском Союзе, еще без применения оружия. Мы тогда думали, что этим дело и закончится, но ошиблись. В 1987 году я занимался оперативной работой в Грузии, потом в 1989-м — в Карабахе, там уже конфликты были с оружием, и пришлось повоевать. Но самая страшная резня произошла, конечно, в Киргизии, в Ошской области. Я тогда приехал домой, чтобы переоформить командировку. Тут меня вызывает генерал и говорит: «Ты знаешь, что в Киргизии произошло?» Я отвечаю: «По телевизору видел». «Ну давай, — говорит, — собирайся. Звонили из Москвы, направляют тебя в Киргизию». Я приехал в Ош 6 июня 1990 года, когда там еще трупы на дорогах валялись. Это был просто ужас. Киргизы на лошадях с гор спустились и носились, убивая всех подряд, — не жалели ни женщин, ни детей. Целыми семьями вырубали, город один сожгли. Мне надо было выявить тех, кто провоцировал эти беспорядки. Я тогда писал в Москву, просил людей в помощь. Хотя в моем распоряжении и находилась большая группа оперативников, но все они были из местных и охраняли только меня. Фактически же я оказался там совершенно один. И что я мог сделать, если среди организаторов побоища были 1-й секретарь ЦК Киргизии, председатель Совмина, председатель местного КГБ...

— Вы были единственным человеком, которого направили в Ош для расследования конфликта? Расскажите подробнее, что там происходило.

— По нашей линии — да, я был один. А что происходило? Били узбеков — вот что происходило. Били сперва в Оше, а затем и в Узгене. Сначала собрали в горах всю киргизскую молодежь, затем отобрали у узбеков оружие и отвезли его в Ош — в тир напротив обкома партии. Этим оружием, а также автоматами, которые привезли от пограничников, и вооружили киргизов. Им пообещали: мол, выгоните узбеков — будете на их месте жить. Даже объявления развесили, что вот такого-то числа будут делиться участки узбеков — то есть все уже заранее знали о том, что люди будут уничтожены. Вся операция подготавливалась месяц. А штаб располагался в райпотребсоюзе, где собрались депутат Верховного Совета СССР Атаман Ташалиев, 1-й секретарь райкома, 3-й секретарь, председатель райисполкома... Ташалиеву дали оружие, и он повел свое «войско» на город. Я все это установил и написал председателю Верховного Совета СССР Анатолию Лукьянову бумагу на Ташалиева. Ташалиева вывели из состава Верховного Совета, и генеральный прокурор дал санкцию на его арест.

Брали мы Ташалиева штурмом. У него в Узгене был не дом, а настоящая крепость, даже пулеметы на крыше стояли. Условия были сложнейшие. Информации об Атамане — никакой. Людей спросишь о нем — а у них от страха волосы дыбом.

В нашем распоряжении был разбитый «Москвич». На нем я и поехал к дому Ташалиева. Приехал, открыл капот. Стою, ковыряюсь — будто машина сломалась. Ташалиев и его охранники проехали мимо меня и не обратили внимания. А я стою и все подмечаю. Они въехали через боковые ворота, а через основные ворота ходили женщины — у него там целый гарем был. Я часа два простоял, информацию собрал и поехал назад.

В Узгене к тому времени уже расположилось воинское подразделение: парни все безденежные, но толковые. А у нас была целая 60-тонная цистерна спирта. Мы налили канистру и отправились к военным. Говорю: «Мужики, вот вам канистра спирта, помогите мне одного человека схватить». Нам дали два БМП и два БТР. Я нарисовал схему расположения дома, показал, где заметил охрану и какую, а затем предложил план захвата. Подъехали мы на четырех машинах к дому Ташалиева, заблокировали техникой все выходы и по громкоговорителю предложили сдаться. Оттуда — стрельба. Тогда мы из пулеметов как дали очередь по крыше — и они сдались. Мы охранников не трогали, взяли только Ташалиева. И тут же, ночью, на четырех машинах повезли его в Ош, ведь в Узгене его могли у нас отбить, мы опасались продажных милиционеров, военных... Ташалиев мне потом 5 миллионов рублей предложил. И бесплатный самолет для доставки домой. «Только ты меня выпусти», — говорил. А как я его мог выпустить, если он руководил там всем восстанием? Хотя, конечно, ему привозили оружие, но он воевал. А оружие, по нашим данным, привозил не кто иной, как 1-й секретарь ЦК Киргизии Масалиев. В общем, деньги Ташалиеву не помогли. Его потом осудили, правда, в Казахстане. Дали 14 лет лишения свободы.

— И вы уверены, что установили истину?

— Дела, которые связаны с политикой — безнадежны. А там кругом была одна политика, один клан боролся против другого. Там было два основных клана — Масалиева и Акаева. И только позже я узнал, что клан Акаева тоже доставлял оружие для восстания. Поэтому хрен редьки оказался не слаще. А сначала я стал на сторону Акаева. Более того, председатель местного КГБ велел мне дать компромат на 1-го секретаря ЦК Киргизии, на председателя Совета Министров, на 1-го секретаря Ошского обкома... Ну я и собрал для него материалы. Благодаря им Акаев потом выиграл выборы у Масалиева.

— А когда во всем разобрались, не пробовали собрать такой же материал и на Акаева?

— Попытка была, но она закончилась неудачей. Я пробовал получить информацию на станции ПВО в Андижане, где фиксировались все полеты самолетов и вертолетов. Однако вся информация за 5, 6 и 7 июня 1990 года была уничтожена: данные из компьютеров стерты, листы из дежурных журналов, которые там ведутся для подстраховки, вырваны. Пограничники тогда мне посоветовали обратиться за помощью к китайцам. Я два раза нелегально в Китае был. И привез оттуда кассету. Но из Киргизии пришлось срочно убираться. Всю дорогу до Минска меня пытались убить, но и я дураком не был. Хотя, думаю, меня не убили только потому, что при мне не было никаких материалов. Ту китайскую кассету я спрятал в Киргизии, и она до сих пор там лежит. На ней — содержание переговоров всех самолетов и вертолетов, которые летали в Ош во время восстания и накануне. Но... Представляете — переговоры велись на киргизском языке, а перевести из-за преследования я не успел...

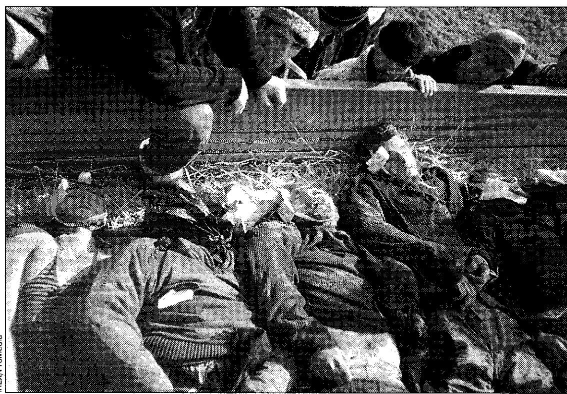
Разобраться, как договорились

Кремль молчал...

бывший помощник президента Ичкерии утверждает, что и Дудаев, и Масхадов пытались избежать войны с Россией

Наталья СУДЛЕНКОВА

Тема Чечни нынешней весной вновь вышла на первые полосы ведущих мировых СМИ, только на этот раз в контексте «скорого и абсолютного уничтожения лидеров чеченских террористов». Правда, и в России, и в Беларуси СМИ практически не сообщают о том, что многие правозащитные организации, лидеры общественного мнения настаивают на международном расследовании произошедшего в Чечне и всерьез обсуждают вопрос, могут ли предстать перед Международным трибуналом Борис Ельцин и Владимир Путин. Инициаторы этого расследования с нетерпением ждут выхода в свет книги Баудина Кадиева, в которой, по утверждению издателей, будут опубликованы неопровержимые документальные доказательства политики геноцида в отношении чеченского народа.

IREX/ProMedia
Война не все спишет

Баудин Кадиев — человек, безусловно, неординарный и многосторонний. В молодости он занимался классической борьбой: стал мастером спорта, чемпионом Средней Азии, был членом сборной Туркменистана. Позже заинтересовался международными шашками — получил звание мастера спорта, занял третье место на чемпионате России. Он же кандидат медицинских наук, причем тема его диссертации была связана с судебно-медицинской экспертизой при преступлениях против личности. Кадиев работал главным судмедэкспертом Чеченской Республики, заместителем президента Академии наук Чечни, руководил аналитическим центром избирательного штаба Аслана Масхадова. После избрания Масхадова президентом он стал его помощником по внешнеэкономическим и внешнеполитическим вопросам и осуществлял в этом статусе связь взбунтовавшейся республики с остальным миром, являлся полномочным представителем правительства Чечни в южных регионах России.

С 2000 года Баудин Кадиев постоянно проживает в Чехии, здесь он получил статус политического беженца.

— Баудин, как можно от судмедэкспертизы перейти к политической деятельности?

— Вплотную с политическими проблемами мне пришлось столкнуться именно во время работы в судмедэкспертизе. В конце 1980-х годов были обнаружены места массовых захоронений чеченцев, которые относились к периоду февраля 1944 года, когда происходило массовое переселение чеченцев в Казахстан. По данному факту в 1990 году прокуратурой Урус-Мартановского района было возбуждено уголовное дело N9060010, но в связи с начавшейся войной оно так и не было до конца расследовано. Коллектив бюро судебно-медицинской экспертизы занимался изучением костных останков. Я имел непосредственное отношение к расследованию этого дела, которое, как вы понимаете, не могло не носить определенного политического оттенка. И просто невозможно остаться вне политического контекста, когда знакомишься с материалами этого следствия. Процитирую только небольшой отрывок из допроса свидетеля Саламбека Закриева: «Мы скрывались в горах, группами и в одиночку. Однажды на наш след напали солдаты, они обстреляли мою жену Сациту. С ней был наш двухлетний Сайхан. Автоматной очередью у нее была оторвана нога. Она лежала мертвой около двух суток. Сына нашли рядом сосущим грудь матери. Был также обстрелян мой брат Темирсултан. Его чекисты застали, когда он пас овец... Я всю жизнь работал в колхозе им.Берия, ухаживал за скотиной, убирал навоз в колхозе. Мои односельчане в то время воевали против немцев. А здесь уничтожали солдатские семьи, дома и хутора...»

В 1993 году я был введен в состав АН Чеченской Республики и избран заместителем президента Академии наук, поэтому должен был присутствовать на заседаниях Кабинета министров, когда там не мог находиться президент академии. В то время премьер Чеченской Республики и сам президент Дудаев давали мне различные поручения внешнеполитического характера. Например, в Академии наук готовились концепции взаимоотношений с рядом стран, в разработке которых я принимал активное участие. Позже мне было поручено провести переговоры в ряде государств, относившиеся к сфере внешнеэкономических и внешнеполитических связей. В основном это касалось стран Ближнего Востока.

— И как концептуально было обосновано различное отношение к мусульманским и христианским странам?

— Тогда это были стандартные концепции, которые выстраивает любая страна по отношению к другой в зависимости от того, как исторически, экономически и так далее складываются их взаимоотношения. Эти концепции не носили религиозного характера, они включали в себя вопросы экономики, политики, добрососедских отношений и абсолютно ни в чем не отличали мусульманские, христианские или какие-либо иные страны.

— И все же приоритеты во взаимоотношениях вы определяли уже тогда. Какие-то страны выделяли как наиболее значимые?

— Вообще говоря, нет. И, подчеркиваю, эти концепции предусматривали обычную форму взаимоотношений между государствами в современном цивилизованном мире. Если бы не началась война, эти концепции были бы реализованы. Больше ничего не могу добавить.

— Баудин, несмотря на то, что история не терпит сослагательного наклонения и «бы» в историческом контексте мало применимо, давайте обсудим различные варианты развития событий. Вернемся в 1994 год и представим себе, что история могла пойти по-другому. Существовали ли препятствия — внутренние либо внешние — для дальнейшего нахождения Чечни в составе Российской Федерации?

— Во-первых, речь в этом случае должна идти не о 1994 годе, а о 1991-м.

Во-вторых, Чеченская Республика находилась в составе Российской Федерации (пусть даже в принудительном порядке) во времена СССР. При Советском Союзе в более-менее нормальных условиях прожило несколько поколений чеченцев, хотя давление на чеченцев чувствовалось — не давали должности, не позволяли двигаться «наверх»... Но бог с ним, с этим чеченцы мирились. Но Союз распался. И когда были выборы первого президента России, я, например, голосовал за Ельцина. Причем в то время предполагалось, что мы и дальше будем жить так, как раньше. А потом Ельцин провозгласил лозунг (не только для чеченцев — для всех): «Берите свободы столько, сколько вы сумеете проглотить!»

— И вы решили эту свободу взять...

— «Дурные» чеченцы восприняли слова президента в буквальном смысле. Был созван референдум, провели выборы, выбрали президента республики. И, кстати, этому не чинились никакие препятствия. В Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики в 1991 году официально приехал спикер российского парламента Руслан Хасбулатов и прямо сказал: мол, ребята, давайте самораспустимся. Он подтвердил, что от имени политического руководства России дается свобода республикам, многие «старые Советы» самораспустились, поскольку надобность в них отпала. А кто не самораспустится, тех, дескать, будут разгонять... И тогда чеченский народ избрал самостоятельный путь развития, проголосовав уже за чеченского президента. Так почему мое избирательное право, когда я голосовал за Ельцина, принимается, а когда я голосовал за Дудаева и Масхадова — игнорируется? Я скажу, почему. Потому что в российском понятии избирательное право в буквальном смысле действует избирательно — в зависимости от национальной принадлежности.

— Из ваших слов следует, что не будь 1991 года, не было бы и 1994-го?

— Скорее всего, да.

— Можно ли было избежать войны? Мы сейчас говорим о той войне, которую вы называете «первой русско-чеченской».

— Так эти события называю не только я, но и весь мир. Избежать войны, конечно, было возможно. И, кстати, Джохар Дудаев предпринимал усиленные меры, чтобы не допустить ее. Я знаю о минимум трех телефонограммах, направленных им президенту Ельцину. Дудаев просил о встрече, целью которой должно было стать недопущение военной конфронтации. Даже когда российские войска окружили Чечню, но еще не вошли в республику, Дудаев направил в Кремль несколько телеграмм. Но разговор не состоялся.

— А если бы встреча Ельцина и Дудаева состоялась, пути примирения были бы найдены? Что это были за пути?

— Вы задаете мне очень коварный вопрос. Чеченская Республика к тому времени уже де-факто состоялась как суверенное самостоятельное государство, имела законного легитимного президента, собственную Конституцию, три года жила самостоятельной жизнью. И если подтекст вашего вопроса в том, чтобы выяснить, готовы ли мы были вновь «лечь» под Россию, то я отвечу: «Нет!»

Тем не менее войны надо было и можно было избежать, и именно поэтому политическое руководство республики предпринимало активные меры, чтобы обсудить эти вопросы с Кремлем, чтобы выработать тактику взаимоотношений и избежать кровопролития. Однако Кремль слушать не захотел.

— А что именно хотел сказать Дудаев Ельцину?

— Лучше не спрашивайте, я не могу отвечать за Джохара.

— Хорошо, спрошу по-другому: каковы были настроения в чеченском правительстве?

— Все хотели избежать военного столкновения с Россией, поскольку заведомо знали, что за этим последует. Прорабатывались разные варианты взаимоотношений между Россией и Чечней, в том числе и «татарский вариант». Ведь отношения с Татарстаном в определенной степени отличаются от взаимоотношений центра с другими субъектами федерации, и никого это не смущает. Для нас неприкасаемым был вопрос о суверенности республики. Все остальное — вопросы, касающиеся совместной обороны, общего экономического пространства, общих транспортных путей — мы готовы были обсуждать. Но, повторяю, мы хотели быть свободными. Ведь еще Лермонтов писал о чеченах:

«...И дики тех ущелий племена.
Им Бог — свобода, их закон — война».

— Но многие наверняка вспомнят пушкинское: «Злой чечен ползет с кинжалом...»

— Что поделать? Тот, кто у нас разведчик, у них — шпион.

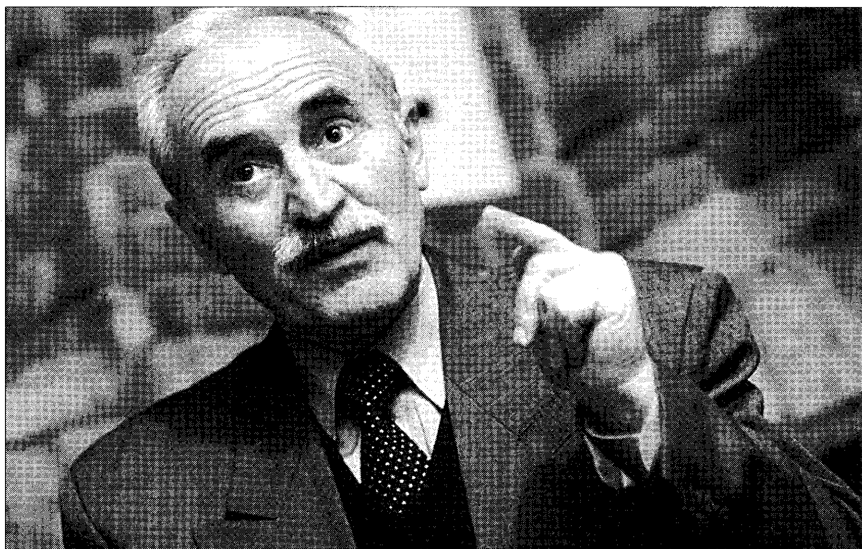
— То, что вы называете «первой войной», в России имеет официальное название «наведение конституционного порядка». Вы считаете, что чеченское руководство в то время не совершило ошибок?

— Как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Наверняка какие-то ошибки были, но в мелочах. Я считаю, что в главном с нашей стороны все было построено правильно. Мы действовали в соответствии со своей Конституцией 1992 года. А в войне всегда виноват тот, кто ее развязывает. И что это за «наведение порядка» — с разрушением всей республики и народоубийством?.. Давать формулировки в России умеют. Например: «Раздавить Чечню как болезненный гнойник на здоровом теле России». Так формулировал задачу глава Администрации президента России Сергей Филатов непосредственно перед первой войной. В 1995 году Борис Ельцин на встрече глав государств в Галифаксе заявил: «Все чеченцы — это бандиты, мы их будем уничтожать». Оцените эти формулировки!

— Договор о мире между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия был подписан 12 мая 1997 года. Подписывал его уже президент Аслан Масхадов. Вы были достаточно близки с Масхадовым — во время избирательной кампании возглавляли аналитический центр его избирательного штаба, после выборов стали советником президента по внешнеэкономическим и внешнеполитическим вопросам. В чем состояли ваши функции как главы аналитического центра?

— Прежде всего это была работа с прессой, анализ всего, что писалось как в самой Чечне, так и в России и в мире по чеченской тематике. У нас была создана специальная группа людей, которые разрабатывали тематику статей. Я постоянно встречался с журналистами, организовывал встречи с Асланом Масхадовым. Аналитический центр вы-

IREX/ProMedia
Дети Чечни мира не знали

Баудин Кадиев

рабатывал рекомендации по созданию образа кандидата в президенты. Выборы, кстати, были очень демократичными: выдвинули около 20 кандидатов. По ходу кто-то сошел с дистанции, но 16 претендентов были внесены в список для голосования. Аслан победил в первом туре. Мы, чеченцы, довольно прямые люди, у нас ничего утаить невозможно. Достаточно назвать фамилию человека и сказать, откуда он родом, и о нем уже все известно, так как все — на виду. Масхадов как военный, как организатор сопротивления и последователь Дудаева шел на избирательную кампанию прежде всего как воин. И в принципе он был очень подготовленным человеком.

— Вы называете демократичной избирательную кампанию, которая проводилась в ситуации, когда на руках у населения находилось огромное количество оружия, когда Масхадов нигде не появлялся без людей с автоматами. Ничего не смущает?

— Оружие является привычной принадлежностью каждого чеченца, чеченского общества. По национальным обычаям у нас стреляют и когда свадьба идет, и когда ребенок рождается.

Да, когда избирали Масхадова, только окончилась война... Огромное количество военных. Обнищавшие люди. Разбитая инфраструктура. Среди всех этих руин в 1996-м человек с автоматом в Грозном был таким же нормальным явлением, как человек с ружьем в 1917-м в Петрограде. Что же касается самого Масхадова, то вокруг него всегда были люди, вооруженные до зубов, и это никого не смущало. Какие-то особые меры охраны Масхадова не предпринимались, хотя были случаи покушения на него. Но, надо отдать должное, Масхадов — отчаянный человек, воин, он привык к опасности.

— Стрельба на площади в день инаугурации Масхадова знаменовала победу над Россией?

— 12 февраля 1997 года инаугурация Масхадова проходила в присутствии очень большой российской делегации и значительного количества зарубежных гостей. Кстати, Ельцин тоже поздравил президента Масхадова с избранием на эту должность. Во главе официальной российской делегации был тогдашний глава Совета безопасности Иван Рыбкин. Когда Масхадов уже после инаугурации вышел на улицу, многотысячная толпа встретила его стрельбой в воздух. Охранники Рыбкина практически мгновенно закрыли телами своего подопечного и лишь через пару минут сообразили, что народ стреляет в воздух. Только тогда охрана отошла. А выстрелы, действительно, еще с полчаса звучали. Море гильз буквально покрыло землю. Так народ выражал свою радость от избрания президента.

— А потом?

— Потом была нормальная мирная работа правительства. На его заседаниях обсуждались обычные хозяйственные и политические вопросы.

— В том числе и посевная с уборочной?

— Ну, конечно... До того момента, пока не началась вторая война.

— Много раз приходилось читать о том, что вторая война была спровоцирована извне. Можете ли вы как-то прокомментировать эти высказывания?

— Я не могу этого полностью исключить. В любом случае провокации легли на благодатную почву. И тот, кто их планировал, в этом явно преуспел.

Республика после первой войны восстанавливала разрушенную инфраструктуру, отстраивалась, налаживала мирную жизнь. А тут — 1999 год. Взрывы домов в Москве и Буйнакске. Никто до сих пор перед судом по этим делам не предстал, никто за это ответственности не понес. Однако не успели расчистить руины, как обвинили чеченцев. Чеченцев стали преподносить как террористов, бандитов. Позже российские власти обвинили Чечню в том, что Шамиль Басаев вошел в Дагестан... Это было политическим обоснованием необходимости второй войны.

— А разве Басаев в Дагестане не был?

— Как представитель чеченского правительства Шамиль Басаев в Дагестан не входил. Это во-первых. Во-вторых, намного раньше всех этих событий в двух дагестанских селах, Чабан-махи и Кара-махи, был установлен мусульманский порядок, они жили сугубо по мусульманским обычаям (там, кстати, были полностью запрещены наркотики и алкоголь). И с этим дагестанское руководство мирилось. Позже из числа жителей этих восставших сел были избраны новое правительство Дагестана и новый премьер-министр. Они постоянно выходили в эфир, по всему Дагестану транслировались их выступления и обращения, мы в Чечне их тоже слушали. В общем, их влияние на другие районы Дагестана распространялось все больше. Дошло, между прочим, до военной конфронтации между мусульманскими населенными пунктами и дагестанскими властями. Трудно судить, кто был прав, — это был Дагестан, там были свои руководители, решались свои проблемы. Я знаю лишь то, что «новое» руководство Дагестана (таковым, по крайней мере, оно себя объявило) обратилось к Шамилю за помощью. То есть когда Шамиль туда пошел, там уже вовсю шла война. Но Басаев в Дагестане представлял только самого себя и находился там как частное лицо. С ним был какой-то отряд, его сподвижники. Но не он руководил этими процессами. Официальная же Москва эту картину представила таким образом, будто Чечня напала на Россию. Кстати, после того, как там появились человеческие жертвы, президент Аслан Масхадов сделал официальное обращение в адрес руководства Дагестана и всего дагестанского народа. Он высказал сожаление о том, что в республике происходят такие события, выразил соболезнования родственникам и близким погибших людей. В этом обращении он отмежевался от причастности Чеченской Республики к военным действиям в Дагестане. Было сказано и о том, что Басаев представляет только самого себя, а не Ичкерию. Но общественное мнение было уже создано, и российское государство объявило об «антитеррористической операции». Так началась вторая война, более жестокая, чем первая, более изощренная, с большими человеческими жертвами.

— Правительство в это время собиралось?

— Конечно. Заседания правительства проводились регулярно, только уже не в Грозном. В других городах, в деревнях. Это было военное правительство.

— Когда шли президентские выборы в Чечне, то общее мнение, которое выражалось и в российских СМИ, заключалось в том, что Аслан Масхадов являлся фигурой, значительно более приемлемой для Москвы, чем был Джохар Дудаев или, например, Мовлади Удугов. Тем не менее избрание Масхадова не смогло помешать второй войне. Как вы считаете, почему изменилось отношение к Масхадову?

— Если сравнивать фигуры Джохара Дудаева и Аслана Масхадова, то на самом деле следует признать, что Масхадов является более мягким человеком. Кстати, по моему мнению, и по сравнению с Мовлади Удуговым тоже. Когда были выборы, именно Масхадов являлся наиболее вероятным победителем. С другой стороны, Москва обоснованно видела в нем фигуру, с которой удобно было бы выстраивать отношения. Если не все, то многие черты характера, необходимые президенту в этой ситуации, у Масхадова были. И не зря Аслан победил сразу, в первом туре. Ну, а дальше случилось то, о чем говорил Черномырдин: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Масхадов как был, так и остался приверженцем мирного урегулирования всех вопросов, под его руководством республика отстраивалась буквально из руин, и Москва в то время выделяла определенные денежные суммы на восстановление Чечни. Внешне все это выглядело, будто идет созидательная работа по восстановлению экономики и разрушенной инфраструктуры республики. Но потом в России наметились новые президентские выборы. Прогремели взрывы в Москве, война в Дагестане. И опять началась война в Чечне... Я могу сказать, что Масхадов воевать не хотел, но не мог не защищаться.

— Баудин, вы сейчас заканчиваете книгу, для которой уже нашли издателя в Чехии. О чем будет эта книга?

— Книга будет разбита на несколько частей. Последняя глава — самая основная: геноцид против чеченского народа со стороны России. Я не хочу быть голословным, считаю, что нужно приводить множество документов, и в книге они будут: соответствующие распоряжения, приказы, указы, в том числе первых лиц российского государства. Вот выйдет книга, и читатель тогда сможет сам решать, насколько я прав либо не прав, говоря о геноциде. У меня, к примеру, есть приказ министра внутренних дел Российской Федерации, в котором прямо сказано о создании жестких условий для проживания чеченцев на всей территории РФ. Есть инструкция к распоряжению правительства о том, что чеченцы на генетическом уровне склонны к преступлениям и так далее. Как я получил эти документы, не спрашивайте: в России — «все тайна и ничего не секрет».

— Книга выйдет на чешском языке?

— Это еще окончательно не решено, потому что интерес проявили и другие издательства. В принципе я бы хотел издать книгу и на других языках — прежде всего на русском, потому что я сам русскоговорящий человек. Кстати, все чеченцы наравне с родным языком говорят и на русском.

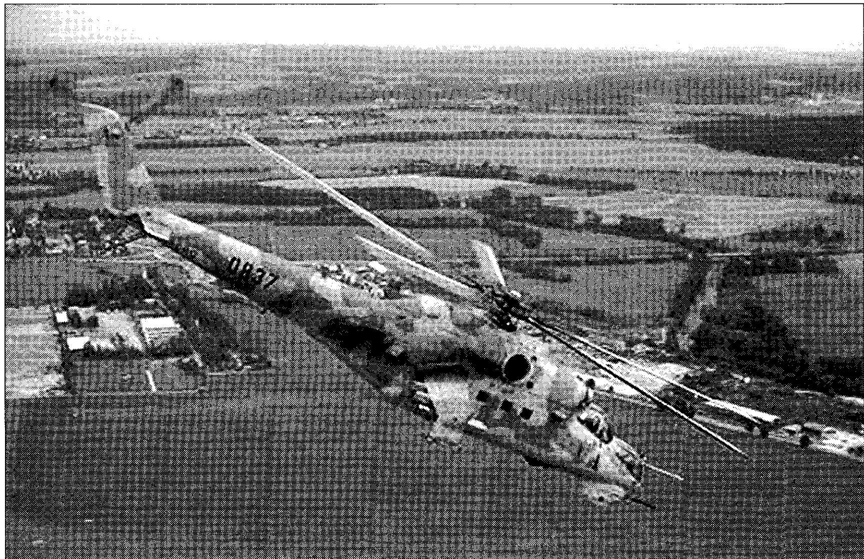
— Ну вы-то уж точно прекрасно говорите по-русски.

— Спасибо. Я получил образование в России, в бывшем СССР, защищал диссертацию в Москве, у меня много друзей в России. Им, кстати, неловко, когда мы говорим о событиях последнего десятилетия. У меня нет никаких претензий к самому русскому народу, тем более что русский народ страдает как и чеченский. Мнение, будто политическое руководство исполняет волю народа — профанация. Чтобы вам было понятно, насколько страдает само русское общество из-за этой войны, я приведу данные организации «Мемориал» по поводу первой чеченской войны (в российской печати тогда были опубликованы данные о потерях за два года). Было убито более 27 тысяч российских военнослужащих, погибли более 100 тысяч граждан Чеченской Республики, из которых около 40 процентов были русскоязычными... И вот что говорил Борис Ельцин, когда в 1996 году приезжал в Грозный: «Я еду в Чечню для того, чтобы поблагодарить военных за хорошую работу».То, что я вам перечислил, президент России назвал «хорошей работой»...

Вторая война проводится более варварскими методами, вся республика покрыта концентрационными лагерями, которые называются фильтрационными пунктами. В своей книге я привожу материалы, связанные с этими фильтрационными лагерями. Там, кстати, приведен документ, где министром здравоохранения Чечни расписаны и классифицированы официальные пытки, которые используют российские военные на территории Чеченской Республики.

— Вы часто используете сочетание «российские военные». Вы считаете, что в этой войне именно военные преследуют свои интересы, именно они — главная движущая сила этой войны?

— На мой взгляд, в последние десятилетия в России сформировалась так называемая партия войны, которая всеми путями рвется к власти и толкает российскую армию на то, чтобы вести военные действия. Это происходит по многим причинам. Во-первых, это очень большие деньги. Во-вторых, это создание общественного мнения — этакая демонстрация, мол, «Россия стала мощной державой». На самом деле в мире именно из-за этих русско-чеченских войн миф о непобедимости российской армии развеялся, ведь несоизмеримыми были как военный, так и людской потенциал. Чечня не могла и не может в этом плане сравниться с Россией хотя бы потому, что Россия — это одна шестая часть мира. Однако можно выиграть какой-то бой, какое-то сражение, но победить целый народ невозможно. Российские чиновники и сам президент любят рассуждать о неотвратимости наказания любого преступления. И это правильно. Виновники таких чудовищных преступлений должны предстать перед Международным судом. Эти преступления, на мой взгляд, не менее тяжкие, чем совершенные во время второй мировой войны. С той лишь разницей, что сейчас идет истребление двух народов — чеченского и русского. Так что же, мы будем ждать третьей мировой войны, чтобы инициировать новый Нюрнбергский процесс? Не достаточно ли, что уже пострадало более миллиона человек — это и убитые, и раненые, и ставшие инвалидами, обездоленными, изгнанными с мест своего проживания?.. И я не пытаюсь выделить преступников по национальной принадлежности. Если в действиях чеченцев авторитетный Международный суд найдет состав преступления, эти виновные тоже должны быть наказаны.

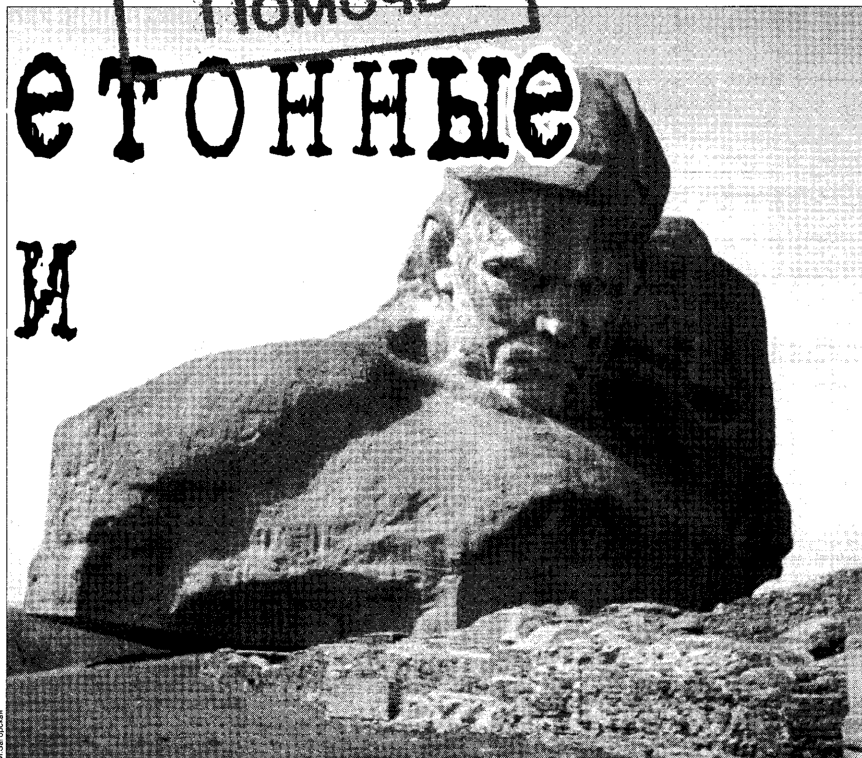

Война жестокая и изощренная

Для служебного пользования

Помочь

Железобетонные призраки

М.Загорская

«Мужество» в любой момент может рухнуть

Марина ЗАГОРСКАЯ

Можно не сомневаться, что 22 июня здесь будет много делегаций, высокопоставленных посетителей и простых людей. День начала войны в этом году страна еще встретит со своими главными военными памятниками. Возможно и в следующем. И возможно, еще пару лет... Но если ничего не предпринять, то в один прекрасный момент выяснится, что Хатынь погибла во второй раз и что Брестская крепость превратилась в парк культуры и отдыха.

По хронологии памятников, посвященных Великой Отечественной войне, мемориалы «Брестская крепость-герой» и «Хатынь» создавались в БССР последними. Сначала увековечивали память Героев Советского Союза, потом — генералов... До рядовых и гражданского населения очередь дошла в конце 60-х.

Брестский мемориал — дань гигантомании советских времен: на четырех конкурсах, которые проводились в течение шести лет, было представлено до тысячи проектов. Хатынь — авангардный для тогдашней традиции показ героизма советского человека, сконцентрированного не в бицепсах и громадном росте, а в стойкости духа. Эта идея поначалу сознательно не рекламировалась, а когда чиновники разбили ее в пух и прах, что-то менять было уже поздно. Напрасно министр культуры СССР Фурцева в ярости приказывала снести Хатынь бульдозером — авторы мемориала все же удостоились Государственной премии СССР.

У создателей мемориала «Брестская крепость-герой» — наград никаких. За работу они получали в месяц по 20 рублей.

Для бетонных махин, простоявших под открытым небом без капитального ремонта, реставрации, реконструкции, 30 лет — возраст внушительный. Теперь у комплексов одинаково трагическая судьба. Желающих заглянуть в военное прошлое стало меньше раз в десять, а поддержание памятников в надлежащем виде требует внушительного финансирования. Если повременить — они рухнут. И это разрушение будет иметь политический статус.

Последний герой

Брестскую крепость признали героем в 1965 году — после расследования, которое провел Сергей Смирнов. До середины 50-х ее «не существовало»: Сталин не потерпел бы даже намека на просчеты командования в начале войны. Не опровергали обвинений, что крепость сдалась без единого выстрела, и оставшиеся в живых защитники. После освобождения из немецких лагерей они сразу же угодили в сталинские. Даже те, кто отрицает легендарную оборону Брестской крепости, признают: Смирнов уже в мирное время спас сотни человеческих жизней. Наверное, это стоило 20 миллионов советских рублей, потраченных правительством на создание на 70 га земли грандиозного мемориала — свидетельства героизма и несокрушимости великой державы. Еще почти 2 миллиона на памятник всенародного признания пожертвовали трудящиеся. Под объемной бетонной звездой — входом на территорию мемориала — в день его открытия незнакомые люди плакали и обнимались. Гигантские скульптурные композиции «Мужество» и «Жажда», Пантеон славы, площадь Церемониалов и восстановленные казармы — все это производило колоссальное впечатление.

И кто бы предположил тогда, что суровый стиль крепости рухнет под напором парковой архитектуры? Архитекторы Валентин Занкович и Олег Стахович были тогда молодыми и зелеными. Именитые мастера не потерпели бы, чтобы столь лакомый заказ государственной важности достался начинающим. Но Петр Машеров посчитал, что именно этот проект ближе всего подошел к раскрытию темы. Машеров, кстати, для сохранения боевой атмосферы предлагал даже вырыть в крепости траншеи и «заселить» их муляжами защитников.

Впрочем, и покровительство секретаря ЦК КПБ не могло восполнить недостаток званий. От БССР в состав творческого коллектива вошел Андрей Бембель, а руководителем уже на последнем этапе стал народный художник СССР Александр Кибальников. Он был в зените славы и мог позволить себе халатно относиться к идеям других. «Жажда» задумывалась как композиция из пяти фигур, а собирательный образ женщин и детей крепости хотели воплотить в отдельном памятнике. Не получилось. Зато у Вечного огня «пригрелись» города-герои, которые выбивались из исторического и архитектурного контекста. Да и гигантская голова стала центральной фигурой мемориала случайно. Первоначально к ней прилагались и другие части тела. Но когда в Москву в обычном ящике отправили гипсовую форму весом 150 кг, «доехала» одна голова. Александр Кибальников постановил: сгодится и так. Следовало бы найти и другое композиционное решение — ведь самый мужественный взгляд у бетонного героя тогда, когда рассматриваешь памятник не с центрального входа в крепость, а со стороны Холмских ворот. Но Кибальников стоял насмерть, обижаясь, что «националисты мешают ему работать». И победил. (Возможно, благодаря жене, которая состояла в родстве с Сусловым. Машеров тут был бессилен.)

Из-за спешки (торопились к 30-летию начала обороны крепости) допустили немало просчетов: водопровод проложили прямо под асфальтовой дорожкой, забыли про отопление для музея и казарм. Но руководство БССР решило открыть мемориал, а недоработки устранить после.

Через 25 лет такая возможность представилась: разрушилось покрытие на земле, бетонные памятники (при таких масштабах никакой другой материал не подходил) покрылись мхом и трещинами, посыпались буквы с мемориальных плит... В 1997 году главы правительств стран СНГ договорились вместе реконструировать крепость. На все про все предполагали собрать Usd 2 млн. Руководители Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Украины обязались выделить до 1999 года по Usd 175 тысяч. Но из Казахстана пришло чуть больше половины суммы, лишь Usd 2 тыс. пожертвовала Молдова. Зато Украина помогала гранитом, и Usd 346 тыс. поступили из России. Беларусь на реконструкцию Брестской крепости изыскала Usd 342 тысячи. Из канцелярий других стран СНГ пришел ответ: «Денег нет». Даже в Грузии не нашли на эти цели ни цента, хотя в Брестской крепости остался лежать старший сержант Акакий Шеварднадзе. И будучи главой МИД СССР, Эдуард Шеварднадзе приезжал сюда почтить память старшего брата. Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе о брате забыл.

Госсекретарь Союзного государства Павел Бородин заявил как-то, что выделяемые средства не доходят до Брестской крепости. «Так оно и есть, — подтверждает директор комплекса Валерий Губаренко. — Полтора миллиона российских рублей «зависли» еще с прошлого года. Нам нужно сдать юго-восточную казарму, где находится пост памяти, завершить замену железобетонных плит, из которых повылазила арматура. И самое главное — законсервировать скульптуру «Мужество». Ее избороздили тысячи трещин, однажды она может просто рухнуть. И недополученных полмиллиона долларов на это хватило бы».

Директор комплекса занят поиском средств на выживание. Крепость стойко держит оборону. Бои приняли коммунальный характер, а денежных боеприпасов не хватает. Долги за коммунальные услуги составили уже Byb 33 млн. С 1996 года крепость живет прежней жизнью только по праздникам. В другие дни подсветку не включают. Недавно из-за угрозы отключения газа мог погаснуть и Вечный огонь.

«Брестская крепость в опасности», — считают и авторы мемориала Валентин Занкович и Олег Стахович. Но совсем по другой причине. О реставрации они узнали из телевизионного репортажа, когда работы шли уже полным ходом. По мнению авторов, в Брестской крепости стираются следы войны. Уложенная орнаментом на площади Церемониалов городская плитка — глобальная промашка. Гранитная цветочница вокруг символического штыка стометровой высоты — нарушение гармонии. Штык должен торчать из земли.

— Мы ведь сознательно открывали руины, — говорит Валентин Занкович. — Я долго искал пропорции штыка, а также инженера, который бы взялся рассчитать фундамент для этой уникальной конструкции. Там близко подходят к поверхности грунтовые воды. Если бы я, как предлагали, расширил диаметр штыка на один метр, он больше походил бы на заводскую трубу. Каждый сантиметр играл роль. Руины при нем «жили». Да и Вечный огонь должен быть лаконичен, а не изобиловать полированным гранитом. Единственное место, где раньше мы использовали этот камень — надмогильные плиты.

Чего еще пытались бы избежать авторы? Не стали бы посыпать руины черным щебнем: это делает их похожими на булки с изюмом и не спасает от разрушения. Капсулам городов-героев, которые находятся у Вечного огня и смотрятся доской почета, они также нашли бы иное место на территории мемориала.

Однако узнали авторы о новом лице крепости слишком поздно. Первое и единственное посещение объекта экспертным советом по монументальному искусству состоялось 30 ноября 2000 года. К этому времени реставрационные работы велись уже два года. Как отмечено в проекте протокола, мемориал превращали в парк культуры и отдыха, пескоструйные аппараты уничтожали огненные следы войны, навечно отпечатанные на стенах казарм. Хотя тогда была вымощена лишь треть площади Церемониалов и все еще можно было переделать. Авторы настаивали на приостановлении работ и проведении реконструкции с учетом исторической реальности. Но тогда же Александр Лукашенко приказал ускорить работы по реконструкции Брестской крепости, чтобы успеть к 60-летию начала войны. После этого никакие рекомендации экспертного совета уже не имели силы. Сейчас, по мнению авторов, спасти можно только гарнизонный храм. Когда его заштукатурят, будет поздно.

Не стой под стеной

Хатынь, которую за 33 года посетили 35 миллионов человек из 100 стран, может исчезнуть с лица земли во второй раз.

Этому мемориалу, создававшемуся одновременно с комплексом «Брестская крепость-герой», на союзном уровне не придавали значения, но его особо опекал все тот же Петр Машеров. Возводила святыню не орденоносная бригада, а сельские строители из Плещениц.

По задумке авторов, комплекс должен был быть темным — это символизировало обуглившиеся остатки сгоревших зданий. За неимением специальных составов просто добавляли сажу, которая ослабляет бетон.

Самое внушительное и самое слабое место этого комплекса — стена памяти концлагерей длиной 160 метров. Она напоминает дощатый барак и находится, по определению одного из авторов проекта Леонида Левина, «в тревожном состоянии». Если отреставрировать и законсервировать, она простоит еще два десятилетия. Если не найти сейчас необходимые для этого Byb 60 млн — простоит всего пару лет.

А пока стена «давит» на посетителей не только потому, что стоит под наклоном: бетон растрескался, арматура и трещины — зрелище не из приятных. Дополняет грустную картину стойкий запах, с которым бесполезно бороться косметическими методами, — внутрь проникла вода. И стену нельзя разобрать или залатать дыры. Не построишь и новую, потому что тогда она не сможет сосуществовать с «коминами» с отбитыми углами, вошедшими в землю...

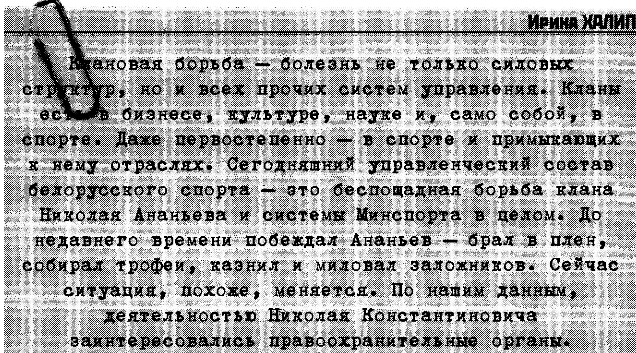
Хатынь — единственный памятник войны, который не призывает к насилию. Так получилось случайно — по признанию авторов, они не ставили такой цели. Трагедия показана здесь через образ единственного выжившего взрослого — старика Каминского. «Мы просто озвучили в бетоне и бронзе его слова, — говорит архитектор Левин. — В черной рубашке с белой пуговкой у воротничка, с многодневной щетиной на щеках прямо на пепелище у своей хаты он рассказывал авторам 12 проектов о трагедии своей деревни. Никто из нас, мужиков, не мог сдержать слез. И в гробовой тишине вдруг запел жаворонок... Все с его слов. Мы ничего не переврали».

Чиновники критиковали авторов за пессимизм, не слушая их возражений, что Вечный огонь и три березы — это символ жизни. Но именно на место сгоревшей деревни раньше только в выходные дни приезжали до 50 тысяч человек. Машины стояли прямо у поворота с трассы, в двух километрах от комплекса. Три раза расширяли автостоянку. А в лесу даже поставили площадку для вертолетов, на которых прибывали высокопоставленные лица. Здесь побывали руководители почти всех стран. Ни разу не наведывался только Леонид Брежнев...

О спорт, ты — деньги!

Пригласить на собеседование

Николай Ананьев

Ирина ХАЛИП

Клановая борьба — болезнь не только силовых структур, но и всех прочих систем управления. Кланы есть в бизнесе, культуре, науке и, само собой, в спорте. Даже первостепенно — в спорте и примыкающих к нему отраслях. Сегодняшний управленческий состав белорусского спорта — это беспощадная борьба клана Николая Ананьева и системы Минспорта в целом. До недавнего времени побеждал Ананьев — брал в плен, собирал трофеи, казнил и миловал заложников. Сейчас ситуация, похоже, меняется. По нашим данным, деятельностью Николая Константиновича заинтересовались правоохранительные органы.

Сергей Демков

У Ананьева есть весьма дорогое для него детище — спортивно-оздоровительный комплекс «Олимпийский». Решение о создании СОК появилось в марте 1998 года, когда Александр Лукашенко подписал соответствующее распоряжение, и Министерству спорта и туризма были выделены бюджетные деньги на создание комплекса. «Олимпийскому» государство щедро передало Дворец водного спорта и здание центра «Олимп» на площади Якуба Коласа.

Директора комплекса из околоспортивных функционеров выбирал лично Ананьев, который тогда был министром, и его избранником стал тогдашний руководитель Олимпийского фонда г. Минска Сергей Демков. В конце 1998 года министр пригласил Демкова и исполнительного директора фонда Михаила Земцова к себе в кабинет и сказал: «Хватит заниматься детским садом — давайте будем строить Олимпийскую деревню и создавать СОК «Олимпийский».

Сказано — сделано. Сели в машину, съездили на территорию спорткомплекса в парке Челюскинцев, поговорили, как «здесь будет город-сад»... Президентская любовь к спорту зажигала зеленый свет перед инициативами нового руководства СОК. И даже когда в мае 1999 года Николая Ананьева сняли с должности министра, СОК вовсю работал. Была построена автостоянка, в холле Дворца водного спорта заработало кафе, открылся после капитального ремонта спортзал, была реконструирована теннисная площадка и так далее. А планы, планы!.. Руководители СОК «Олимпийский» даже окучивали российскую «Альфа-групп» на предмет инвестирования 2 миллионов долларов для строительства аквапарка...

Впрочем, речь не об этом. Два года все было в порядке у «Олимпийского». Проверки, разумеется, проводились — аудиторская по приказу НОК, проверки Комитета госконтроля, комиссии Администрации президента, межведомственной комиссии, финансового отдела администрации Первомайского района. Никаких нарушений выявлено не было. Разве что последняя — районная — проверка пришла к выводу, что собственных средств предприятия и средств, выделяемых НОК, недостаточно для реконструкции действующих объектов и строительства новых. Но в ноябре 2001 года Николай Ананьев вернулся в руководители (на должность помощника президента по спорту) и начал войну за объект, который за время его отсутствия у власти вышел из-под контроля.

Говорят, очень скоро после нового назначения Ананьев стал требовать от СОК «Олимпийский» всевозможных материальных благ. Например: у вас там, ребята, лежит чугунная ограда с олимпийской символикой, так вы ее отдайте тем, кто приедет от моего имени... Или: у вас там киоск стоит на территории, так это мой киоск, я сам его безвозмездно передал СОК еще в 1998 году... Ананьев вспомнил, что выиграл судебный процесс у газеты и перечислил выигранную сумму в Олимпийский фонд, а теперь захотел ее забрать... В общем, деятельность помощник президента по спорту развил бурную. Но все-таки ни киоск, ни чугунную ограду, ни выигранные деньги Ананьев не получил. Тогда началась бюрократическая атака.

Он потребовал предоставлять ему документы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Особенно его интересовали доходы от автостоянки, от сдаваемых в аренду помещений. Сергей Демков, вероятно, посчитал, что помощник президента по спорту вправе владеть более широкой информацией, и попросил принять его с докладом по деятельности СОК за 1999-2001 годы. Ананьев в приеме отказал. Тогда к нему пробился заместитель директора Михаил Земцов — с документами и докладом. Но, как свидетельствует Земцов, Ананьев все бумаги выбросил в мусорное ведро: дескать, все было сделано неправильно.

Очень вскоре выяснилось, как надо «правильно». В конце декабря 2001 года на совещании в Национальном олимпийском комитете помощник президента заявил, что с 1 января 2002 года расторгает все договоры аренды, что отныне он сам будет подбирать арендаторов и присылать их в СОК «Олимпийский» для заключения договоров и что каждый договор отныне будет согласовываться лично с ним. Уже на следующий день Демков получил от Ананьева официальное письмо с требованием предоставить сведения о своей зарплате, а второе письмо — с требованием разместить фирму Ананьева-младшего на площадях СОК.

14 января 2002 года на очередном заседании НОК Беларуси помощник президента по спорту вновь заговорил о деятельности СОК «Олимпийский», причем заговорил так грубо, что председательствующий даже был вынужден его одернуть. От неожиданности, как рассказывают, Ананьев несколько «осадил назад» и почти нежно сообщил, что с директором «Олимпийского» после заседания намерен поговорить приватно. Содержание этой беседы Демков позже пересказывал представителям правоохранительных органов, потому поведаем о нем и мы, хотя свидетелями, как вы понимаете, не были. Итак, в приватной беседе Николай Константинович вроде бы доверительно сказал Демкову: мудак ты, если не соображаешь, что СОК «Олимпийский» — это клондайк, который должен приносить живые деньги. Лично Ананьеву нужно было 12 тысяч долларов в месяц. «Смета» такая: 2 тысячи — с автостоянки и по 5 тысяч — с «Олимпийского» и «Олимпа»... После отказа на такое заманчивое предложение вслед выходящему из кабинета Демкову он якобы произнес: «Я тебя раздавлю».

Охреневший от такой наглости Сергей Демков пересказал содержание разговора исполнительному директору НОК Баричко, заместителю министра спорта и туризма Алексеенко и министру Ворсину. Не знаю, что ответил Баричко, но Алексеенко и Ворсин в унисон пропели: «Не обращай внимания, он не может тебя уволить, потому что тебя назначило бюро исполкома НОК, а в бюро шесть человек, и все они прекрасно знают, кто такой Ананьев».

Обещание было туманным, сродни тому, что говорят обычно чиновники. И Демков решил обратиться в милицию. Начальник Первомайского РУВД Пархомчик и начальник Первомайского райотдела КГБ Сукало предложили ему написать официальное заявление и нести деньги. Ананьева хотели задержать с поличным. Однако у Сергея Демкова на это не хватило пороху. Он сослался на ссору с Ананьевым и на голубом глазу заявил, что теперь Николай Константинович денег у него не возьмет. «На нет и суда нет», — ответили дядьки в погонах.

На 28 января Николай Ананьев назначил собрание трудового коллектива СОК «Олимпийский». Повестка дня — подведение итогов работы предприятия за 2001 год. На собрании неожиданно выяснилось, что по итогам работы СОК «Олимпийский» вышел на первое место в Первомайском районе столицы и на второе место по Беларуси (речь идет именно о предприятиях, относящихся к Министерству спорта). Рентабельность — 11%. Однако вместо благодарности уже 29 января Ярослав Баричко подписал приказ о приостановлении действия контракта с генеральным директором СОК «Олимпийский». (Вероятно, за эту «услугу» Баричко назначили руководителем белорусской делегации на Олимпийских играх, и что из этого получилось — мы уже писали.) А 4 февраля, за день до отъезда на Олимпиаду, на очередном совещании НОК Николай Ананьев гневно вопросил, почему арендаторы до сих пор не изгнаны из СОК «Олимпийский». И уехал.

После его отъезда в Солт-Лейк-Сити в СОК начали появляться странные люди. Один из них представился «помощником помощника президента» и показал пенсионное удостоверение на имя К.Тихомирова. Он сообщил, что по поручению Николая Константиновича должен провести проверку арендаторов спортивно-оздоровительного центра «Олимп», и потребовал финансовые документы. Второй визитер представился «советником помощника президента» и сказал, что руководство должно передать ему спортивно-восстановительный центр... Потом появился «консультант помощника президента»... От такого количества народу у кого угодно может помутиться разум. И вновь появившегося «помощника» Тихомирова просто сдали в ментовку. Он был доставлен в ОБЭП Первомайского района, и дальнейшая судьба этого деятеля вряд ли интересна. Тем более что на короткий период обманчивое спокойствие было установлено. На очень короткий — до возвращения Николая Ананьева с Олимпийских игр.

Первым делом Ананьев начал проверку финансово-хозяйственной деятельности предприятия, которая закончилась 26 марта. На следующий же день, 27 марта, было созвано бюро исполкома НОК для обсуждения вопроса об отстранении Сергея Демкова от должности генерального директора СОК «Олимпийский». Заседание ничем не закончилось — решение в тот день не было принято. Однако уже 28 марта контракт с Демковым был расторгнут — по итогам нокковской проверки, в связи с нарушениями финансово-хозяйственной деятельности. Отстраненный от работы директор обратился к спортивному руководству с просьбой проверить его еще раз и приложил свои пояснения к материалам проверки, инициированной Николаем Ананьевым. Трудовой коллектив «Олимпийского», в свою очередь, обратился с письмом о помощи к Александру Лукашенко. В результате проверка была назначена, и провести ее обязали Комитет государственного контроля. В итоге 20 мая 2002 года проверка зафиксировала лишь незначительные нарушения — ничего такого, что могло бы отправить генерального директора в отставку. Излишне начисленные бухгалтерией деньги Демков добровольно вернул в кассу СОК, и на том все претензии контролеров были сняты. Зато неожиданно всплыли вопросы по самому Ананьеву, и занимается им даже не КГК, а специальная межведомственная комиссия. Похоже, последствия могут быть самыми неожиданными. 13 мая на коллегии Администрации президента по итогам проверки спортивной отрасли Ананьев выступал с пламенной речью. Но глава администрации Урал Латыпов ее прервал: «Присядьте пока, Николай Константинович, мы с вами поговорим после окончания расследования». Это звучало особенно странно в связи с вечным загадочным латыповским молчанием. Так любопытствующие спортчиновники, присутствовавшие на заседании коллегии, и узнали, что деятельностью Николая Ананьева заинтересовались даже не контрольные, а правоохранительные органы. А тут еще Ананьева угораздило ввязаться в проект по открытию в СОЦ «Олимп» — на площади Якуба Коласа — второго ресторана «Іспанскі куток». И это предложение было «завернуто» лично управляющей делами президента госпожой Журавковой, которая после порученного ей «изучения вопроса» написала главе государства докладную записку, в которой разбила идею второго «Кутка» в пух и прах. Основной причиной называлась неуместная дороговизна ресторана, а в качестве альтернативы предлагалось открыть ресторан местный и дешевый. Как говорят в последнее время в бизнес-кругах, те, кто заручился поддержкой Ананьева в лоббировании именно этого проекта, сейчас ломают головы, как бы отомстить человеку, чьи персональные аппетиты не совпадают с возможностями. Это сложно — Николай Ананьев прикрылся по всем фронтам. Даже квартиры в Олимпийской деревне, в которых живут его сын и дочь, оформлены на посторонних. Правоохранительные органы, правда, заинтересовались материальными ценностями — «МАЗами», тракторами и просто финансовыми потоками, которые послушно отстегивались руководителями государственных предприятий и частных структур в ответ на письма Ананьева, в которых он от имени президента призывал «помочь материально» Национальному олимпийскому комитету. У следователей есть подозрение, что не все дары дошли до НОКа, но следы даров теряются где-то на российской границе.

«Не трогайте пока Ананьева, — просили нас разрабатывающие его сотрудники правоохранительных органов. — Еще спугнете — и сбежит». Никуда он не побежит. Ибо давно уже я уверился в том, что он и есть та самая постоянная величина, которая не исчезает ни при каких условиях уравнения, пусть даже со многими неизвестными.

IREX/ProMedia

На контроль

Неофашисты

Двое убитых, один борьбы за лидерство

Валерий ЛЕВКОВ

Эти ребята одеваются в черное, предпочитают прическу призывника и очень не любят евреев. Их приветствие похоже на фашистское, только вместо «Хайль Гитлер!» они кричат «Слава России!». Их отличительный знак — восьмиконечная свастика. Считается, что белорусское отделение РНЕ после убийства командира Глеба Самойлова фактически прекратило свое существование. Однако это взгляд из Минска. На самом деле после серии кровавых разборок внутри организации ее штаб на некоторое время переместился в Гродно.

Предыстория

«Русское национальное единство» зародилось осенью 1990 года на основе распавшегося общества Дмитрия Васильева «Память». (Последнее, кстати, возникло в начале перестройки и стало колыбелью нескольких радикальных организаций.) Первые три года о РНЕ и ее лидере Александре Баркашове практически ничего не было слышно. И только во время политического кризиса баркашовцы эффектно заявили о себе.

...21 сентября 1993 года. Толпа граждан пришла поддержать взбунтовавшийся против президента Ельцина парламент. С балкона Дома Советов вещают депутаты, призывая народ защитить демократию в их лице. Неожиданно на фоне белых стен выстраивается в шеренгу около сотни людей в черных одеждах. Время от времени чернорубашечники по приказу коренастого мужика перестраиваются в колонну и, печатая шаг, курсируют по площади. Понтуют, зная, что уже сегодня благодаря прессе и телевидению станут известны на весь мир. «Вы против Ельцина?», «Вы за парламент, за Конституцию?» — спрашивали их тогда многочисленные журналисты. Ответы не отличались разнообразием: «Нам на это плевать, мы пришли сюда исполнять приказы нашего руководителя Александра Баркашова». Сам же Баркашов в это время проводил переговоры с лидерами Верховного Совета. Закончились переговоры тем, что отряд Баркашова с оружием в руках взял под охрану подземные коммуникации Дома Советов и этаж, на котором находился штаб обороны парламента. Тем самым стриженые носители свастики оказали неоценимую услугу сторонникам Ельцина, которые теперь могли кричать: «Смотрите, парламент защищают фашисты!»

Однако расчет Баркашова был точен. За неделю охраны парламента, который он же демонстративно охаивал, идеями РНЕ заинтересовались люди из всех уголков почившего СССР. Ничего нового бывший слесарь, конечно, не придумал, но реанимированный имперский шовинизм подкупал примитивной простотой. Мол, во всех бедах русских виноват Запад во главе с США, славян угнетают олигархи-сионисты через своих прихлебателей и т.д. Дежа вю. Но люди, которых уже тошнило от коммунистическо-демократической каши, после таких надрывных речей чесали в затылке и поддавались на спекуляции. Поддавались потому, что вместо гуманистических разглагольствований лидер РНЕ предлагал конкретный рецепт, как навести в бушующей стране порядок. Русский порядок. Такие слова притягивали потерявшуюся в вихре перемен молодежь как магнит. Даже откровенная чепуха типа «коловрат-свастика означает присутствие Бога в России» и «русские люди — богоизбранная нация» не смущала новоявленных «освободителей славян». Уж очень хотелось во что-то верить.

Тогда, в 1993 году, среди защитников Дома Советов оказались граждане из многих бывших союзных республик, в том числе и Беларуси. Среди них был и Андрей Валиулин, активист зарождавшейся в республике партии «Славянский Собор «Белая Русь» (ССБР). Принято считать, что именно в разгар осенних событий Андрей познакомился с Баркашовым, и тот предложил ему создать ячейку РНЕ в нашей республике. Зачем в суверенной Беларуси русское национальное движение, думаю, понятно. Согласно идеологии РНЕ, под русскими понимаются все славяне, а Великия, Малыя, Белыя и Червоныя Руси должны быть одним государством. С центром в Москве, опирающемся на национальную (наподобие гитлеровской) диктатуру. В одном из интервью Валиулина спросили, как он относится к белорусскому национализму. «Для меня этого понятия не существует... Это такой же нонсенс, как национализм псковский или курский», — ответил первый командир белорусского филиала РНЕ. Однако много единомышленников Валиулин не сыскал. Не успел.

Становление. Опасные связи

Сильного лидера в масштабах республики из Андрея Валиулина (1967 г.р., русский) не получилось. Группа, которую сколотил Валиулин, насчитывала 15-20 человек. Ее костяк составила наиболее радикальная молодежь ССБР, формально вышедшая из состава партии. Сейчас, по имеющейся информации, несколько из тех первопроходцев «парятся на нарах», в основном за бытовые преступления.

Попыток легализовать РНЕ в Беларуси Валиулин не предпринимал. Однако под крылом организации был зарегистрирован спортивно-патриотический клуб «Коловрат».

Были потуги наладить свою сеть в регионах, была раздача листовок, но все это не особо нервировало спецслужбы. (Кстати, по убеждению правозащитника БХК, подполковника КГБ в отставке Сергея Анисько, РНЕ, как и некоторые другие экстремистские организации, возникло не без помощи самих спецслужб.) И с течением времени в молодежной среде организация стала играть ту же роль, что и коммунисты в среде людей старшего возраста. Русские националисты 14-25 лет были противовесом группам пробелорусски настроенных сверстников. Спецслужбам оставалось только наблюдать, кто из них окажется живучее.

Уже в 1995-м, через год после появления РНЕ в Беларуси, движение успело засветиться в кровавых стычках, в частности, во время приезда в Минск национал-большевика Эдуарда Лимонова.

Однако становление организации, несмотря на оптимистические заявления Валиулина, проходило вяло. Чернорубашечники явно испытывали кадровый и финансовый голод, поскольку подпитка из Москвы была весьма скромной. Чтобы исправить ситуацию, Валиулин сотоварищи усиленно занимались поиском средств. Однако «диванных патриотов», способных добровольно отстегнуть крупную сумму на грядущую «русскую диктатуру», в Беларуси не нашлось. И хотя РНЕ при каждом удобном случае заявляет, что принципиально не сотрудничает ни с какой другой организацией или партией, тяжелое положение вынудило Валиулина искать контакт с ныне депутатом Палаты представителей, а ранее — первым секретарем Белорусского патриотического союза молодежи Всеволодом Янчевским.

Было это в далеком 1996 году, когда Министерство юстиции зарегистрировало новую молодежную организацию «Прямое действие» (ее можно зачислить в прародители БПСМ). Де-факто одним из руководителей этой оскандалившейся впоследствии структуры был Янчевский. В отличие от РНЕ, «Прямому действию» благоволили (в том числе и материально) белорусские власти. И не только из-за любви к молодежи. Вспомните 1996 год — апогей противостояния Лукашенко и Верховного Совета, год референдума.

Вот тогда и началось сотрудничество РНЕ с «Прямым действием». Ничего противоестественного тут нет, поскольку РНЕ в то время шибко симпатизировало белорусскому президенту, а сам Андрей Валиулин был активистом избирательной кампании Александра Лукашенко в 1994-м. Леонид Конвишер, руководитель кобринского отделения РНЕ, в случае конфликта с властями до сих пор козыряет бумажкой, в которой Лукашенко собственноручно выразил благодарность ему, Лене, за помощь в избирательной кампании. Надо полагать, такие же бумажки есть и у Янчевского, и у Валиулина. (Отсюда, кстати, и «растут ноги» мифа о том, что якобы бойцы РНЕ охраняли Лукашенко в период его борьбы за президентское кресло.)

Что же могло привлечь РНЕ в «Прямом действии»? Думается, во-первых, сходство тактик, а во-вторых — широкие финансовые и организационные возможности. Чем РНЕ могло быть полезно «Прямому действию»? Чтобы ответить на этот вопрос, стряхнем пыль со старых газет.

«Перед референдумом состоялось несколько странных дискотек, на которых молодежь не только развлекалась, но и политически просвещалась». Показательно, что охраной этих мероприятий занималось именно РНЕ. Впоследствии между РНЕ и лидером «Прямого действия» Всеволодом Янчевским возникло небольшое разногласие: «бэпэсэмовец» отказался заплатить за охрану двух мероприятий. И все же впоследствии это разногласие было забыто, так как «Прямое действие» совместно с русскими фашистами начало реализацию весьма интересного проекта. Речь шла о создании «молодежных оперативных отрядов».

Впрочем, в редакции нет подтверждения тому, что Валиулин лично контактировал с Янчевским, но что активисты РНЕ нередко присутствовали на собраниях «Прямого действия» — факт.

Кстати, о молодежных оперативных отрядах. Известно, что одно время чернорубашечники по 2-3 человека патрулировали улицы совместно с сотрудниками Первомайского РОВД столицы. При этом одеты они были в свою униформу. Уже через два месяца под давлением общественности от услуг РНЕ стражи порядка отказались — очень уж экзотическое это было зрелище.

Кровавое развитие событий

В конце 1996-го — начале 1997 года в руководстве минской группировки РНЕ произошли перестановки. Поговаривают, что на белорусских баркашовцев кто-то наехал, причем не по-детски. Случайно или нет, спорят до сих пор, но на командира белорусского РНЕ наехали в прямом смысле слова. Валиулина сбил автомобиль. После полученных травм он мог передвигаться лишь на инвалидной коляске. На этом карьера Андрея Валиулина в РНЕ закончилась. Покалеченный, он уехал из Беларуси и поселился в Подмосковье. А освободившееся место на очень короткое время занял А.Выпряжкин (1959 г.р., русский), а потом — Глеб Самойлов (1978 г.р., русский, бывший студент факультета журналистики БГУ). Последний выполнял роль идеолога и фактического руководителя. Именно при нем о фашистской угрозе забили во все колокола.

Новый командир, в отличие от большинства своих соратников, отнюдь не производил впечатление отморозка. Судя по всему, Самойлов был одним из немногих в организации, кто всерьез бредил «русской идеей» и мог полемизировать на эту тему без помощи рук. На момент прихода Самойлова львиная доля сторонников РНЕ обитала в пределах Минской кольцевой дороги. Столица была поделена между подразделениями (4-8 человек) по территориальному признаку. Например, были подразделения «Юг» или «Северо-запад». Позже появилось «женское подразделение» и «элитное» — «Варяг». Однако под внушительными названиями скрывалось несколько десятков неблагополучных подростков, которые хотели быть причастны к важному делу, да несколько очутившихся на обочине жизни и в связи с этим агрессивно настроенных дембелей. Первых в РНЕ привлекала псевдо-

Русский порядок

возвращаются покалеченный. Таков итог в Белорусском отделении РНЕ

военная мишура и занятия по рукопашному бою, вторых — власть над первыми и возможность проявить собственные комплексы. В общем, как пел Высоцкий: «Зачем мне считаться шпаной и бандитом, пойду-ка я лучше в антисемиты. На их стороне хоть и нету закона — поддержка и энтузиазм миллионов...»

Миллионами белорусское отделение РНЕ, конечно, похвастаться не могло, однако слухи о якобы имеющей место поддержке всех слоев населения распускало без зазрения совести. Утверждения отдельных журналистов, что в РНЕ состояло едва ли не три тысячи белорусов, неправдоподобны, даже если учитывать так называемых сочувствующих. Последних вообще нельзя принимать всерьез, ведь прослойка сочувствующих имеет отличительные признаки — это бездействие и тяга сочувствовать одновременно многим.

«Зачем мне считаться шпаной и бандитом...»

Тем не менее в 1998 году в плане собственной популяризации белорусское отделение РНЕ совершило прорыв. Под прикрытием демонстрации негативного отношения к образовывавшимся неорелигиозным течениям, деятельность которых якобы растлевает подростков, белорусские баркашовцы использовали кабельное телевидение ТВ-ИТС. В телепередачах упор делался на пропаганду аспектов развития славянства, популяризировалась идеология группирования и т.д. Конец 90-х вообще был лучшим временем для белорусского РНЕ. Несмотря на скромный жизненный опыт, Самойлов, как оказалось, обладал неплохими задатками лидера. Он бросил учебу в БГУ, посвящал все свое время работе в организации, колесил по Беларуси, создавая региональные отделения. Даже в жару он не снимал черную униформу, заявляя, что должен быть примером во всем для своих подчиненных. С 18 по 20 июня 1999 года под руководством Самойлова прошли сборы сторонников РНЕ, в которых участвовали представители Минска, Витебска, Могилева и других городов. Однако головной болью нового лидера РНЕ стал поиск средств для организации. Иногда денег не было даже на батарейки для пейджера — приходилось «стрелять» у мамы. А членских взносов хватало разве что на оплату штаба РНЕ, который часто приходилось менять.

Баркашовцы пытались подрабатывать. В июле 1999-го около 20 членов РНЕ постоянно тусовались вокруг столичного мини-рынка «Уручье-3», где Самойлов работал охранником. Там они проводили собрания и распространяли агитационную литературу. Вместе с Глебом рынок охраняли еще двое членов РНЕ, про одного из которых ходили слухи, будто он являлся «смотрящим» от уголовных авторитетов столицы. Под его же руководством в районе общежития N15 БГПА проводились занятия по физподготовке чернорубашечников. Работа на рынке была большой удачей, но вскоре из-за дурной репутации РНЕ молодых людей оттуда попросили. (К слову, именно на рынке Самойлов познакомился с одной из продавщиц, которая впоследствии стала его женой.)

В 1999 году белорусское РНЕ уже начало выходить из подполья и пропагандировать свои «славянские идеи» в публичных местах. В подземных переходах, к примеру, по вечерам топтались юные носители свастики и предлагали прохожим баркашовскую газету «Русский порядок» и листовки. Тогда и произошел инцидент, принесший РНЕ небывалую известность. 5 февраля около 21.00 в подземном переходе на площади Победы чернорубашечники избили экс-заместителя министра иностранных дел, координатора гражданской инициативы Хартия'97 Андрея Санникова. Санникову сломали нос и несколько ребер. Газеты буквально взорвались праведным гневом. Проснулись и заголосили о наступлении русского фашизма даже те, кто ранее фашистами именовал исключительно БНФ. С одной стороны, шумиха сделала рекламу РНЕ, а с другой — поставила крест на планах Самойлова легально зарегистрировать организацию в Беларуси. Самойлов, кстати, постоянно твердил своим людям, что РНЕ должно действовать осторожно, по закону. Но, по выражению почитаемого прошлыми и нынешними фашистами Ницше, — если ты долго всматриваешься в бездну, то и бездна всматривается в тебя. Вопреки хваленой иерархии и «железной дисциплине» узколобых наци все труднее было держать в узде. Кровавые стычки с БПС, «Краем», «Маладым фронтам», откровенная уголовщина с участием чернорубашечников фиксировались систематически. Во всех случаях Самойлов вынужден был опровергать причастность своих людей, а внутри организации постоянно проводить «зачистки». Так, задним числом был исключен из организации и небезызвестный Валерий Игнатович, признанный виновным в похищении оператора ОРТ Дмитрия Завадского и других уголовных преступлениях.

Появившийся в организации вскоре после инцидента с Санниковым Игнатович резко стал завоевывать популярность. Еще бы, бывший офицер «Алмаза»! До него крутым боевым прошлым мог похвастаться только некий калининградец, что, кстати, он и делал перед девицами «женского подразделения», рассказывая, как взорвал вокзал на Кавказе. В белорусском РНЕ Игнатович исполнял две функции: юриста и инструктора. В ипостаси юриста он защищал баркашовцев, попавших в милицию, и занимался легализацией движения, т.е. регистрацией его в Минюсте. В качестве инструктора — учил юных чернорубашечников рукопашному бою, а также другим армейским премудростям. Быстро освоившись в организации, Игнатович стал критиковать Самойлова за «игры в оловянных солдатиков». По мнению бывшего «алмазовца», заниматься надо было серьезными вещами. Так в белорусском отделении РНЕ возникли серьезные противоречия, о которых вспомнили уже после убийства Самойлова.

Передислокация

Несмотря на отказ Минюста в регистрации отделения РНЕ в Беларуси, в конце 1999 года Баркашов вручил Самойлову орден «За отличие» (N18). Однако вместо благодарности набирающий силу Самойлов в 2000 году начинает порыкивать уже на самого «русского фюрера» и демонстрировать самостоятельность. В частности, без согласования с Баркашовым он дал интервью каналу НТВ. Стало понятно, что еще год-два — и растущий на глазах Самойлов мог стать неуправляемым.

5 августа 2000 года в подъезде собственного дома 22-летний Самойлов был убит тремя ударами ножа. Перед этим его настойчиво разыскивали некие посланцы из Москвы. Версий, кто убил Самойлова, несколько, однако это тема для отдельной статьи. Но кто бы ни порешил Глеба, он нанес мощнейший удар по Белорусскому региональному отделению (БРО) РНЕ, которое стало разваливаться, как карточная пирамида.

Прямо на похоронах Глеба Самойлова представитель Баркашова, некто Кассин, назначил нового командира по Беларуси — Андрея Саковича (1972.г.р., уроженец г.Магдебурга, белорус). До того Сакович возглавлял лучшее после столичного отделение РНЕ в республике — гродненское.

Сакович переезжает в Минск. Если у Самойлова была всего одна судимость (он ударил одного из членов БПСМ и получил за это год условно), то Сакович в этом отношении имел опыт побогаче. В 1995 году его дважды задержали на польском КПП «Кузница». В первый раз — за то, что ехал в Беларусь на авто «Фольксваген-Пассат» с перебитыми номерами, а во второй — ехал на «Ауди-100» с поддельными документами. По оперативной информации КГБ, в 1994-1996 годах Сакович имел отношение к гродненской преступной группировке «Маркиза», собиравшей дань на территории Польши с перегонщиков автомобилей. Также приходилось встречать людей, которые клялись, что лично слышали, как Сакович рассказывал, будто служил в Иностранном легионе, но сбежал оттуда. Внешность у Андрея действительно внушительная: гора мускулов, закачанный в кулаки вазелин... Вот только по части образованности Сакович сильно уступал Самойлову.

Первый скандал возник вскоре после похорон Самойлова, когда выяснилось, что Баркашов передал на памятник 3 500 долларов, а семья Самойлова получила от Саковича не больше трети этой суммы. Андрей, когда ему «предъявили счет», поехал к Баркашову разбираться, потому не исключено, что часть денег умыкнул человек, их передававший.

Из-за подобных скандалов и внутренних разборок «кадры» стали покидать РНЕ. Для увеличения численности Сакович, как ранее в Гродно, пытался привлечь представителей радикального движения «Скинхед». Но и это не помогало. В апреле 2000 года в БРО РНЕ наметился раскол. В оппозицию к новому лидеру публично ушли двое весомых членов организации — Дашкевич и Столяр. Они полагали, что основной деятельностью РНЕ должно стать принятие жестких мер к «врагам русского народа». Что понималось под этой формулировкой — остается только догадываться. Однако Сакович самостоятельно не мог принять такого решения и поехал к Баркашову. Практически одновременно с ним для обозначения своего статуса в Москву выехали и Дашкевич со Столяром. В результате победил Сакович, который, заручившись поддержкой Максима Брейнера, возглавлявшего в БРО РНЕ службу безопасности и командовавшего т.н. штурмовым отрядом, отстранил Дашкевича от командования столичным отделением РНЕ.

В ответ в ночь на 3 января 2001 года Дашкевич со Столяром убили Брейнера...

БРО РНЕ развалилось. В июле 2001 года штаб организации Сакович вынужден был переместить в Гродно. «Реабилитация» сроком почти год, вероятно, заканчивается. По нашим данным, РНЕ собирается предпринять вторую попытку серьезно закрепиться в Беларуси. По крайней мере, есть информация, что в Минске баркашовцы пытаются снять квартиру под штаб организации. (Сейчас собираются на квартире одного из членов.) По словам одного из бывших командиров РНЕ, у организации якобы появились какие-то средства. Однако сейчас «шевеление» чернорубашечников пока не заметно. Впрочем, их лидер Александр Баркашов не раз предупреждал горячего Самойлова: «Не высовывайся до поры, а то задавят». Новый командир, судя по всему, урок усвоил. Уже давно Сакович не давал никаких интервью и вообще сидел тихо, лишь переписываясь с российскими РНЕшниками. Но когда весной этого года в одной из газет вышла статья, перепечатанная из Интернета, о белорусских чернорубашечниках, Саковича она почему-то взбесила. Он позвонил в Минск и, намекая на последствия, «попросил» журналистов больше не писать о белорусском РНЕ ничего — ни плохого, ни хорошего...

Оформить протоколом

«За стеклом»

один из директоров Гомельского стеклозавода предупреждал, что ситуация на предприятии может закончиться убийством

Ирина МАКОВЕЦКАЯ

Журналисты и политики любят утверждать, что человека влиятельнее генпрокурора Виктора Шеймана в стране нет и что даже Александр Лукашенко вынужден считаться со своим серым кардиналом. Современная белорусская история, однако, знает случай, когда даже Шейман оказался бессилен. Человек, которого, будучи государственным секретарем Совета безопасности, Виктор Шейман повелел наказать, сейчас возглавляет завод. А Шейман вынужден просто наблюдать за всем, что разворачивается «за стеклом». Только в нашем прочтении это не шоу, а драма.

Гомельское ОАО «Гомельстекло» — предприятие, знаменитое своими тайнами. Но приблизиться к ним не могут не только журналисты, но даже правоохранительные органы. Напомним, что 4 августа 2000 года был убит генеральный директор завода Владимир Запольский. Сразу же было обещано, что убийцы директора будут найдены. Увы...

В поисках возможных причин этого убийства нам пришлось вернуться в конец 80-х годов прошлого века. Тогда Министерство промстройматериалов СССР приняло решение о возведении цеха полированного стекла на базе Гомельского стеклозавода им.Ломоносова. В 1991 году директор предприятия Павел Шипук (тот самый, который при Лукашенко возглавил первый белорусский сенат) начал строительство. С этого начинается новый этап в истории этого белорусского завода, оставивший след в судьбах многих из тех, кто был с ним связан.

Что и как в те времена происходило на «Гомельстекле», мы бы могли так никогда и не узнать, если бы не стремление руководства предприятия к амбициозным проектам. Одним из таких проектов стала система кабельного телевидения, которую решили внедрить в поселке Костюковка. Впрочем, в конечном итоге сделать качественное телевидение у стекловаров не получилось, и систему продали профессионалам — производственному кооперативу «Сталинит». Одноименное название получила и телестудия. Журналисты были активны, присутствовали на собраниях акционеров, «просачивались» на заседания правления ОАО, организовывали прямые эфиры с героями всяческих заводских разборок... Именно поэтому сохранилась масса видеодокументов, которые и послужили материалом для данной статьи. Этот видеоархив не имеет цены. Однажды неизвестные перевернули все в доме директора студии, нашли даже заначку с деньгами и демонстративно положили ее на видное место... Но кассет, за которыми, собственно, и приходили псевдоворы, они так и не нашли. И вряд ли найдут.

Итак, начнем...

Дело хозяйское

В соответствии с новыми экономическими веяниями гомельский стеклозавод был преобразован в арендное предприятие, на нем шло масштабное строительство нового производства, планы были оправданно грандиозными. В ноябре 1993-го, празднуя 60-летие родного предприятия, заводчане были уверены, что с каждым годом жить будет лучше, лучше и только лучше. Они тогда просто не могли знать, что это был последний юбилей, на котором и директор, и рабочий могли абсолютно искренне говорить: «Это наш завод!» Не прошло и года, как полноправные хозяева превратились в горе-акционеров, проголосовав под бурные аплодисменты за устав акционерного общества, где от прав вчерашних арендаторов не осталось и следа. Многотысячный коллектив превратился в отдельных физических лиц, каждый голос которого стал равен примерно нулю. Хотя для завода преобразование в ОАО означало получение денег, так необходимых для продолжения строительства. Поэтому контрольный пакет акций (52,7%) был отдан гомельскому предприятию по транспортировке нефти «Дружба», директор которого (ныне покойный) Григорий Вараницкий стал председателем правления ОАО «Гомельстекло». Около 30% акций получило государство, а на руках людей остались 14%. По нынешним временам, когда работникам готовящихся к приватизации предприятий нефтехимии обещают только 2-3% акций, это невиданная щедрость. Однако между кем сейчас распределены эти 14%, оказались ли они в одних руках или по-прежнему рассредоточены среди разных частных держателей, на заводе нам ответить никто не захотел.

Павел Шипук сделал большое дело по реформированию собственности предприятия и в 1994 году пошел на повышение. Тем временем новые хозяева не теряли времени в совершенствовании системы управления заводом. Правление, казалось, делало все возможное, чтобы разделить коллектив на «своих» и «чужих». Внезапно и немотивированно началась травля Николая Бирюкова, сменившего Павла Шипука на посту гендиректора. Однако снять с должности руководителя, за которого проголосовал коллектив на учредительном собрании общества, правление не решилось. Сделать все нужно было красиво и чужими руками. И для реализации этой цели был использован проверенный метод, практически никогда не дающий сбоев: на заводе начались целенаправленные проверки, проводившиеся различными контролирующими органами. В апреле 1996 года они проверяли поставки кальцинированной соды, в августе — запчастей, в сентябре — поступления выручки за экспорт продукции... А 6 октября Бирюкову указали на дверь. Тогда же зашаталось кресло и под заместителем директора по экономике и финансам Юрием Ильевым, который готовил и подписывал эти договоры. Но «мебель выдержала».

Новым генеральным директором правление назначило Валерия Чеховского, который до этого высокого поста в должности замдиректора ваял новый цех. Однако Чеховский оказался человеком с характером, «карманным» директором не стал. И тогда началась новая кампания по смещению директора.

27 декабря 1996 года Валерий Чеховский принимал поздравления: заработала линия полированного стекла, которая по мощности стала второй в мире, а по качеству стекла превзошла некоторые мировые показатели. Президент страны высоко оценил сделанное Чеховским и наградил его медалью «За трудовые заслуги». Находясь в студии «Сталинит», Валерий Чеховский поздравлял стекловаров с наступающим 1997 годом, держа в руках осколок первого метра полированного стекла, и радость свою не скрывал. Бесприбыльный завод и уставший поселок находились в ожидании неслыханного богатства, которое после введения новых мощностей должно было посыпаться как из рога изобилия. Но не все, как оказалось, считали этот «рог» общим. Менее чем через год новому директору указали, что правление не устраивает его экономическая политика. Не устраивало, вероятно, то, что люди стали регулярно получать хорошую зарплату, что предприятие погасило долги за энергоносители и впервые за долгие годы получило (и зафиксировало в документах) прибыль — более Usd 300 тысяч. Понятно, что по поводу того, стоит ли «засвечивать» прибыль и платить с нее налоги, стоит ли дразнить высокими зарплатами рабочих завидущую белорусскую общественность, мнения могут быть разными. Непонятно другое: почему в шельмовании директора, снискавшего славу заводу, а себе — уважение стекловаров, правление ни перед чем не останавливалось? Однако желаемого результата не было.

«Ко мне применялись все способы воздействия — от подкупа и шантажа до откровенных угроз», — говорил в прямом эфире Костюковского ТВ Валерий Чеховский. Но все те, кто по долгу службы должен был реагировать на этот крик души директора, хранили дружное молчание.

Убедившись, что помощи ждать неоткуда, 29 ноября 1997 года около двухсот работников завода вышли на несанкционированный митинг, держа в руках плакаты с надписями: «Вон с завода, мафия!», «Ворам не место на заводе!» Неожиданно на митинге появился бывший директор стеклозавода, в то время — председатель Совета Республики Павел Шипук. Народ моментально обступил высокого гостя и не сдерживал себя в резкости выражений. Вечером того же дня видеозапись невероятного зрелища увидел весь поселок. Ошеломленное таким поворотом событий правление уволить директора тогда не решилось. Директора сместили лишь спустя два с половиной месяца, когда страсти улеглись: 17 февраля 1998 года Чеховского перевели в разряд «исполняющего обязанности».

Криминальное чтиво

Формальным поводом послужил акт проверки предприятия Комитетом госконтроля N7 от 30 января 1998 года. Проверяющие изучали деятельность завода в период работы Бирюкова и Чеховского. Надо сказать, что этот 28-страничный документ — настоящее криминальное чтиво. Однако «копая» под Чеховского, контролеры не смогли пройти мимо массы выдающихся сделок, которые вел заместитель директора Юрий Ильев. Например, Ильев (Чеховский тогда и директором-то еще не был назначен) заключил с неким АООТ «Алина» (г.Москва) договор подряда N1 на выполнение строительных работ по ремонту девяти жилых домов в Костюковке. Проверка установила завышение цен на огромную сумму. Давая объяснения, Ильев указал, что подписал смету «на основании устных консультаций со специалистами завода и сложившегося у него мнения о стоимости работ». А потом выяснилось, что никакой «Алины» в Москве нет, и адрес фирмы, указанный в договоре, в природе не существует...

Факты получения заводом крымской соды через фирмы на Кипре и в Либерии, обнародованные по итогам проверки, и вовсе стали притчей во языцех. Причем большинство таких договоров вновь-таки подписаны либо Ильевым, либо другим замом — Константином Шафаренко. При этом либерийские и кипрские партнеры, поставляющие из соседней Украины соду, оказались партнерами требовательными — не скупились на выставление претензий на сотни тысяч долларов, а тандем двух замов претензии эти старался удовлетворять.

Самый показательный эпизод — с лечебно-диагностическим производственным центром «Медис». 5 января 1995 года «Гомельстекло» заключило бессрочный договор N3/30 с ЛДПЦ «Медис» о сотрудничестве по производству и реализации стеклянной бутылки. «Медис» предоставил стеклозаводу автомат для выпуска бутылки, а стекловары обязались продавать фирме весь объем выпущенной бутылки (15 млн штук в год) со скидкой 10%. Этот договор готовился без участия соответствующих служб завода и визировался лично заместителем директора Ильевым. Как установили контролеры, сотрудничество с «Медисом» на оговоренных условиях было для завода экономически невыгодным, но фирма была настойчива и даже качала права. Так, осенью 1996 года ЛДПЦ «Медис» обратился в хозяйственный суд с иском по поводу недопоставки заводом бутылки в июле-августе 1996 года. Суд признал претензии «Медиса» обоснованными, и завод заплатил фирме Byb 2,465 млрд штрафа. Впоследствии оказалось, что эта сумма явилась единственным источником образования балансовой прибыли «Медиса» за I квартал 1997 года. Генеральному директору и учредителю фирмы г-ну Шафаренко (совпадение фамилий не случайно) из них были начислены дивиденды в размере Byb 1,8 млрд, из которых он дисциплинированно уплатил Byb 270 млн в виде налога на доходы.

Любопытно, что после этого судебного разбирательства, проигранного заводом, в октябре 1996 года Шафаренко был принят на стеклозавод в качестве заместителя гендиректора по коммерческим вопросам. Означает ли это, что между Ильевым, Шафаренко и другими официальными лицами имел место сговор по уводу с завода денег, неизвестно. «Преступление» увидели только через несколько лет, когда 18 мая 1999 года по данному факту прокуратурой было возбуждено уголовное дело в отношении бывшего гендиректора Бирюкова и начальника отдела сбыта и маркетинга Валерия Марченко. Суд признал их виновными в халатности и обязал в солидарном порядке возместить предприятию ущерб в размере Byb 2,4657 млрд. Бирюков исправно платит (исполнительный лист выписан почему-то на него одного и на всю сумму), а Марченко все эти годы ищет правду, доказывая, что никакой недопоставки в природе не было.

Был еще один скандал, связанный с «Медисом» и г-ном Шафаренко.

Фирма совместно с ОАО «Гомельстекло» выступила соучредителем ЗАО «Стекло» — крупнейшего дилера завода. ЗАО размещалось в здании заводоуправления и получало стекло со скидкой 5%. КГК Гомельской области, оценив ущерб от такой деятельности в крупную сумму, рекомендовал правлению рассмотреть вопрос о соответствии занимаемым должностям Чеховского, Ильева, Шафаренко, а также принять на работу опытного главного бухгалтера.

17 февраля 1998 года правление охотно занялось этим вопросом, и в результате Чеховский перестал быть директором. Все остальные остались на своих местах, причем исполнявшая обязанности главного бухгалтера Ольга Карпенко стала полноправным главбухом.

Коллектив завода узнал о смещении Чеховского только через несколько дней. Начальник отдела метрологии Екатерина Толстых на планерке не скрывала своего гнева, что бесстрастно зафиксировала телекамера: «Дирекция участвовала вместе с правлением в разграблении предприятия с 1995 года. Чеховский первым сказал «нет!» грабителям. Почему вы его снимаете? Почему вы не снимаете Ильева, на котором — миллионы долларов?» Более двух тысяч работников завода поставили подписи под обращением к главе государства как «гаранту справедливости и борьбы с коррупцией». Рабочие писали о том, что происходит на предприятии, и о поддержке своего директора. Это воззвание на 56 листах было передано в Администрацию президента, но ответа не последовало.

Уже будучи и.о. гендиректора, Чеховский на заседании правления поднял вопрос об увольнении Ильева & K°, и вот тут ему окончательно указали на дверь. 23 марта 1998 года в прямом эфире телестудии Валерий Чеховский открыто заявил: «На нашем заводе воровать привыкли давно. Большой руководитель хочет иметь большую ложку у корыта, средний — среднюю, маленький — маленькую. А тут пришел усатый дядька: и себе не берет, и ложки поотнимал!»

«Усатый дядька» в тот день сказал о многом, и, возможно, именно это спасло ему жизнь. «Мне было предоставлено право выбирать из трех путей: работать совместно, уйти с завода раньше, начать ту борьбу, которую мы начали... Придет новый директор, и если он не будет угоден той команде, которую я назвал «коррупция», то и будущее его ожидает такое же, и методы будут абсолютно те же. Но есть еще один метод — Борского стекольного завода: его директора расстреляли из автомата у своего дома», — сказал Чеховский.

Экс-директор был убежден, что решение о его смещении принималось «в тиши минских кабинетов». Так ли это, нам неизвестно. Но через

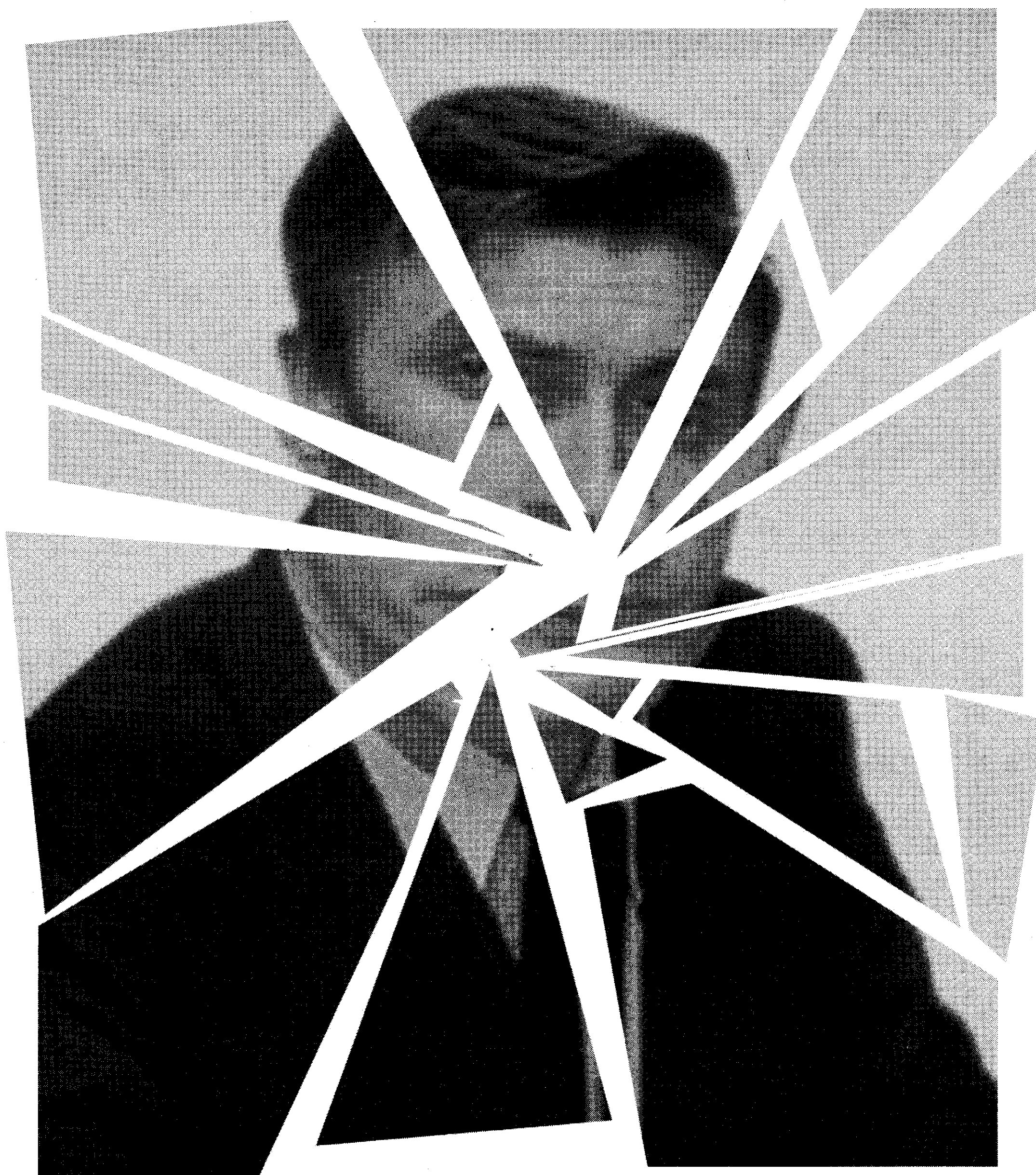
полгода на вечере в честь 65-летия стеклозавода председатель Совета Республики Павел Шипук произнес: «Где бы я ни был, кем бы я ни работал, я все равно буду с вашим коллективом. И если были какие-то нежелания со мной сотрудничать — это дело отдельных людей!»

От чистки рядов до пророчества

На заводе началась травля тех, кто поддерживал Чеховского: кого-то выжили, кого-то перевоспитали. Особо преуспел в этом Петр Лосев, которому за заслуги «в наставлении на путь истинный» чуть позже доверили пост председателя правления ОАО, позволив совмещать этот «фронт» с работой заместителя гендиректора. Разрешение на взаимоисключающее сочетание наблюдательных и распорядительных должностей выдало Минстройархитектуры.

А Валерий Чеховский попытался попасть на прием к президенту страны. Безуспешно. Тогда он стал прорываться к госсекретарю Совбеза Виктору Шейману. Документы в канцелярию Шеймана удалось передать, и Виктор Владимирович отреагировал незамедлительно. 20 апреля 1998 года на имя тогдашнего премьер-министра Сергея Линга было отправлено письмо, содержащее не только яркие эпизоды злоупотреблений, но и рекомендации. Шейман рекомендовал освободить от должности Шафаренко, не поддерживать кандидатуру Юрия Ильева при назначении генеральным директором завода и заменить представителей государства в правлении ОАО, которые активно «проталкивали» Ильева на это место.

Шейману перечить не посмели. А чтобы красиво выйти из форс-мажорной ситуации, правление объявило конкурс на замещение вакансии генерального директора. Конкурсантов набралось девять. Среди них был и Юрий Ильев. Непонятно, как он не побоялся «попереть» против Шеймана, но факт есть факт. Зато дрогнул представитель держателя контрольного пакета акций — директор нефтепровода «Дружба» Алексей Костюченко. На собрании акционеров он напомнил: мол, «Ильев в списке всех тех виновных — в акте контрольных органов, по которым не закрыто в том числе и уголовное дело». В результате выбор пал на «пришлого» кандидата — Владимира Запольского, работавшего коммерческим директором на стеклозаводе «Неман». Доподлинно известно, что Запольского знакомили с костюковскими видеоматериалами. И все же он решился...

Собрание акционеров, на котором впервые представили нового гендиректора, было знаковым. Такого фарса Костюковка еще не знала! На обсуждение выносились судьбоносные вопросы ОАО, по каждому проводилось тщательное голосование. Но на самом деле народ собрали для того, чтобы придать решению видимость коллективного. Ведь с учетом распределения акций судьбу «Гомельстекла» могли решать несколько человек — представители государства и нефтепровода. Четыре часа длилось это действо, четыре часа правление открыто упивалось собственной властью. И все эти четыре часа новый гендиректор сидел, опустив голову. О чем он думал?.. Потом в своем выступлении Владимир Запольский скажет: «Мне предложили эту должность, и я согласился. Надеюсь, что не ошибся!» В ответ из зала раздался голос Екатерины Толстых: «Вы смелый человек! Но если вы останетесь с теми же заместителями, то пожнете те же плоды, и ваша судьба будет точно такой, как у Чеховского...» Если бы женщина оказалась права, было бы полбеды.

Борьба с коррупцией-2

Запольский, молодой и амбициозный, с блестящим образованием и научной степенью, энергично взялся за дело. Приоритетными были выбраны три направления: жить по средствам, избавиться от долгов и нарастить «оборотку». На предприятии сразу же был введен режим жесткой экономии, а новый директор продолжил политику предшественника, направленную на расторжение невыгодных контрактов с посредниками. Делалось все, чтобы уменьшить себестоимость продукции, в том числе и за счет прямых поставок сырья. За короткий срок Запольскому удалось даже то, чего за десятилетие не смогли добиться его предшественники: он получил принципиальное согласие органов власти на передачу всей коммунальной инфраструктуры предприятия на баланс города.

Но была и другая сторона медали. Средний заработок упал до Usd 69, выплаты задерживались — это вызывало недовольство. Плюс ко всему на нового руководителя выплескивалась озлобленность работников завода, связанная с заменой предыдущего гендиректора вопреки их воле. Никакие обещания о светлом будущем не помогали стабилизировать атмосферу. Этим не преминуло воспользоваться ближайшее окружение директора, которому, вероятно, никак не удавалось вернуть отнятые Чеховским «ложки». Запольского окружили ложью. Дело дошло до того, что он был вынужден записывать на магнитофон диалоги на заседаниях дирекции, а потом предъявлял их некоторым «забывчивым» заместителям. В итоге, запутавшись, где — чужие, а где — свои, Запольский оказался в одиночестве. И в этом была его трагедия. Кстати, именно в это время по рекомендациям «доброжелателей» Запольский вынужден был избавиться от студии «Сталинит». Предприятие решило ее купить, а телевизионщиков вынудили ее продать. Так в поселке наступила благостная тишина.

Боясь подвоха, Запольский все старался делать сам. В отместку его стали «душить» кризисом с поставками кальцинированной соды. Количество поставщиков выросло до 60, соду возили даже автомобилями: Запольский соглашался на все — лишь бы завод не остановился. Но люди, с мнением которых однажды не посчитались, стали покидать завод, причем уходили опытные специалисты. В один из таких моментов, в августе 1999-го, один из мелких учредителей ОАО — АКБ «Промстройбанк» — неожиданно потребовал возврата кредита в Usd 2,7 млн. Денег у завода не было, и в счет долга банк решил отсудить несколько основных цехов. Запольский справедливо расценил, что таким образом завод хотят раздробить, чтобы потом воссоздать в виде новой структуры, скажем, холдинга. Запольский противился этому, но когда он был в отпуске, механизм все-таки завертелся. Завод спас... профком. О ситуации телеграммой уведомили президента. Никакого ответа. Следующую телеграмму направили Шейману. Нет ответа. Павлу Шипуку письмо выслали обыкновенной почтой. И оно сработало — завод получил отсрочку по выплате кредита!

Запольский стал отучать коллектив жить в кредит, добивался погашения долгов, всеми силами старался приобрести оборотные средства. Сегодня по понятным причинам умалчивается, что именно Владимир Запольский, продолжив начатое Чеховским, заложил основы процветания ОАО «Гомельстекло», совсем не ожидая, что его успехи станут достоянием другого директора.

Собираясь в августе 2000 года в очередной отпуск, Запольский дал четкие указания о немедленном проведении собрания коллектива, если только возникнет какая-либо провокация. Это было последнее из его указаний. В последний перед отпуском рабочий день Владимир Анатольевич Запольский был застрелен в подъезде собственного дома. Средь бела дня...

И лучше нет развязки дела?

С неделю после преступления наблюдалась всеобщая растерянность. А потом — как прорвало. Газеты наперебой стали публиковать свои доводы, основанные на документах и предшествующих событиях. Начали всплывать пикантные моменты из жизни акционерного общества. Понимая, чем может закончиться дальнейший экскурс в историю, 16 ноября 2000 года заместители пошли на беспрецедентный шаг — организовали пресс-конференцию. А чтобы на нее случайно не попали инакомыслящие сотрудники завода, день и время держались в строгой секретности. Журналисты приняли все сказанное за чистую монету, и на суд читателей был вынесен ряд, как теперь выясняется, абсурдных публикаций. Пожалуй, единственный верный вывод, который пишущая братия вынесла с этой встречи, — это вывод о желании Юрия Ильева «заполнить» собой директорское кресло.

5 декабря 2000 года, ровно через четыре месяца после беспрецедентного для Беларуси преступления — убийства директора завода, ОАО «Гомельстекло» наконец увидело своего очередного, четвертого за последние четыре года гендиректора. Заместитель по экономике и финансам Юрий Ильев, предложив программу по выходу завода из кризиса путем создания холдинга (!), получил долгожданный «портфель». Представляя на заводской планерке нового гендиректора, представитель государства подчеркнул, что при данном назначении учитывалось мнение 43 работников завода, подписавшихся под соответствующим обращением в Минстройархитектуры. При этом загадкой осталось одно — неожиданная смелость и желание Ильева после стольких драматических событий стать руководителем столь небезопасного предприятия.

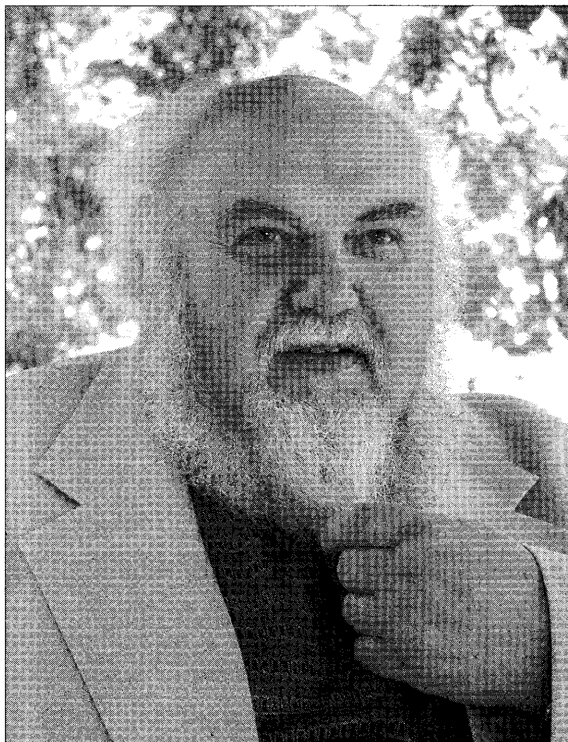
«Новый старый руководитель» немедленно нашел возможность поднять среднюю зарплату до Usd 140 и начать расплачиваться по долговым обязательствам. Куда-то подевался внешний прессинг, и завод заработал на полную мощность. Под красивым названием «тендер» были заменены многие давние коммерческие партнеры предприятия... Все, казалось бы, хорошо. Но немногочисленные оставшиеся «инакомыслящие» бьют тревогу: завод закредитован, и ничто не свидетельствует, что предприятие загоняется в долги из лучших побуждений. Скептики уже прогнозируют, что дело все-таки закончится продажей завода за долги — тем самым способом приобретения собственности, который не удалось осуществить при Запольском.

Для ознакомления

Дельфины

советских военных дельфинов

СССР всю документацию ученые

Александр Сыкало

ЕКАТЕРИНА ТКАЧЕНКО

Использование морских животных в военных целях во второй половине XX века было признано одним из самых чудовищных проявлений «холодной войны». Известно, что в США работы в этой области начались еще в 1960-е годы, Советский Союз кинулся догонять «потенциального противника» лишь спустя десятилетие. И у нас, и за океаном большинство исследований имели гриф «Особо секретно», и мало кто знает, что их советский «мозговой центр» находился в Минске. Сегодня уже можно открыто утверждать, что именно работы белорусских ученых стали базой для всех последующих экспериментов в области боевого использования дельфинов.

Лаборатория со скромным названием

О существовании военных дельфинариев, располагавшихся в Севастополе, на Кольском полуострове и в бухте Витязь на Дальнем Востоке, в те времена вообще не сообщалось — они являлись засекреченными объектами. Крупных гражданских дельфинариев в стране было только два: один — в местечке Малый Утриш, недалеко от Анапы, другой — в Батуми. С последним связан весьма крупный скандал — в 1982 году там произошла массовая гибель дельфинов. Однако местный Комитет госбезопасности, занимавшийся расследованием этого происшествия, не огласил ни единой версии причин гибели дельфинов, в связи с чем по городу поползли слухи, будто смерть животных — происки ЦРУ. Направленная в Батуми группа белорусских ученых под руководством Александра Сыкало провела собственное расследование. В результате выяснилось, что заместитель директора Батумского научно-исследовательского института («по совместительству» — сын директора местного универмага) не поделил с тренерами левые доходы от сверхплановой продажи билетов на представления, которые проходили с участием дельфинов. И чрезвычайно оскорбленный, он тайком нашпиговал иголками рыбу, которой кормили животных…

Дело, впрочем, замяли: сын директора универмага в тех краях и в то время был фигурой неприкасаемой. Кроме того, гражданское использование дельфинов в те годы мало кого интересовало. Но почему разбираться с инцидентом были присланы ученые из сухопутной Белоруссии?..

Единственным реальным заказчиком работ в этой области выступало Министерство обороны СССР, потому постановлениями партии и правительства в Советском Союзе была создана организационная, научная и производственная инфраструктура, обеспечивающая успешное развитие работ. Несомненно, проводить исследования на морских млекопитающих было бы логичней в непосредственной близости от морей и океанов. Однако очень скоро стало очевидно, что в Севастополе, Мурманске и Владивостоке не хватает квалифицированных кадров широкого профиля — биологов, медиков, ветеринаров, технологов. Ученые этого профиля из Москвы и Ленинграда решали другие, более престижные задачи, поэтому золотой серединой в работе с дельфинами посчитали Минск. Так в столице Белоруссии была создана структура с нейтральным и мало что говорящим названием — лаборатория проблем адаптации. Через несколько лет ее возглавил Александр Сыкало. Работы велись настолько успешно, что незадолго до распада Советского Союза лаборатория была преобразована в Минский филиал Московского института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР.

Дельфинов в Свислочи, конечно же, не было. В летний сезон белорусские ученые выезжали на морские базы Черного и Белого морей, а также других морей Северного Ледовитого и Тихого океанов. Они занимались отловом дельфинов, разрабатывали способы их транспортировки. Это, кстати, было весьма непросто — ведь, к примеру, взрослые особи белух достигают полутора тонн. Животных укладывали на пропитанный водой поролон и время от времени перекатывали с бока на бок, предотвращая появление у них пролежней. Все работы проходили при участии морских и воздушных подразделений ВМФ и пограничных войск под кураторством КГБ. У дельфинов брали кровь для исследований, и пробы, помещенные в жидкий азот, доставляли в Минск. Уже здесь, в сухопутной Белоруссии, высококвалифицированные специалисты проводили гормональный, биохимический и морфологический анализ крови животных.

Специальная информация

В результате эволюции у современных дельфинов перед дыхательными путями образовался жировой комок — линза, которая фокусирует и направляет в окружающую среду ультразвуковые колебания. Те, в свою очередь, отражаясь от предметов, возвращаются и формируют в мозгу животного локационную картину. Поэтому дельфины могут отличить полый шар от литого или, к примеру, распознать сорта стали с разным содержанием углерода. По аналогичному принципу, кстати, действуют локаторы самолетов и подводных лодок, однако в условиях моря возможности техники ограничены. К тому же мозг дельфина «лоцирует» на расстояние до 1500 м, приборы — на значительно меньшее. Именно это свойство дельфинов и привлекло особое внимание военных.

Три желания Минобороны

О том, как и кем велись эти работы, лучше непосредственного руководителя секретной лаборатории никто не расскажет. Потому мы обратились с просьбой об интервью к самому Александру Сыкало. Он не стал ссылаться на всякие «подписки о неразглашении» и согласился на встречу с журналистом. Далее вы поймете, почему.

— Каким образом обеспечивалась секретность военных «разработок» морских животных?

— Естественно, что и в СССР, и в США та часть работ, которая относилась к секретным сведениям, шла под грифами «Сов. секретно» и «Секретно». Однако информация, касавшаяся сугубо биологических проблем, периодически публиковалась в открытой печати. Так что в целом обе стороны были в курсе того, кто чем занимается и на каком этапе изучения проблемы служебного использования морских животных находится. Однако при помощи разведки до нас доходила и закрытая информация с американской стороны. Удавалось даже просматривать копии служебных фильмов ВМС США. Думаю, американцы тоже были знакомы с нашими разработками. В значительной степени это уже были «игры в бирюльки», так как в 80-е годы ученые (я в этом убежден) обеих стран хорошо понимали, что широкое использование дельфинов в военных целях бессмысленно. Кроме того, это слишком дорогое удовольствие. Дотошные американцы как-то подсчитали, что стоимость одного боевого дельфина второго поколения составляет 8 миллионов долларов. Хотя эти животные действительно могут оказать неоценимую помощь при решении технических и тактических задач. Не зря в Америке разные виды дельфинов и ластоногих обучали поиску, обнаружению и подъему затонувшей военной техники.

Напомню, что при взрыве космического корабля «Челленджер» обломки упали в океан, и найти их для американцев было делом чести. Обломки обнаружил дельфин Таффи, обученный в дельфинарии ЦРУ. И сделал он это намного быстрее, чем существовавшие в то время технические средства.

Или другой пример. На мысе Канаверал во Флориде американцы использовали морских животных во время испытаний крылатых ракет наземного базирования: ракеты вылетают из туннелей на стартовых тележках, на которых укреплено оборудование, фиксирующее поведение основных систем ракеты. Так вот: дельфины легко обнаруживали места падения стартовых тележек крылатых ракет наземного базирования.

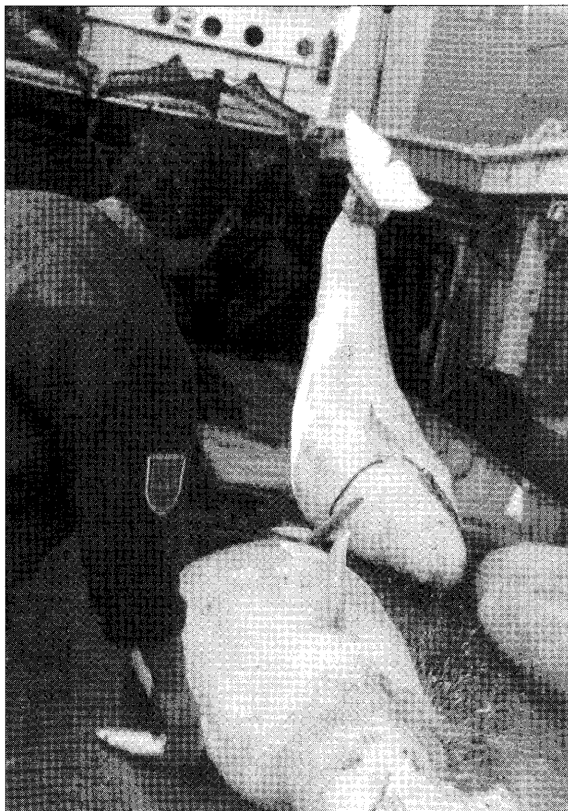
Морских животных использовали и во время войны Ирака с Ираном. Тогда иранцы закупили в Италии старые мины и буквально завалили ими все подступы к своим базам. Были случаи подрыва судов американских морских конвоев, которые обеспечивали интересы США на Ближнем Востоке. При помощи техники эти мины обнаружить и обезвредить не удавалось. Тогда из Флоридского дельфинария были высланы и сброшены на парашютах шесть специально обученных дельфинов. Через несколько часов их «ввели в строй». Животные великолепно справлялись с поставленными задачами, обнаруживая мины, которые потом уничтожались с помощью технических средств.

Велись в США разработки и по использованию дельфинов в борьбе с военными диверсантами. Во время американо-вьетнамской войны резервы армии США располагались на военной базе Камрань. Вьетнамские пловцы, обученные советскими специалистами, часто подрывали объекты базы с помощью пластиковой взрывчатки. Перед заданием они облачались в резиновые костюмы с бесшумными ластами, имитирующими звуки, издаваемые при движении морских животных. Поэтому распознать их при помощи сугубо технических средств было невозможно. Тогда американцы отловили местных вертящихся дельфинов (они по размерам несколько меньше черноморских дельфинов, но тем не менее достигают 120-140 кг) и обучили их «охоте» за диверсантами. Дельфинам на рострум надевали баллон со сжатым углекислым газом, крепили его при помощи защелок и «вооружали» баллон длинной титановой иглой. Животных приучали выпрашивать рыбу ударами по туловищу тренера. А потом такого дельфина с баллончиком выпускали в море. Когда дельфин встречал на своем пути плывущего человека, он приближался к нему и, выпрашивая рыбку, ударял его иглой шприца. В тело жертвы под давлением выбрасывался газ. От газодинамического удара разрывались внутренности пловца, и диверсант шел на дно.

В 1990-е годы гриф секретности с подобных исследований был снят, однако мы знали о подобных экспериментах еще в начале 1970-80-х годов.

— Какие задачи ставило Министерство обороны перед белорусскими учеными?

— Очень четкие. Первая задача — обеспечить воспроизводство дельфинов в условиях дельфинариев. Дело в том, что в конце 70-х в трех самых крупных военных дельфина-

Белорусские ученые разработали эксклюзивный способ транспортировки дельфинов

в Свислочи

«разрабатывали» в Минске, но после распада сожгли во дворе лаборатории

риях СССР детеныши водных млекопитающих, как правило, погибали. А ценными с точки зрения тренировки являются именно животные второго поколения — дельфины, родившиеся, выросшие и приспособившиеся к условиям жизни в искусственной среде.

Вторая задача — диагностика беременности дельфинов. Период вынашивания потомства у этих животных длится до десяти месяцев, беременность маловодная, плод лежит, вытянувшись вдоль тела матери. Поэтому до самых родов гидродинамические формы дельфинов почти не изменяются. Соответственно невозможно было дать гарантию, что обученное в течение многих месяцев животное будет работать, а не забеременеет. Ведь при вынашивании потомства у этих животных, как и у человека, изменяются основные инстинкты и поведение. При помощи ультразвуковой локации и специальных гормональных тестов мы научились диагностировать беременность на ранних и поздних сроках. Кстати, с этой задачей мы справились блестяще, и это стало предметом особой гордости для нас. Дело в том, что за два года до того, как мы приступили к этим исследованиям, американские ученые в секретном докладе утверждали, что диагностировать беременность дельфинов не представляется возможным, и приводили обширную биологическую аргументацию. Уже после распада Советского Союза на одной из конференций мне пришлось встретиться со своим коллегой — полковником ВМС США Сэмом Риджвеем, который отвечал за медико-биологическую часть программы «Использование морских животных в военных целях в США». Сэм Риджвей признал, что советские ученые в 1980-е годы сделали то, что американцы считали невозможным...

— Обучение дельфинов в военных целях не вызывало нарушений психики этих животных?

— Вызывало. Поэтому третья задача, которая была поставлена перед нами Министерством обороны СССР, формулировалась так: обеспечить устойчивость дельфинов к стрессам. Ведь миллионы лет эти животные жили в информационно бедной морской среде. В неволе во время тренировок на животных влияло многое: тесное содержание, шум, издаваемый техникой и людьми... Все это вызывало у них стресс. В нашей лаборатории были разработаны специальные добавки со стреспротекторами, что позволило стабилизировать работу животных.

Биологические ноу-хау

— Как Советский Союз планировал использовать дельфинов в военных целях?

— Могу сказать точно, что в реальных военных конфликтах «советские» дельфины не участвовали. А вот проект борьбы с диверсантами, в основе которого лежит способность белухи (северного дельфина) лоцировать на большие расстояния, был успешно реализован. Суть его вкратце такова. Два дельфина находились в вольерах, расположенных на расстоянии 200 метров друг от друга. Над каждым вольером была установлена телекамера, а на диспетчерском пункте изображение из обоих вольеров совмещали на одном экране. И если где-нибудь за пределами вольера раздавался всплеск, дельфины из двух разных точек поворачивались в ту сторону, откуда поступил звук. Координаты местонахождения пловца-шпиона определялись автоматически, едва тот успевал спуститься со шлюпки в воду. Это были очень перспективные исследования, и когда мы их завершили, был уже конец 1980-х. После распада СССР средства на развитие этого и других проектов военные уже не выделяли.

Дельфины — животные, которые не спят вообще

— Белорусские ученые обеспечивали медико-биологическую часть исследований жизни дельфинов. А кто принимал решения о дальнейшем использовании животных в военных целях?

— Действительно, в нашу задачу входила лишь подготовка животных, а уже десятки других организаций разрабатывали методы применения их в интересах ВМФ СССР (согласно одному из проектов животные должны были доставлять вооружение боевому пловцу). Кроме того, исследования биологов легли в основу целого ряда других технических проектов. К примеру, впервые в СССР были созданы торпеды, двигатель которых был изготовлен в виде хвоста дельфина. Правда, ничего хорошего из тупого копирования биологических конструкций не получилось, хотя на это дело было затрачено немало средств. Я думаю, что причина подобных неудач в том, что работы по служебному использованию морских животных стали, как это было во всем непомерно раздутом ВПК, кормушкой для множества военных и гражданских лиц и организаций, и лишь очень небольшая часть затраченных средств работала на «копилку» общечеловеческого знания. Мы со своей стороны неоднократно подчеркивали, что при разработке техники и вооружений за основу важно брать лишь принцип биологического устройства. И успехи были.

В 80-е годы американцы активно интересовались обшивкой наших торпед и субмарин: советские подводные лодки использовали покрытие, которое препятствовало возникновению турбулентных завихрений. В основу этого изобретения были положены исследования кожи дельфинов. Было известно, сколько ест дельфин, сколько энергии выделяют его мышцы при сокращении... Оказалось, что дельфин плывет со скоростью, при которой он должен затрачивать в несколько раз больше энергии, чем он реально затрачивает. А это ведь нонсенс! Только потом ученые выяснили, что свойства кожи дельфина таковы, что вода при движении плавно обтекает тело, и при этом практически не образуется турбулентных завихрений. На этой основе и стали разрабатывать покрытия, которые позволили снизить сопротивление воды.

Кроме того, при разработках двигателя для атомных подводных лодок большую помощь оказало изучение принципов кровообращения дельфинов. Кожные артерии этих животных окружены несколькими венами. Горячая кровь поступает к коже и попутно отдает тепло возвращающейся по венам охлажденной крови. Охлаждающая система для атомных двигателей подводных лодок сделана по тому же принципу: прежде чем охладить какую-нибудь деталь, вода отдает свою температуру встречной воде. За счет этого уменьшаются потери энергии и тепла.

«Святая» Айгюль

— Ваши исследования подтверждают предположения, что мозг дельфинов не уступает человеческому?

— То, что дельфины умны, человечны и готовы работать, выполняя самые сложные задания, — это не более чем легенда. Дельфины — низкоорганизованные существа, они не прошли ту часть эволюции, что, например, кошки и собаки. Реакции дельфинов примитивны. При стрессе они собираются в «позу цветка»: голова к голове, головы в воде, хвосты наружу. Однако при этом многие тренеры в отношении дельфинов не признавали даже самого слова «дрессировка» и относились к этим животным, как к партнерам. Не обходилось и без курьезов. Опытный профессиональный пловец Галина Шурепова, дублировавшая Анастасию Вертинскую в подводных съемках фильма «Человек-амфибия», обнаружила, что у самцов-дельфинов эрогенные зоны весьма чувствительны, и использовала это обстоятельство как поощрение при работе с животными. Шурепова добилась удивительных результатов, хотя тренировать этих животных нелегко: если просто давать им рыбу, дельфины быстро насыщаются и перестают слушать тренера. Но своеобразная методика Шуреповой приводила некоторых в шок. Однажды на показе высокому начальству боевой дельфин начал демонстрировать свои мужские прелести, требуя своего рода поощрения. У боевых адмиралов это сначала вызвало легкий шок, но все закончилось соленым морским юмором, а боевая подготовка этого дельфина была «зачтена», ведь с поставленными перед ним задачами животное справилось безукоризненно.

Бывали и серьезные неприятности. Перед самым распадом Советского Союза в Севастопольский дельфинарий мы привезли белух с Дальнего Востока. Во время шторма одна из них ушла в открытое море и была обнаружена лишь у берегов Турции. Как правило, дельфин, привыкший жить в неволе, не имея охотничьих навыков умирает от голода, но «наша» белуха прекрасно освоилась в новых для себя условиях. А теперь представьте: в прибрежных районах Турции испокон веков существовала легенда, что в водах Черного моря появится большой белый дельфин и это принесет большую удачу турецкому народу. Предположить, что белуха могла попасть в Черное море естественным путем, турецкие ученые не могли. С другой стороны, не знали они и о существовании военного дельфинария в Севастополе, ведь использование морских животных в военных целях было темой особой секретности... В общем, нашу белуху Айгюль окрестили «святым дельфином», появились различные статьи в местной печати, биологи заговорили об экологической катастрофе, о грядущем похолодании вод мирового океана... С большим трудом удалось отловить и водворить Айгюль обратно, а начальство дельфинария получило хорошую взбучку от Министерства обороны.

— Правда ли, что ученые США и СССР вынашивали почти мифические планы использования морских животных? Мне, к примеру, приходилось слышать о проектах по подключению морских животных к атомным экспериментам...

— Трудно сказать, как было на самом деле. У нас были сведения, что американцы одно время обсуждали вопрос о транспортировке атомной бомбы при помощи белух. Правда, советские ученые считали это бредом, так как технические средства с этой задачей способны справиться более успешно. Была попытка у американцев использовать дельфинов в диверсионных целях, но она с треском провалилась. Тогда со специально построенной вышки на базе Гуантанамо, арендуемой США у Кубы, американцы вели непрерывное наблюдение за пляжем, на котором периодически купались члены кубинского правительства во главе с Фиделем Кастро. ЦРУ подготовило несколько дельфинов, на которых должны были установить баллончики с нервно-паралитическим газом. Предполагалось, что животные подплывут к пляжу, сработает специальный механизм — и Фидель Кастро погибнет в считанные секунды вместе со своими приближенными. Однако на время студенческих каникул на базу по уходу за дельфинами были приняты на работу три студента из состоятельных американских семей. В их обязанности входили кормежка дельфинов и чистка вольеров. Каким-то образом молодые люди узнали, для чего готовят дельфинов, за которыми они ухаживали, и выпустили животных в океан. Сами студенты сбежали на катере во Флориду и организовали там пресс-конференцию, на которой осудили антигуманные планы ЦРУ, упирая при этом на то, что при выполнении боевого задания сами дельфины должны были тоже погибнуть. Это был 1981 год.

Что же касается разработок, проводившихся в СССР, то я убежден, что они принесли дельфинам только пользу. За счет финансирования военными биологических исследований был накоплен огромный опыт по биологии этих животных. И сегодня можно очень многое сделать для дельфинов и некоторых ластоногих. Более того, я убежден, что если бы не наши исследования, мы бы с вами сейчас обсуждали проблему полного исчезновения черноморского дельфина как вида.

...И был большой костер

— Что стало с секретной частью ваших разработок?

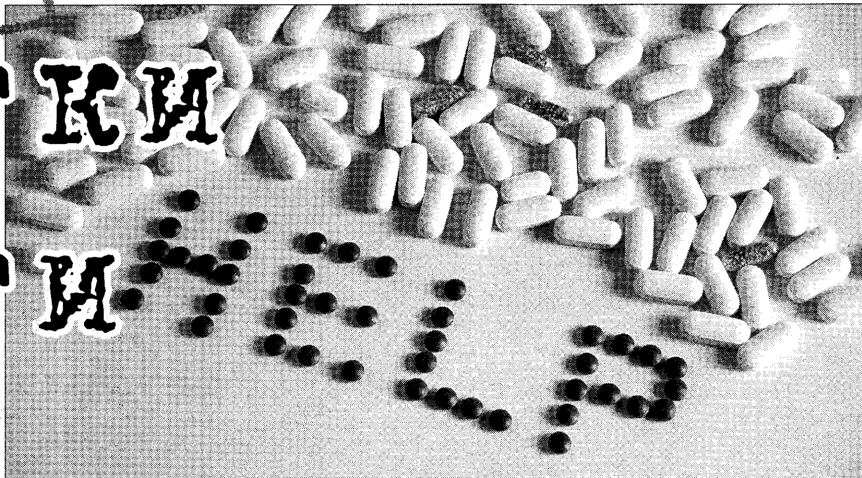
— После распада Советского Союза наша лаборатория, ставшая филиалом московского института, оказалась ненужной. Специалисты военной приемки НИИСА, работники КГБ, которые курировали нашу работу в части соблюдения ее секретности, в те дни были отозваны в Москву. Белорусский КГБ также потерял к нам всякий интерес. Пришлось развести костер во дворе лаборатории и сжечь все имевшиеся у нас документы — это была секретная переписка с воинскими частями, Генеральным штабом... Военные дельфинарии под Мурманском и Владивостоком были закрыты. В Севастополе в начале 90-х дельфины голодали настолько, что горожане собирали деньги на их пропитание, а в казармах, где раньше жили боевые пловцы и тренеры, предприимчивые украинцы стали разводить кур. Позже выжившие животные переехали в Турцию вместе с капитаном 1-го ранга Борисом Журидом, некогда возглавлявшим работу с животными в Севастопольском и Дальневосточном дельфинариях. Думаю, в настоящий момент именно в Турции продолжаются работы по дальнейшему исследованию этих уникальных морских животных.

— Есть ли опасность, что в настоящее время турецкие военные разрабатывают планы использования дельфинов в боевых операциях?

— Я лично убежден, что это исключено. Сегодня все ученые мира хорошо понимают, что дельфины являются идеальной моделью для изучения биологических закономерностей эндокринной, метаболической, иммунной и нервной систем. Вопросы нейродинамики китообразных регулярно собирают симпозиумы ученых и врачей. Дело в том, что у дельфинов однополушарный сон: пока работает левое полушарие головного мозга, правое отдыхает. Другими словами, эти животные не спят вообще... Сегодня принято считать, что человек не может быть объектом для генетических экспериментов, но в обозримом будущем обязательно придется вести речь о генетической адаптации человека к миру, который он создал. Например, полученные знания о биологии дельфинов помогут создать человека, который не будет тратить драгоценное время своей жизни на сон, сможет чувствовать себя в водной среде столь же комфортно, как дельфин, и не станет тратить столь дефицитные ресурсы планеты на уничтожение себе подобных.

Узаконить

Таблетки радости

Елена НОВОЖИЛОВА

В №4 «БДГ. Для служебного пользования» мы упоминали, что национальную сборную по бодибилдингу освободили от уголовной ответственности за ввоз в страну таблеток экстези по той простой причине, что экстези исключили из числа наркотических препаратов. Этот факт вызвал небывалый резонанс. Большинство белорусских экспертов все-таки склонны считать, что экстези — наркотическое вещество, опасное для употребления.

«Таблетка любви»

Полисинтетическое химическое соединение 3,4 — метилендиоксиметамфетамин, оно же MDMA, оно же экстези, оно же просто Е, было синтезировано в 1912 году в лабораториях немецкой фармацевтической компании «Меркс» и какое-то время продавалось как препарат для похудения, подавляющий аппетит. В начале 50-х военная промышленность США опробовала MDMA в качестве одного из наркотиков для возможного использования в химической войне. Тогда экстези получил специальный шифр «экспериментальный агент 1475». Затем о MDMA забыли. Вспомнили в 60-х, когда химик Александр Шульгин в Калифорнии повторно вывел его формулу и представил в качестве средства для использования в психиатрии. Было доказано, что под воздействием Е пациенты, страдающие психозами, освобождаются от отрицательных эмоций и начинают видеть мир в другом свете.

Кстати, по сей день есть психиатры, продолжающие практиковать применение экстези. Их аргументы: использование краткосрочных эффектов наркотика ускоряет лечение. Мол, одна доза экстези равна трем месяцам обычной психотерапии. Однако попытки доказать полезность экстези достаточно осторожны, ибо безопасность вещества не доказана. Скорее наоборот.

Но вернемся к истории. После того, как экстези попал на вооружение к психиатрам, он перекочевал из их «арсеналов» в ночные клубы и бары Америки, а оттуда — в Великобританию. К началу 80-х MDMA стал самым популярным «наркотиком для отдыха». Считалось, что в отличие от героина экстези не вызывает такого привыкания и относительно безопасен, поскольку было известно лишь о единичных смертельных случаях. Однако все знали, что если переесть «таблеток радости» (или, как их еще называли, «таблеток любви»), то увидишь мир отнюдь не в розовом цвете: обезвоживание, судороги, потеря сознания, паралич сердечной мышцы и смерть. Тем не менее экстези уже прочно вошел в моду на Западе и занял свое, четко очерченное место на наркотическом рынке. Появилась альтернатива LSD — наркотику, который также использовался в дополнение к «кислотным» тусовкам, переросшим со временем в так называемую рейв-культуру. Кстати, экстези не случайно является элементом рейв-движения: без стимулирующих таблеток просто невозможно воспринимать музыку с ритмом 250-300 ударов в минуту — это может вызвать обморок или эпилептический припадок.

К середине 80-х MDMA в Англии стал популярным настолько, что рассматривался в качестве угрозы национальной алкогольной промышленности.

В 1985 году Агентство по борьбе с наркотиками в США запретило экстези, а американская Администрация по пищевым продуктам (FDA) включила препарат в список нелегальных наркотов. Любое применение данного вещества — будь то в научных, рекреационных или медицинских целях — было запрещено. Через год примеру Соединенных Штатов последовали англичане. Таким образом появился «список I» (в США) или группа «А» (в Великобритании), объединившие самые сильные наркотики, с высоким потенциалом злоупотребления и отсутствием медицинской полезности. Помимо экстези в этот список вошли героин, кокаин, амфетамины, LSD. Только недавно, в конце 2001 года, британская полиция выдвинула предложение сделать для экстези некоторое послабление и перевести этот наркотик из группы «А» в группу «В» (есть еще группа «С» — практически разрешенные), мотивируя это необходимостью концентрации усилий на борьбе с героином.

В России, Беларуси и Украине MDMA официально был отнесен к наркотикам в 90-е годы. Однако в 2000-м, проявив оригинальность, Беларусь на основании постановления N11 Министерства здравоохранения от 3.05.2000 г. вывела экстези из списка наркотических средств.

Проверено на себе

Евгений Сидоров — в прошлом популярный ди-джей Джон одного из ночных клубов. С начала 90-х начал активно употреблять экстези, после стал нюхать кокаин, затем перешел на героин, но в конце концов сумел остановиться. Такая же история была и с его женой, «широко известной в узких кругах» джазовой певицей.

— Конечно, экстези — это наркотик, — считает Евгений. — Он кардинально меняет сознание. Если определять наркотик вообще как вещество, действующее на психику. Такого воздействия, как от водки, от экстези не замечалось. Как раз наоборот, я бы сказал, что это лучшее лекарство от алкоголизма, потому что после экстези водка становится просто неинтересна. При одноразовом употреблении этот препарат возвращает человеку ощущение счастья. Правда, только в случае, если человек находится в хорошей компании, в хорошей атмосфере. Если же атмосфера оказалась негативной — наоборот.

—То есть «всех безумно люблю» либо «всех безумно ненавижу»?

— О ненависти не знаю, но по поводу страха — это однозначно.

Экстези — это ящик Пандоры, который может открыться с неожиданной стороны. Пока употребление идет в достаточно узких кругах, психологически подготовленных, но если все это попадет в массы — ничего хорошего ждать нельзя. И не у всех моих знакомых удачно сложилась жизнь.

— Настолько неудачно, что половины уже нет в живых...

— В общем, да. Из нашей компании в пятнадцать человек осталось, считай, шестеро. Остальные — на том свете. И, если честно, немаловажную роль здесь сыграл экстези. Начинали с него — умерли от героина...

— Мне говорили, что ты человек основательный, во все тщательно вникаешь, в том числе перед употреблением наркотиков изучал химию вещества. Из чего состоит экстези?

— Да, вникал, пытался оценивать и, наверное, поэтому остановился. Что касается состава экстези, то разные таблетки имеют разные составы и отличаются, но в принципе экстези — это коктейль из различных веществ, смешанных в разных пропорциях. Эффект у них фактически тройной: это физический стимулятор фенамин, такой, как во время войны использовали; второй — психотропная часть, и третий — серотонин, который выделяется посредством морфинной группы.

От фенамина ты танцуешь, работаешь двое суток напролет, не ешь, не пьешь — и никакой усталости. Морфинная группа — не чувствуешь боли, хочется двигаться, такая эйфория. Серотонин дает спокойствие и уверенность в себе. Психотропная составляющая дает ощущение изменения окружающего: ярче цвета, музыка... То есть экстези — это усилитель, влияющий на психику.

«Усилитель»

В чистой форме MDMA — белый кристаллический порошок, но обычно прессуется в таблетки, картинки на которых указывают концентрацию. Однако в чистом виде экстези продается редко, чаще всего это либо откровенные подделки, либо иные по структуре и действию вещества типа GHB («жидкий экстези»), параметоксиметамфетамины, «травяной экстези» и прочее.

Медики утверждают, что химическая зависимость может возникнуть уже через несколько месяцев регулярного употребления экстези. Циркулируя по организму, соединение вписывается в обмен веществ (или, говоря научным языком, «включается в естественные метаболические циклы»). В общем, весь организм перестраивается и требует нового поступления вещества. И это уже не безволие. Химическая зависимость проявляется так же остро, как, скажем, голод.

Что же происходит при передозировке MDMA? Первые симптомы — как при остром отравлении: общая слабость, озноб, головокружение, тошнота, ощущение жара или холода, потливость, слюнотечение, рвота, судороги, резкое расширение зрачков, галлюцинации. Резко увеличивается частота сокращений сердечной мышцы, повышается артериальное давление, учащается дыхание. Дальше развиваются разнообразные психические расстройства: веселость, многоречивость, беспокойство, раздражительность. Возможны агрессивное поведение, враждебность к окружающим. Ощущается прилив энергии, возникает склонность к монотонным движениям на протяжении многих часов.

При тяжелых отравлениях нарушается восприятие времени, пространства и себя самого. В медицине это называется дереализацией и деперсонализацией. Мышление замедляется, сосредоточиться невозможно, появляются бредовые идеи, сильное волнение. В общем, все напоминает острую шизофрению. Возможны неврозы, депрессия, паранойя. Передозировка экстези так же опасна, как и передозировка других наркотиков. Хотя кандидат медицинских наук Татьяна Андреева, уже пять лет занимающаяся проблемой экстези, считает, что даже обычная доза MDMA может привести к резкому обезвоживанию организма, нарушению сердечного ритма, а в случае не обнаруженного врачами порока сердца — и к внезапной смерти. Чем дольше идет прием экстези, тем сильнее разрушается мозг. Раньше считалось, что воздействие MDMA на мозг непродолжительно, однако голландцы уже доказали, что это не так. Последние исследования нидерландских невропатологов подтверждают, что органический эффект экстези недолог, а вот функциональные нарушения остаются навсегда. Причем последствия чаще всего оказываются необратимыми. Очевидно, что эффект экстези длится не 4-6 часов, а гораздо дольше...

Научные доказательства, опровергающие распространенное мнение о безобидности экстези, за последнее время получили также австралийцы и канадцы. После череды смертельных случаев в австралийских ночных клубах там началось тщательное исследование MDMA. Выяснили, что причиной около сотни смертей стало нарушение терморегуляции организма. Оказалось, что вещество, вызывая спазмы сосудов, не дает организму нормально охлаждаться, в то время как из-за большой физической нагрузки температура тела повышается. В результате сердце не справлялось с нагрузкой, и человек умирал от сердечного приступа, при этом ничего не замечая, одурманенный наркотиком. Вот такой «безобидный» препарат.

— Евгений, а как к нам попадает экстези?

— В Голландии производство и продажа экстези происходили и, по-моему, происходят легально. Насколько я знаю, там даже в сувенирной лавке можно совершенно спокойно купить упаковку из шести таблеток примерно за 10-15 долларов. В Бельгии и Германии тоже активно производят этот препарат. Потом производство переместилось в Прагу: в свое время Чехословакия стала Меккой рейв-движения, которое сопутствует всему этому. Позже его стали производить и в Польше, и в Прибалтике (в частности, в Эстонии). У меня даже есть подозрение, что экстези уже производят и в нашей стране. Но чем ближе к белорусской границе, тем ниже его качество.

— Знаешь ли ты кого-нибудь, кто после экстези не перешел на более серьезные наркотики?

— Если человек принимал экстези, к героину он в конечном итоге приходит по-любому.

С точки зрения права...

В мире подписано немало документов, определяющих политику в отношении наркотиков. В частности, это международная Конвенция 1971 года, согласно которой экстези занесен в список наркотических средств. Однако ни один из этих документов не содержит ни четкого определения наркотиков, ни их характеристик. Тем не менее обычно используют выработанное практикой определение: наркотическим веществом (наркотиком) называется вещество, удовлетворяющее медицинскому, социальному и юридическому критериям:

1. Вещество или лекарственное средство должно оказывать специфическое (стимулирующее, седативное, галлюциногенное и др.) действие на ЦНС (центральную нервную систему), что является причиной его немедицинского потребления.

2. Потребление вещества имеет большие масштабы, и последствия этого приобретают большую социальную значимость.

3. Вещество в установленном законом порядке признано наркотическим и включено в список наркотических средств.

Очевидно, что в отношении экстези в Беларуси не хватает лишь третьего, законодательного пункта.

Владимир НОВОСЯД, депутат Палаты представителей Национального собрания:

— У нас в парламенте достаточно сильное лобби против наркотиков, и достаточно влиятельные люди входят в организацию, которая борется с наркоманией в целом по стране. Они выступают в том числе за ужесточение законодательства по продаже и транспортировке наркотических средств, к которым, я думаю, относится и экстези. Я благодарен за то, что вы подняли этот вопрос — мы просто не заостряли на нем внимания. Сейчас экстези относится к разряду психотропных средств, но я встречусь с Владимиром Парфеновичем, координирующим работу депутатов по борьбе с наркотиками, и мы, думаю, будем отстаивать позицию, чтобы экстези отнесли к разряду именно наркотических средств.

Ольга АБРАМОВА, депутат Палаты представителей Национального собрания:

— Мое личное мнение — относить экстези к наркотикам надо безусловно. Износ организма в сочетании с бесконечным танцем страшный. Прецеденты, насколько мне известно, с самыми печальными последствиями в мире существуют. Если говорить вообще, необходимо в этой сфере серьезно работать, потому что проблема наркотиков — это острейшая проблема, за решение которой нужно браться засучив рукава. Но для более аргументированного с научной точки зрения ответа относительно экстези обратитесь к Валерию Николаевичу Лекторову, он возглавляет комиссию по здравоохранению.

В.Н. Лекторов, глава парламентской комиссии по здравоохранению:

— Кто вывел экстези из разряда наркотиков? Я не в курсе дела...

Обсудить в коллективе

Императоры иллюзий

Александр НИКОЛАЙЧУК

В 1996 году на американских просторах зародился новый мир. Мир свободы информации и безграничного общения, объединивший практически все страны. В 1993 году в Интернет, называемый еще и миром иллюзий, решила вступить наша страна. Правда, чтобы не опьянить народ призрачной свободой, ключи к его дверям решено было выдать только одной государственной организации. Так появился «БелПак» — информационный монополист и император иллюзий.

Строительство

Виртуальное окно в мир Беларусь прорубала спешно. Подарить стране доступ во Всемирную паутину в конце 1993 года правительство поручило подразделению «Белтелекома», названному впоследствии «БелПак». Благо, для этого у владельца всех белорусских линий связи были и желание, и возможности. Зарубежного поставщика интернетовских услуг белорусская сторона выбирала с особой тщательностью. Впрочем, в сфере высоких технологий практически невозможно за несколько долларов приобрести что-нибудь действительно стоящее. Посему когда цена, установленная канадской фирмой Teleglobe, была одобрена, на низкое качество (258 килобит в секунду) выделенного «капиталистами» канала решили не обращать внимания. В итоге получилось, что вместо полноценного окна в мир мечты отечественных владельцев компьютеров «Белтелеком» прорубил лишь форточку, норовящую при любом удобном случае сорваться с петель.

На появление в 1994 году в Минске первого интернет-канала и свободного доступа во Всемирную сеть белорусский народ отреагировал вяло. Дело в том, что в то время стоимость домашнего компьютера колебалась в пределах Usd 1-3 тыс., и позволить себе столь дорогую игрушку мог далеко не каждый. А вот когда по прошествии нескольких лет цены на умную технику значительно упали, был зафиксирован прорыв: буквально за несколько месяцев число клиентов первого белорусского провайдера приблизилось к полумиллионному рубежу. И интернет-подразделение РО «Белтелеком» приняло решение приподнять изначально убыточные тарифы.

Новые «граждане» Всемирной сети первые часы проводили в большинстве случаев на порносайтах, перелистывая каталоги обнаженных девиц и парней. По сути, доступ к порнографическим ресурсам сети являлся негласной рекламой Интернета и соответственно услуг «БелПака». Об этом в свое время заявила канадская компания, которая в 1998-1999 годах занималась мониторингом посещаемости интернет-страниц. Впрочем, ничего выдающегося в этом не было: все мировые провайдеры большую часть своих сверхприбылей делают исключительно за счет «черных» ресурсов.

В 1999 году «БелПак» стал одним из самых доходных подразделений республиканского объединения «Белтелеком». И полученную от Интернета прибыль руководство объединения по указанию сверху решило направлять на телефонизацию села. С одной стороны, решение правильное, ведь в маленьких белорусских деревушках тоже живут люди, которые не прочь приобщиться к цивилизации. С другой стороны, получилось, что фактически за счет «БелПака» государству надо было покрывать огромные убытки, образовывавшиеся из-за того, что, например, звонок из Бреста в Гомель стоит около одного цента в минуту, а в пределах населенных пунктов — вчетверо дешевле. Для покрытия этих убытков и была выбрана политика многократного завышения цен на услуги для юридических лиц — организаций и частных провайдеров, а также обычных телефонных звонков за границу. А чтобы такую политику можно было проводить всегда, «БалПак» стал единственным и полноправным владельцем «двери» в Интернет. Причем монополию РО «Белтелеком», несмотря на наличие в стране антимонопольного законодательства, никто не скрывал. В лицензиях, получаемых частными провайдерами, до сих пор пишется: такому-то провайдеру разрешается доступ в Интернет только через РО «Белтелеком». Таким образом, все белорусские частные интернет-провайдеры по существу являются дилерами РО «Белтелеком». Отсюда и высокие цены. Сравните: телефонный звонок в США обходится частному лицу почти в Usd 1 в минуту, тогда как американцы звонят нам за 20 центов в минуту. Понятно, что при такой разнице в ценах конкуренты «Белтелекому» не нужны, иначе его услугами никто не станет пользоваться. Для сохранения сверхвысоких цен на зарубежные переговоры и доступ в Интернет и введена государственная монополия на внешние каналы связи. Но не только поэтому.

Здесь закрывают «дверь» в Интернет

Опять двадцать пять

В начале 2001 года все белорусские пользователи Интернета испытали настоящий шок — после того, как РО «Белтелеком» приняло волевое решение заблокировать отправку бесплатной электронной корреспонденции, уходящей за пределы нашей республики через так называемый 25-й порт. Иными словами, в один день все интернет-корреспонденты Беларуси оказались абсолютно безмолвны. Некоторые из них сохранили лишь возможность получать письма, отвечать же на них при помощи привычных почтовых программ стало технически невозможно.

Как оказалось, несколько IP-сетей, принадлежащих «БелПаку» (а именно — сети 194.158.192/24 и 194.158.208/24), попали в черный список авторитетной некоммерческой организации из Калифорнии (MAPS). Причиной этому стала массовая рассылка нежелательной рекламы (спам), авторами которой, по мнению западных специалистов, были именно белорусы. Каким образом наши умельцы умудрились в один день отправить в свет более 10 тысяч электронных писем рекламного содержания, доподлинно не известно. Тем более, как указывают некоторые специалисты, спам в основном является бедой бесплатных почтовых ящиков, дающих возможность неконтролируемой и зачастую анонимной рассылки. В Беларуси же до 2000 года, когда появился портал TUT. BY, бесплатных электронных ящиков не существовало. Впрочем, никто разбираться в этом не стал.

В ответ на белорусский рекламный штурм Европы канадское представительство международного провайдера Teleglobe, через которое подключены к Интернету указанные сети, попросту их закрыло, из-за чего все клиенты «БелПака» некоторое время вовсе не могли пользоваться Сетью. Начались переговоры, продолжавшиеся ровно две недели. Канадская сторона потребовала от «Белтелекома» санкций, в частности — усиления контроля над пользователями, потенциально способными беспокоить мир навязчивыми объявлениями о появлении в Беларуси новых видов картофельных чипсов, которые можно получить со склада в Минске за абсолютно смешную цену. Но поскольку адреса из указанных IP-сетей распределяются динамически и выяснить конкретных виновников, рассылающих спам, было практически невозможно, республиканское объединение связи решило рубить с плеча. Порт под N25 попросту заблокировали. Причем связистов не волновало, что кроме одного-двух виновных в нарушении этики электронной переписки удар был нанесен по многочисленным специалистам и рядовым пользователям электронной почты. Не волновало потому, что блокировка почтовых программ, благодаря которым пользователь мог хоть немного сэкономить при отсылке почты, привела к приумножению богатства монополиста.

Судьба 25-го порта неизвестна до сих пор — вполне возможно, для белорусов он навсегда останется закрытым. Тем более что это выгодно всем, начиная с «Белтелекома» и заканчивая многочисленными спецслужбами, в обязанность которых входит следить за вольнодумцами и продавцами государственных секретов.

Право на секрет

Несмотря на то, что в Конституции Республики Беларусь каждому жителю страны гарантируется право на личные секреты и тайну переписки, есть оно далеко не у каждого. Что касается пресловутой электронной почты, то белорусские пользователи e-mail, зная или не зная об этом, обязаны писать свои письма так, чтобы любой сотрудник КГБ или милиции мог без затруднений прочесть корреспонденцию. Во всем мире только в двух странах запрещено использовать систему шифрования данных персональной переписки — в Беларуси и Китае. С Китаем все понятно: бесконтрольное распространение мнений компартией не приветствуется. Что же касается нашей республики, то, по мнению специалистов, распоряжения Минсвязи, касающиеся запрета на шифрование личной почты, все-таки идут вразрез с Конституцией.

Впрочем, справедливости ради отметим, что во всем мире спецслужбы имеют доступ к электронной корреспонденции. В провайдерских лицензиях, выдаваемых, к примеру, в США, указано, что провайдер обязан предоставлять любую информацию по требованию ФБР, для чего используется специальный канал. В России любой провайдер имеет специальный канал к системе оперативно розыскных мероприятий (СОРМ), и без него «Ростелеком» не выдает лицензию. И так во всем мире. Но контролировать всю переписку невозможно, так как для этого не наберется столько штатных сотрудников, чтобы все ее перечитать. Поиск же по ключевым словам («президент», «теракт» и т.д.) неэффективен, поскольку сообщения легко закодировать. Однако белорусские спецслужбы, чтобы облегчить себе работу, добились сохранения существовавшего еще во времена СССР запрета на использование способов шифрования данных, не зарегистрированных государством. На сегодняшний день у белорусских интернетчиков нет никакой легальной возможности пользоваться шифрованием при электронной переписке, и она не скоро появится. Противозаконно использовать не только PGP, но и самый обыкновенный Microsoft Internet Explorer, поскольку в его настройках безопасности есть так называемый протокол SSL, который не лицензирован нашим государством.

В то же время небезынтересно, что в попытке залицензировать все и вся Беларусь отнюдь не одинока. Многие читатели, вероятно, слышали об иске правительства США к разработчику известной бесплатной системы шифрования переписки PGP, который обвинялся в нарушении федерального закона, ограничивающего экспорт систем шифрования. Весь мир негодовал, когда всемирно известного ученого-математика пытались посадить в тюрьму за обнародование в Интернете исходных текстов разработанной им программы PGP с длиной ключа, превышающей установленную законом норму. Этот закон был введен еще в эпоху «холодной войны» для того, чтобы воспрепятствовать экспорту американских систем шифрования в СССР и Китай. Сейчас же он является едва ли не главным анахронизмом нашей страны. В США же суд оправдал ученого, а закон был пересмотрен в сторону облегчения.

Когда-нибудь законы изменят и у нас, поскольку столь жесткие ограничения просто нецелесообразны. Но сколько лет понадобится нашим чиновникам для осознания несостоятельности столь жестких запретов, которые заведомо невозможно выполнить, и кто из них первым осмелится предложить пересмотреть политику лицензирования, неизвестно. Тем более что запрет нельзя назвать эффективным. Так, передачу запрещенных данных с использованием электронной почты наш КГБ фиксирует достаточно часто. В качестве примера можно привести случай, когда важная информация была замаскирована под обычную фотографию с прошлогоднего пикника. Причем с виду картинка, отсылаемая в контору иностранного друга, ничем не была примечательна. Зато при более тщательном рассмотрении через призму специализированных программ и техсредств, на закупку которых спецслужбы потратили более Usd 20 млн, удалось рассмотреть дополнительные данные — чертежи и фотоснимки. Такие отправители пользуются, как вы понимаете, только бесплатными почтовыми ящиками.

Мнимая свобода

На сегодняшний день в Беларуси существует только одна компания, предоставляющая на свой страх и риск бесплатные услуги электронной почты. Это портал TUT. BY. Однако, по словам его руководителя Юрия Зиссера, свобода переписки через упомянутый портал все-таки мнимая. «Конечно, — признает Юрий Анатольевич, — у нас действует система информационной безопасности. И круг лиц, имеющих доступ к конфиденциальной информации, крайне ограничен. Дабы соблюдать право пользователей на конфиденциальность переписки, еще в 2000 году мы приняли решение публично не распространяться по поводу устройства нашей системы безопасности. Однако контроль корреспонденции, проходящей через нас, все-таки возможен. Ведь все обращения проходят через РО «Белтелеком», где и можно установить необходимые фильтры. И для контроля переписки доблестным «органам» совершенно не нужно «наезжать» на нас или взламывать нашу систему безопасности. Для этого даже не требуется никаких специальных технических устройств — достаточно того оборудования, которое обычно используется для оказания услуг связи».

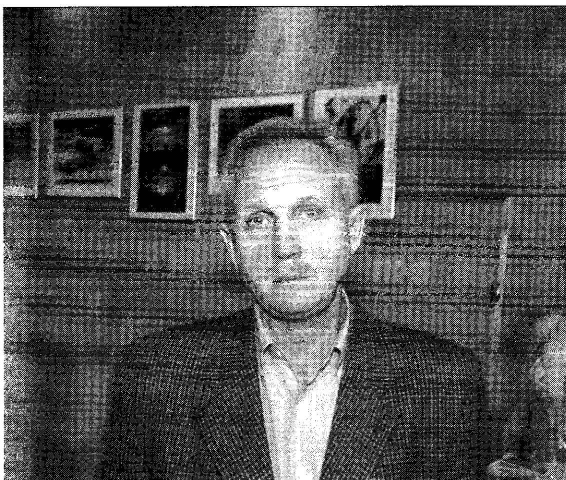
Таким образом, монополия «БелПака» простирается не только на выход в Интернет, но и гораздо дальше — в мир, где заканчиваются иллюзии и начинается личная жизнь человека.

Для служебного пользования

Доложить

В мае 2002-го...

российские продюсеры фильма «В августе 44-го...» показывают ту версию картины, которой Михаил Пташук был недоволен

Владимир Семаго

Сергей ШАПРАН

9 мая последний фильм Михаила Пташука «В августе 44-го...» шел по двум телеканалам — БТ и НТВ. И это были два разных варианта: полный (1 час 57 минут), готовый еще в 2000 году, и сокращенный (1 час 35 минут) датированный 2001 годом. Белорусы сделали последнее, что могли, для выдающегося режиссера, трагически погибшего в мае 2002-го. Потому что все реальные права на картину оказались у российской стороны. И теперь фильм демонстрируется в той версии, которая была смонтирована... без участия Михаила Пташука.

Введение в тему

Автор сокращенной версии — главный продюсер проекта Владимир Семаго, бывший депутат Государственной Думы России. Человек, никакого отношения к кинематографу никогда не имевший. То, что он сделал с работой Пташука, факт настолько вопиющий, что уже засвидетельствован в книгах. Так, в российском журнале «Кинопроцесс» опубликованы отрывки из книги Б.Криштула и В.Артемова «В титрах последний» — о картине «В августе 44-го...». В публикации, в частности, приведены высказывания и Пташука, и Семаго, прозвучавшие на пресс-конференции, состоявшейся в июне 2001 года в рамках фестиваля «Кинотавр».

М. Пташук: — Я считаю, что нарушены права. По вине продюсера из картины исчезла интонация. Продюсер нагло влез в картину, не поставив в известность меня, вырезал сцены, как он хотел. Вылетела самая главная, настроенческая сцена с Женей Мироновым, которая показывала меру его одиночества на войне. Вылетела история трех ребят на промскладе. Сейчас я вижу обрубки картины. Совершенно отсутствует финал. Непонятен смысл выражения «Бабушка приехала!» А у меня все было мотивированно... Я был в Минске, а продюсер — в Москве. Когда я получил вызов на перезапись в Прагу, то выяснилось, что меня неделями водили за нос — перезапись уже была завершена. Вы представляете?! Завершить фильм без участия режиссера! И товарищ Семаго от меня в Праге прячется, избегает меня... Постыдная ситуация, какое-то безумие! И хочу сказать сегодня: товарищ Семаго, расчитайтесь со съемочной группой. Вы обманули группу!

В. Семаго: — У продюсера есть некое видение конечного результата, и оно закреплено (что очень важно — документально) в договорах между продюсером и режиссером. Если кого-то это интересует, то по договору право на окончательную монтажную сборку принадлежит продюсеру. Пусть это не устраивает творцов... Что касается вырезанных сцен, то они есть, они остались в архивах...

Последний вариант, который мы сделали — 1 час 43 минуты (9 мая НТВ показало версию продолжительностью 1 час 35 минут — либо картину «съели» рекламные блоки, либо это еще один вариант. — **С.Ш.**). И я думаю, что картина не проиграла от этого.

— Видел ли режиссер в контракте, на который ссылается продюсер, пункт о финальной точке монтажа?

М.П.: — Продюсер у режиссера изъял контракт! С самого начала!

В.С.: — Я не понимаю, что мы сегодня обсуждаем — картину или бухгалтерские документы?.. Я начал заниматься режиссурой в 1967 году на телевидении. Была такая игра — КВН. И при каждой команде были свои режиссеры. Конечно, этот опыт никак нельзя ставить рядом с опытом Михаила Николаевича. Но мои учителя привили мне умение очень точно понимать и оценивать происходящее.

Явление Семаго

... XX век Беларусь решила закончить «фильмом века» — ярким проектом, поставленным по яркому произведению ярким режиссером. Для экранизации выбрали роман Владимира Богомолова «Момент истины» — роман талантливый, в определенном смысле даже культовый, выдержавший почти 100 переизданий. И очень скоро осознали, что «проект века» самим не осилить. По этой банальной причине идея трансформировалась в создание белорусско-российского фильма, который стал бы явлением в кинематографе и неким символом непрерывности белорусско-российских культурных связей. Россияне на идею откликнулись...

25 июня 1999 года руководитель Госкино России А.Голутва обратился к министру культуры Беларуси А.Сосновскому с письмом, в котором известил, что российскую сторону в процессе производства совместной экранизации романа В.Богомолова «Момент истины» будет представлять продюсерская компания ООО «Ивитос». И предложил заключить между «Беларусьфильмом» и ООО «Ивитос» договор о совместной постановке фильма. Несмотря на то, что название «Ивитос» никому ни о чем не говорило и сказать не могло, белорусская сторона правила игры приняла.

Меньше чем через месяц представитель «Ивитос» О.Мясникова и исполняющий обязанности гендиректора «Беларусьфильма» В.Шишкин подписали договор N1/691, согласно которому «общий лимит затрат на производство фильма составляет 5 052 780 (пять миллионов пятьдесят две тысячи семьсот восемьдесят) долларов США. Киностудия осуществляет финансирование в размере 222 846 400 000 белорусских рублей, что эквивалентно 848 тысячам долларов США ... Предприятие (то есть «Ивитос». — **С.Ш.**) осуществляет финансирование в размере 103 017 100 российских рублей, что эквивалентно 4 204 780 долларам США ... Процентное соотношение в совместном производстве: 70% — российская сторона», 30% — белорусская сторона ... Доходы от продажи на всех территориях являются совместной собственностью в соответствии с процентным соотношением киностудии и предприятия... Киностудия не несет ответственности по финансированию фильма в части, обеспечиваемой предприятием. Предприятие не несет ответственности по финансированию фильма в части, обеспечиваемой киностудией ...» И так далее.

О.В.Мясникова — супруга Владимира Семаго, являвшегося тогда депутатом российской Госдумы, патриота и активного сторонника белорусско-российской интеграции. Позже в титрах фильма она будет фигурировать уже как Ольга Семаго. Автор книги «Момент истины» Владимир Богомолов сегодня именует Мясникову не иначе как «аферная подставуха» и утверждает, что к созданию фильма сия дама не имеет абсолютно никакого отношения и что появилась она на съемках... лишь дважды. Впрочем, это в процитированном нами договоре г-жа Мясникова представлена в качестве генерального директора ООО «Ивитос». Позже и в титрах фильма, и в документах гендиректором будет значиться некто А.Полшков.

«Торговая» контора

ООО «Ивитос» появилось на свет 8 апреля 1999 года. Его руководителем является некто Андрей Иосифович Винник. (Заметьте: не Мясникова, не Полшков и не Семаго.) Число работающих — 5 человек. Учредителей — физических лиц — 1; учредителей — юридических лиц — 0. Основной вид деятельности — торговый(!). Уставный фонд — Rur 8,4 тыс., валюты — 0. За какие такие заслуги крохотной фирме доверили столь серьезный проект — непонятно. Однако сам Владимир Семаго неоднократно будет заявлять в прессе, что-де вынужден был вложить в производство фильма немалые собственные средства (якобы около Usd 10 млн). Вряд ли депутатская зарплата позволяет законно заработать такие средства, но иметь доступ к бюджетным деньгам статус депутата российской Госдумы позволял.

Так, например, в июле 1999 года Семаго обратился в правительство России с просьбой о финансировании картины и попросил ни много ни мало Rur 19 млн. В том же июле он уведомил замминистра культуры РБ Юрия Цветкова, курировавшего проект с нашей стороны, что «удалось добиться принципиальной поддержки правительства РФ в вопросе выделения 500 тысяч американских долларов для производства данного фильма, которые могут быть предоставлены не ранее 1 августа 1999 года». И выразил надежду, что удастся «успешно завершить производство фильма в текущем 1999 году».

Однако депутат свои пробивные способности явно преувеличил: не в июле и не в августе, а лишь 31 декабря 1999 года Владимир Путин, который был в то время председателем российского правительства, издал распоряжение: «Выделить в 1999 году Госкино России 5 млн рублей за счет средств резервного фонда правительства Российской Федерации для завершения производства двухсерийного российско-белорусского художественного фильма «Момент истины» (режиссер-постановщик Пташук М.Н.)».

Перспективы...

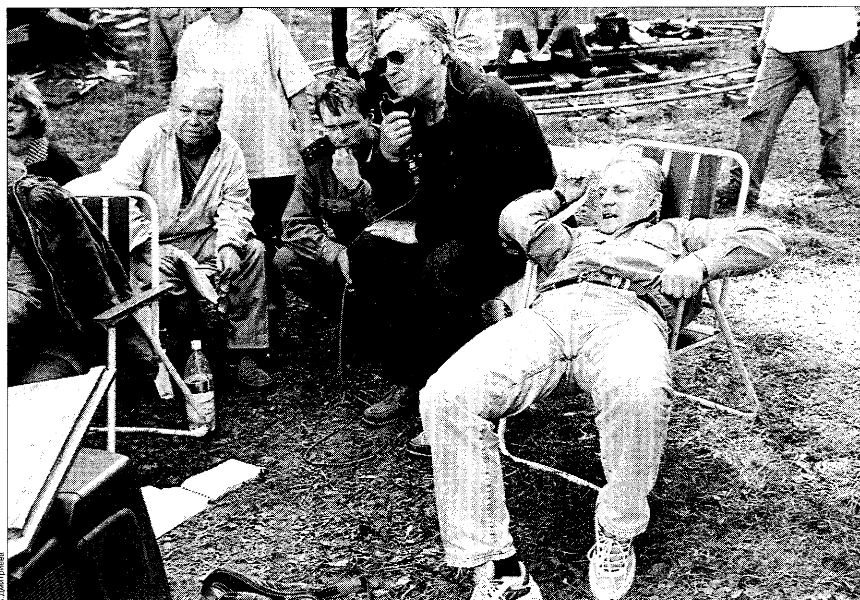
Таким образом, из запрошенных 19 миллионов дали только 5. Но и эти деньги где-то потерялись. В феврале 2000 года режиссер Пташук уведомил министра культуры Сосновского, что правительством РФ средства выделены, однако «на счет продюсерской компании они так и не поступили. Недофинансирование проекта в ближайшее время (до 1 марта) может привести к срыву сроков сдачи картины». «Патлумачыць» (именно так, на белорусском языке, сформулирована резолюция) ситуацию министр поручил своему заму — Цветкову. Цветков добился ответа от Госкино России только к середине июня. И какого ответа! Белорусов уведомили, что «на производство фильма «Момент истины» ООО «Ивитос» перечислены денежные средства в сумме 13,0 млн рублей, в том числе: в декабре 1999 г. — 1,0 млн рублей; и с начала 2000 г. — 12,0 млн рублей».

«Где деньги, Зин?!» — как пел Высоцкий. Денег не было. И белорусы их активно искали — это были наш фильм, наша идея, наш «проект века». В феврале Сосновский обратился в Парламентское собрание Союза Беларуси и России с просьбой предусмотреть в союзном бюджете Rur 20 млн «для окончания завершающих работ по кинокартине». О такой же сумме и из того же бюджета ходатайствовал перед белорусским министром финансов первый заместитель Сосновского — В.Рылатко. С аналогичной челобитной, только в марте и с просьбой о Rur 10 млн, обращался к Путину заместитель председателя исполкома Союза Беларуси и России Л.Козик. А уже на исходе лета Сосновский обратился к госсекретарю союзного государства Павлу Бородину с просьбой о 5 миллионах.

Таким образом, однозначно можно сказать, что белорусы регулярно вынуждены были стоять с протянутой рукой и ждать обещанных денег словно манны небесной. Причем непонятно, почему именно белорусская сторона, а не «Ивитос», выбивала деньги. Ведь договором между «Ивитос» и «Беларусьфильмом» по ряду позиций было предусмотрено прямо противоположное. Например, Сосновский и Рылатко, прося деньги на завершение работы над фильмом, упоминали тиражирование фильмокопий, проведение рекламных кампаний, досъемки специальных роликов. В то же время в договоре N1/691 ясно и четко указано, что именно продюсерская компания «Ивитос» «обеспечивает выполнение следующих статей расходов: изготовление рекламного ролика фильма, изготовление и размещение печатной, кино-, видео-, рекламной продукции, оплата командировочных расходов, связанных с участием актеров в рекламной кампании фильма» и др.

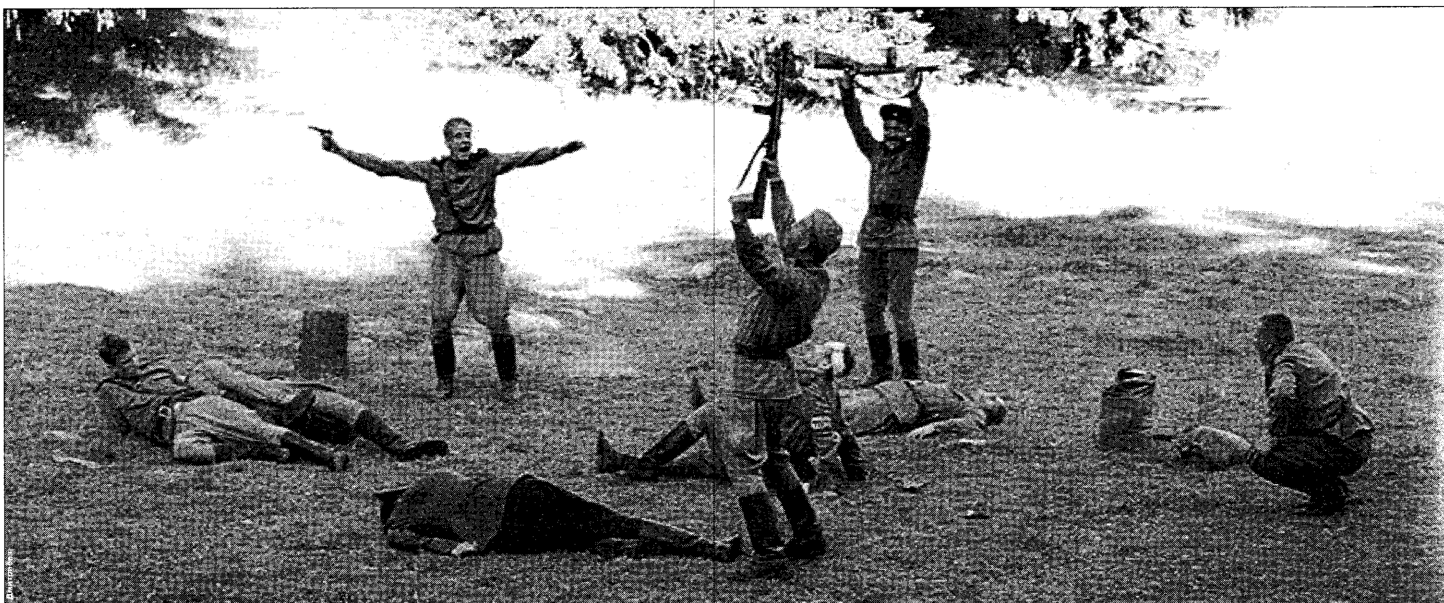
...И «сотрудничество»

«Перетрудившиеся» продюсеры

А.Дмитриева

На съемочной площадке. В центре — Евгений Миронов, Михаил Пташук и Владимир Семаго

Эта финальная сцена есть не во всех версиях картины

быстро нашли виновного в срыве всех сроков сдачи картины. В марте 2000 года министр культуры Беларуси получил от них «спецдонесение»: «...В соответствии с предварительными расчетами, сделанными специалистами из Госкино РФ, предоставленной суммы средств в размере 500 тысяч американских долларов должно было хватить на весь предусмотренный сценарием метраж картины. Однако из-за допущенных режиссером фильма упущений был произведен значительный перерасход пленки, повлекший за собой и дополнительные расходы, связанные с ее обработкой. Кроме того, чрезвычайно низкий темп производства работ, отсутствие предварительной проработки (раскадровки) не позволили группе закончить съемочный период в отведенный для этого нормативный срок. Таким образом, оказалось, что средства, выделенные для съемок фильма, истрачены, а сам процесс съемок не завершен...»

Сосновский мог, конечно, рыдать над этим письмом. Но все дело в том, что и приобретение, и обработка пленки — это также обязательства, принятые на себя российской стороной. Посему это должно было быть головной болью Семаги & К, но никак не белорусского Министерства культуры. Но мы же добрые, мы же всех любим, понимаем и любыми путями пытаемся избежать скандала. В результате белорусы сначала выбивали из российского бюджета деньги для ООО «Ивитос», а потом из продюсерской компании — деньги на выплату гонораров постановочной группе. Дошло до абсурда. В апреле 2000 года Юрий Цветков вынужден был обратиться в Госкино РФ с просьбой «оказать содействие в решении проблемы по оформлению соответствующего договора по выплате постановочного вознаграждения кинорежиссеру Пташуку М.Н.», поскольку «до настоящего времени вопрос остается открытым». А ведь к этому времени Пташук работал над картиной уже более полутора лет!

Причин для, мягко говоря, прохладных взаимоотношений между режиссером и продюсером могло быть много. Но люди, причастные к созданию фильма, говорят в том числе и о человеческом факторе. Дело в том, что Владимир Семаго вдруг захотел стать актером. Понятно, что, будучи продюсером, сделать это было несложно, и Пташук снял-таки Семаго. В крохотных эпизодах. Однако в 2000 году белорусская сторона пожелала снять вместо Семаго другого актера. По этому поводу продюсер «Ивитос» выслал в наше Министерство культуры целую кляузную петицию, обратив внимание высоких чинов на то, что «заключение договоров с российскими актерами — прерогатива продюсерской компании «Ивитос», поэтому любое утверждение на роли невозможно без согласования с российским партнером». И далее: «В этой связи мы хотели бы получить от Вас официальный документ, обосновывающий решение замены актера В.Семаго (уже снявшегося в объекте «Аэродром» в экспедиции в г.Могилеве) на другого актера, предложенного белорусской стороной, и определиться в том, кто несет расходы по пересъемке объекта, неустойке снимавшемуся актеру ... и доплате новому актеру ...» То есть российская сторона, еще даже не уплатив белорусскому режиссеру за работу, позволяла себе разглагольствовать о неустойке своему патрону!

И наши терпели. Более того, в окончательном варианте фильма «актер» Семаго все-таки фигурирует. Причем мелькает в обоих вариантах картины. Но, справедливости ради, заметим: из финала сокращенной версии Семаго самого себя все-таки вырезал...

Случались недоразумения и с выплатами гонораров актерам. Так, например, случилось с Алексеем Петренко, которому должно было быть начислено вознаграждение в сумме Usd 5100 (за вычетом подоходного налога — Usd 4 тысячи). Однако к моменту выдачи денег российская сторона оказалась ограниченной в средствах. И наши приняли сердобольное решение о выплате 40% гонорара Алексею Петренко за счет белорусской стороны, хотя в договоре четко зафиксировано: «Киностудия не несет ответственности по финансированию фильма в части, обеспечиваемой предприятием» (то есть «Ивитос»). А выплата гонораров актерам — это уже обязательства «Ивитос». Но нашу толерантность не оценили. И в один прекрасный день Министерство культуры РБ в лице Ю.Цветкова уведомили: проблем с режиссером у «Ивитос» столько, что все это «заставляет нас ставить перед Вами вопрос о перспективах сотрудничества с режиссером М.Пташуком»...

И вот эта наглость, вероятно, стала последней каплей. Летом 2000 года Юрий Цветков уже смог официально уведомить автора романа В.Богомолова и А.Голутву, ставшего к тому времени первым заместителем министра культуры РФ, что «в настоящее время Министерство культуры Республики Беларусь все официальные переговоры и документальные протоколы ведет только через государственные организации... Более того, сообщаем, что средства, которые по решению Исполкома Союзного государства выделяются для этого фильма, будут поступать не фирме «Ивитос», а министерствам культуры России и Беларуси». В общем, обойдемся без посредников!

Но это было запоздалое прозрение...

Контрафактная, то есть пиратская

Скандалы, связанные с фильмом, громыхали и вне съемочной площадки. Уже в 2001 году были получены документальные подтверждения того, о чем сообщил в одной из публикаций в «БДГ» Владимир Богомолов, — фильм «В августе 44-го...» появился на видеокассетах. Незаконно, в нарушение авторских прав писателя. В ноябре 2000 года, статья Богомолова была опубликована, документально подтвердить эти подозрения не могли ни мы, ни сам Владимир Осипович. Писатель ссылался на устные свидетельства сотрудников «Беларусьфильма».

Белорусское Министерство культуры после нашей публикации публично заявило, что «создание телеверсии, как и распространение фильма на видеокассетах, не предусмотрено. Невыполнение условий договора явилось бы нарушением как белорусского, так и российского законодательств. Естественно, что ни режиссер Михаил Пташук, ни продюсер Владимир Семаго таких прав не имеют». Однако прошло время, и видеокассеты (по сути — контрафактные) действительно всплыли. Причем на упаковочных коробках указывались вымышленные адреса. К примеру, на упаковках одной такой партии кассет было указано: «117221, Санкт-Петербург, проспект Мира, д.25, студия «Новый стиль». Но 117221 — это московский индекс, а в Питере есть улица Мира, но не проспект. По утверждению Владимира Богомолова, некоторые партии контрафактных кассет изготавливались непосредственно на «Беларусьфильме».

Кстати, согласно договору на создание сценария кинофильма «В августе 44-го...» («Момент истины»), подписанному 7 октября 1997 года В.Богомоловым и А.Сосновским, предусматривалась не только передача писателем Министерству культуры РБ права на производство по его сценарию фильма, но и «перевод фильма на видеокассеты и видеодиски, их последующая продажа (в том числе за рубежом)...» Но... сие допускалось «только с письменного согласия автора по отдельному соглашению с дополнительным авторским вознаграждением». Заметим, что никакого «письменного согласия» получено не было. Да его у писателя никто и не просил!

Впрочем, Богомолов оговаривал условия написания сценария для фильма в 1997-м, а «Ивитос» с «Беларусьфильмом» договорились об условиях сотрудничества в 1999-м. И в последнем договоре речи об оплате дополнительного авторского гонорара сценаристу уже не было. Более того, указано: «Стороны договорились, что все предыдущие договоренности нашли отражение в данном договоре и все ранее подписанные договоры теряют юридическую силу». По этому поводу писатель замечал в письме на имя председателя российского Госкино: «Тихо, скромно, «по-семейному», путем мошеннической передержки, путем банального подлога аферным дельцом В.Семаго и его женой, аферной подставухой О.Мясниковой, при участии белорусской стороны ... было скрытно осуществлено изъятие моих авторских имущественных прав. (Я употребляю определение «аферный» и «аферная» потому, что юридически ни Семаго, ни его жена никакого отношения к данному кинопроекту не имели, а договор N1/691, подписанный «Беларусьфильмом» с «Ивитос», по заключению специалистов является фиктивным, не имеющим юридической силы.)».

К слову, сам Семаго никакой проблемы с авторскими правами Богомолова не видел. Вот что, например, он заявил в 1999 году в интервью газете «Народная воля»: «На сегодняшний момент по договору авторские права принадлежат Беларуси, а наш договор с Беларусью делит их в определенной пропорции. Авторское право — это право на эксплуатацию произведения». Толкование очень вольное и своеобразное. Особенно для законодателя. Хоть и бывшего.

Кстати, сменивший Сосновского на посту министра культуры Леонид Гуляко попытался найти концы в темной истории с контрафактными видеокассетами. Но проинформировать «о произошедших нарушениях законодательства» он попросил почему-то... замминистра культуры РФ Александра Голутву. Почему правду надо было искать так далеко? Может, стоило поинтересоваться тем, что творится в собственном хозяйстве?

По мотивам...

Права Владимира Богомолова в этой истории были нарушены неоднократно. Были и другие причины, почему писатель в конце концов запретил указывать в титрах фильма и в рекламно-информационных материалах свою фамилию и всякое упоминание о романе. О своем решении в апреле 2000 года он известил Министерство культуры Беларуси, в июле — Министерство культуры России. Тем не менее в титрах всех копий, демонстрировавшихся в кинотеатрах Минска, Москвы, Вильнюса, Риги и других городов, а также на телевидении, было указано: «По мотивам одноименного романа». Правда, в титрах имени Богомолова все-таки не было. А вот в некоторых рекламно-информационных материалах картины назывались и писатель (как автор сценария), и первое название романа («Момент истины»). Телеэфиров, когда впрямую говорилось, что фильм создан именно по роману писателя Богомолова, просто не счесть. Однако бороться с этим — все равно что сражаться с ветряными мельницами.

Постскриптум

Невозможно точно сказать, во сколько же обошлось Беларуси и России создание фильма «В августе 44-го...». Суммы называются различные. По данным Главного контрольно-ревизионного управления Министерства финансов Беларуси, это более Usd 5 млн. Однако кинематографисты оценивают реальный бюджет фильма в Usd 2,5 млн... Приблизительно такую же цифру называет и Владимир Богомолов. Если это так, то «откат» хороший. И Владимир Семаго смело может приступать к новому кинопроекту. Правда, для нас желательно, чтобы к нашей стране он никакого отношения уже не имел.

Размножить

Красноярск-26

из записок военного строителя

Семен БУКЧИН

Семен Букчин — публицист, писатель, литературовед. «Красноярск-26» — это рабочее название его книги о себе, о закрытых сибирских городах, о том, как создавалась советская атомная промышленность. Главы из этой книги никогда и нигде не публиковались, и Семен Владимирович любезно предоставил нашей газете возможность быть первыми.

Капитан Артеменко

— Завтра будем пиздить капитана Артеменко! — вечером в сушилке объявил Рашид. Сказано было буднично, как нечто само собой разумеющееся. Кто был Рашид по национальности? Татарин, башкир, монгол? Впрочем, это было неважно. Важно было то, что сержант Рашид был командиром моего отделения, а следовательно, и моим бригадиром. Так было принято в наших военно-строительных частях: командир отделения — он же и бригадир. Рашид был высокий, тонкий в талии, его узкие тюркские глаза глядели на мир сумрачно и жестко. Я был единственным интеллигентом в его отделении, две недели назад переведенным сюда, в шахтерский полк, с лесоповала. Это было наказание за нежелание работать в лесной бригаде. Ну и за пьянку...

Рашид присматривался ко мне. Иногда я ловил на себе его тяжелый взгляд. Но за две недели — ни одного хамского жеста или слова в мой адрес. И в то же время он как бы не замечал меня. А я хотел быть замеченным: вдруг уловил в себе подлое желание, чтобы этот красивый и жестокий потомок Чингисхана заговорил со мной, может быть, приблизил к себе.

Сейчас, в сушилке, объявив о предстоящем избиении капитана Артеменко, Рашид, наконец, заметил меня. Все было ясно. Его глаза спрашивали: «Ну как, студентик-интеллигентик, ты с нами? Или струсишь? Или откажешься?» Я выдержал его взгляд, изо всех сил стараясь не отвести глаз.

Итак, завтра мой экзамен. Будут бить ротного командира. И я должен принять в этом деле участие. Наш ротный был зверь. В пять вечера мы выгружались на станции из электрички, вывозившей нас из шахты, полтора километра пешком топали до части, потом ужин, какие-то мелкие личные дела, и вот мы на вечерней поверке в казарме. Страшно хочется лечь, ноет все тело, особенно болят руки, плечи, спина, натруженные тяжелым отбойным молотком. Мы работали в штреках, где машине было не развернуться, и долбили грунт третьей категории, а это был базальт прямо под дном Енисея — работа тяжелейшая. И вот когда мы в казарме, еле стоя в строю, буквально качаясь от усталости, с плавающими кругами в глазах, мечтали о том, чтобы добраться до койки, капитан Артеменко начинал свой спектакль.

Для начала он материл нас из-за низкой процентной выработки и угрожал, что премии квартальной мы не получим, и из-за нас, лентяев и подонков, премию не получит ротное и батальонное начальство. Потом он начинал заниматься нашим внешним видом. Ну какой у нас, солдат-работяг, день проводивших в шахте, а потом еле успевавших переодеться в чистое хабэ, мог быть вид? Конечно, подворотнички засалены, пряжки не надраены, сапоги — страшнее не бывает... И все это сидело косо, криво, ремень болтался где-то ниже пупа, погоны перекручены... А он, наш ротный, блистал в отутюженных галифе и поскрипывал кожаной портупеей. Он ненавидел нас, нелепых, грязных, «позор Советской Армии».

Наконец звучала команда «Отбой!». Но мы знали, что это не конец мучениям. Усталость и сон брали свое почти мгновенно, и как же тяжело было вырываться из этого провала спустя час или два, когда в казарме зажигался свет и раздавался дикий ор капитана Артеменко: «Рота! Подъем!» Он мог устраивать нам «тревоги» и подъемы по три раза на ночь, особенно любил делать это под утро. Этот изувер прекрасно знал, что хотя мы и относимся к несущим строевую службу, на самом-то деле мы — рабочие, мы — рабы в военной форме, принадлежащие Министерству среднего машиностроения СССР, мы вкалываем целыми днями и часто без выходных на тяжелейших работах. И поэтому ночью нам нужно дать отдохнуть, чтобы набраться сил для следующего дня в шахте. Но капитан Артеменко делал вид, что мы — прежде всего солдаты строевой службы, что мы должны быть готовы к защите Родины, а потому нас нужно поднимать по ночам, швырять в марш-броски не только по территории части, но и по окрестным дорогам.

Но приходил день возмездия. Это был день, когда капитан Артеменко получал зарплату. Ротный с вечера запирался в своем кабинетике в казарме и безобразно напивался. Потом он шел блевать за стоявшую на краю полковой территории баню. У него была язва, ему было плохо... И вот тут начиналось.

В тот вечер он, уже полубезумный от выпитого, стоял за баней в расстегнутом кителе, одной рукой удерживая пустую бутылку, второй опираясь о деревянные перила крыльца. Рашид подошел к нему и спросил с неожиданной лаской в голосе:

— Ну что, товарищ капитан, плохо вам, да? Сейчас поправимся!

Он налил из своей бутылки в загодя припасенный стакан. Артеменко жадно выпил.

— Ну вот и легче стало! — сказал Рашид. — Теперь и еще стаканчик можно.

И когда Артеменко, бессмысленно-блаженно улыбаясь, протянул ему опорожненный стакан, он с придыханием засадил ему кулаком в лицо. Потом ротного били другие: ефрейтор Пенцак, Шаповаленко, Гусь, Демидчик... Били толково, с расчетом, чтобы без членовредительства, но как можно больнее и чтобы побольше синяков на физиономии. Рашид взглянул на меня. Это был приказ. Я подошел к стоявшему на четвереньках и пытавшемуся приподняться Артеменко. Буря проносилась в моей душе. «Ты, читавший Достоевского, Толстого, Чехова, сделаешь это?» И второй голос: «Это не человек, это зверь, страшное животное!» Не в оправдание себе, но все же скажу, что и сам я к этому времени морально сильно загрубел. Я ненавидел этот строй, эту власть, вырвавшую меня с четвертого курса университета, превратившую в раба под видом солдата и сославшую в этот сибирский мрак, в этот проклятый зонный город с его проклятыми тайнами, с его страшной радиацией. Артеменко был звериным ликом этой власти. И я слегка пнул ногой в плечо капитана. Он рухнул лицом в грязь.

— Не бьешь лежачего? — эти слова Рашида прозвучали и как полувопрос и как некое если не одобрение, то разрешение именно на подобное мое участие в акции. Сам он ударил Артеменко единственный раз, ударил, когда тот стоял. И он согласился с таким моим поступком, ему было важно, чтобы я, «студент», принял участие в «общем деле», активность тут не имела значения — важен был сам факт.

— Ну а мы еще и душ товарищу капитану устроим, — сказал Рашид, расстегивая ширинку. Став в кружок, они мочились на Артеменко. Потоки обильной солдатской мочи заливали его голову, мундир, погоны. И это было самым мучительным испытанием для меня. Мой отец, фронтовик, капитан, потом майор Советской Армии, закончил войну под Кенигсбергом, где был контужен. Я, пацан, родившийся в русской деревне под Курском в августе 1941-го, конечно же, впитал в детские годы, как и все мои сверстники, ненависть к немцам-фашистам и преклонение перед человеком в форме советского офицера. И хотя за последующие годы в силу разных причин «военный идеал» сильно померк, вдруг так явственно представилось, что льют мочу на мундир моего отца. Я отвернулся, не мог на это смотреть...

Два последующих дня Артеменко не появлялся в роте. Проводивший вечернюю поверку замполит, старший лейтенант Петриков, тихий, запуганный белорус, объявил, что «у товарища капитана плохо с желудком». На третий день комроты явился, и вид его был страшен: вся физиономия — в синяках и ссадинах. К тому же он сильно хромал. И мундир был явно какой-то запасной, заношенный. Он медленно шел вдоль строя и каждому бешено смотрел в глаза. Молча спрашивал: «Ты? Ты? Ты?» И речей никаких не было, как и угроз. И внешний вид наш его совсем не интересовал. Он ненавидел жуткой, смертельной ненавистью. Если бы можно было, если бы была у него такая власть, он лично расстрелял бы всю роту не моргнув глазом. Но что он мог сделать? Кого обвинить? И в чем?

Самым удивительным было то, что эта история с избиением смертельно упившегося Артеменко повторялась регулярно, раз, а то и два в месяц. Во вполне определенные, «зарплатные» дни. Казалось бы, комроты мог сделать вывод и напиваться за пределами части. Но то ли он не мог изменить традиции, то ли действительно опасался жены, по слухам, отбиравшей у него деньги... В общем, «пиздить капитана Артеменко» — это уже был ритуал, с которым похоже, «согласились» обе стороны — и пьюще-избиваемая и лупящая.

...Он задержался перед Рашидом. Что-то подозревал Артеменко. Но лицо потомка Чингис-хана было непроницаемо.

В ту ночь Артеменко устраивал нам «тревогу» шесть раз. К утру мы были мертвые. Командиры отделений не могли поднять людей с коек. Сержанты-бригадиры, собравшись в каптерке, обсуждали возможность подачи жалобы «по начальству». Рашид выскочил оттуда, что-то доказывая, размахивая руками, потом неожиданно подошел ко мне:

— Ведь понимают, мудаки, что в армии жаловаться запрещено, что Артеменко только и ждет, чтобы мы какой-нибудь бунт устроили. А потом нагонят спецсуд, определят тюрягу за неповиновение. И еще дослуживать будем после тюрьмы!

Да, мы знали: в наших частях нет отправки в дисбат, военных строителей судят специальные суды. И определяют в обычные тюрьмы или колонии, а потом — действительно — давай дослуживай необтытый военный срок.

— Жаловаться не нужно. Надо всем как-то подняться, сесть в электричку, а когда прибудем на объект, объяснить начальнику промзоны, что нас шесть раз поднимали по тревоге, люди не выспались, и потому могут быть аварии и на проходке, и на крепеже. Не нужно жаловаться, — повторил я.

Начальнику промзоны подполковнику Моисееву долго объяснять было не нужно — он увидел наши лица. Через час мы были отправлены в казарму «на отдых».

С того дня изменилось отношение Рашида ко мне. Выяснилось, что за стальной азиатской жесткостью прячется довольно простодушный и, что особенно поразило меня, небольшой любознательный парень. Ну обо всем на свете он хотел знать! И донимал меня невероятными по наивности вопросами...

Капитана Артеменко куда-то услали. Его место занял тихий и безвольный замполит Петриков. Но настоящим хозяином в роте стал верный ученик Артеменко — старшина Задыба. Мой главный мучитель, истязатель и враг. И так уж получилось, что именно конфликт с Задыбой привел к решительному повороту в моей судьбе.

Старшина Задыба

Задыба пришел за мной в «двадцатку» (так сокращенно называлась часть 1020), чтобы забрать в «полусотку» (1050).

— А ну покажите мне этого вашего героя! — с этими словами в канцелярию роты вошел низенький, пузатенький, лысоватенький старшина сверхсрочной службы в сапожках с короткими голенищами и фуражкой в руках, которой он почему-то бил себя по колену. Он долго изучал «арматурку» — бумажку, в которой перечислены личные вещи воина, переводимого в другую часть, — и очень быстро обнаружил, что в ней не хватает бушлата.

— Бушлат-то где? Почему не указан? — воззрился Задыба на передававшего меня старшину Харчука.

— Да пропил он бушлат, сменял на спирт в Терентьевке, на лесоповале, — сказал с досадой Харчук.

— Не-е-ет, без бушлата я его не возьму. Это кто мне поверит? Должон быть по «арматурке» бушлат! — заупрямился Задыба.

— Что ж я тебе — свой отдам или у кого из своих солдат возьму? — взъярился Харчук.

— А давайте я напишу расписку, что бушлат пропил.

Это мое предложение повергло обоих сверхсрочников в раздумье.

— А что, — неуверенно сказал Харчук. — Пускай напишет... Я могу подтвердить.

— Только пусть напишет, что не пропил, а продал, — предложил Задыба.

Я не согласился:

— Только пропил! Так, как было! Я военное имущество не продаю, но пропиваю.

— Какой принципиальный! — удивился Задыба.

По дороге в часть он быстро разъяснил мне, что только абсолютные идиоты попадают из «двадцатки», с лесоповала, в «полусотку», в шахтерский полк:

— Плохо тебе было на свежем воздухе, в тайге, да? Пила «Дружба» тебя донимала, да? Сучья тебе обрубать было лень? Ну вот теперь порубаешь породу под Енисеем, подышишь радиоактивной пылью! Укрепишь здоровье так, что через три года мама родная не узнает! Ты ж вроде образованный, в университете учился! Понимать должон, что к чему!

Уже в каптерке своей казармы, тихой, пустой (рота была на объекте), он предложил мне чаю из термоса и стал успокаивать:

— Да ты не расстраивайся! Чего теперь? Дело сделано! А и у нас прожить можно! Ежели человек с умом! За три дня пройдешь учебку, а потом в шахту! Я тебя в бригаду к Рашиду определю, он парень правильный, службу понимает. Но ты больше меня слушай! Я тебе всегда правильно подскажу! Ну и ты мне в каком случае поможешь. Так?

На какую мою помощь рассчитывал Задыба, я узнал спустя полтора месяца, уже после того, как от нас убрали капитана Артеменко. А сейчас он был со мной почти как отец родной — и строгий, и заботливый. И обо всём расспрашивал. И про семью, и про университет... И осторожненько про политику. Только что (осень 1964 г.) брежневцы убрали Хрущева за «волюнтаризм». Имея в виду именно это событие, Задыба осторожно обронил:

— Дела, однако, там у вас, на Большой Земле!

Так я узнал, что Большая Земля — это и то, что западнее Урала. До сих пор в моем восприятии почему-то это было все большое, материковое, видевшееся с каких-то очень дальних, чаще островных территорий. Во всяком случае, я не предполагал, что для жителей Красноярского края европейская часть России — это тоже Большая Земля.

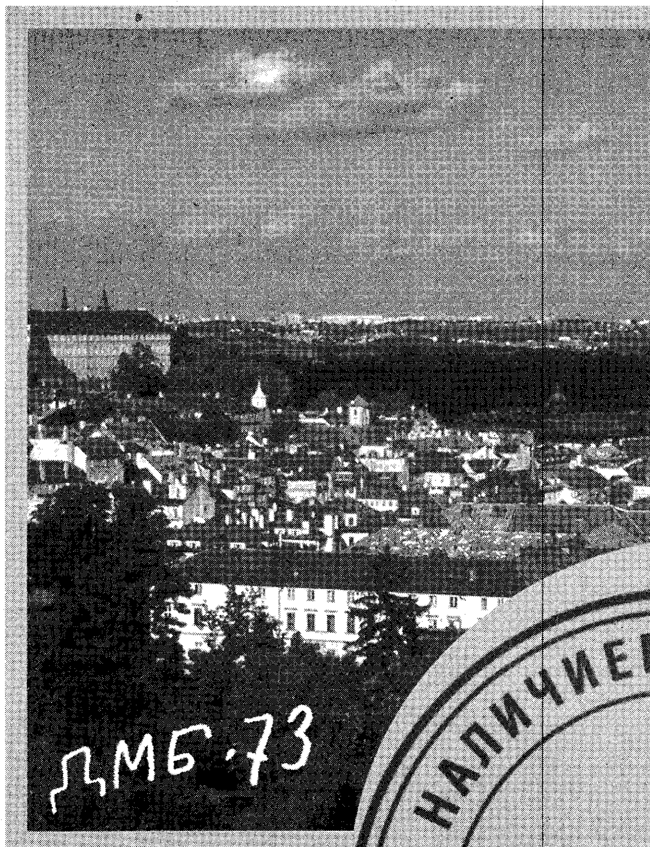
Про политику я в разговоре с Задыбой особенно не распространялся, и не потому, что чего-то опасался. Просто с самого начала отправки в армию я впал в жестокую депрессию и, будучи по натуре довольно общительным и говорливым, здесь замкнулся, постоянно молчал, вызывая у окружающих подозрение таким поведением. Позже узнал, что еще в учебной роте в «двадцатке» сержант Шумратов, который вез нас из Минска, велел одному старослужащему за мной присматривать. Он считал, что от таких молчунов можно всего ожидать: накинет в уборной ремень через перекладину и повесится. Бывали такие случаи.

А с Задыбой все поначалу складывалось как нельзя лучше. Он постоянно приглашал меня в каптерку вместе с командирами отделений — бригадирами — попить чаю, а то и спиртом побаловаться, правда, последнего было позволено употреблять понемногу и «чтобы без шума». Таким образом, я как бы входил в некую «элиту» роты. Ну и, конечно, никаких нарядов — ни по кухне, ни в казарме. «Тебе все-таки двадцать три, до четвертого курса университета дошел, это ж не хрен с капустой, — говорил Задыба, — пускай молодые на пола кидаются». Он вообще говорил — «пола, мыша, простыня». «Что-то у нас вроде как мыша в казарме завелись? Попахивает чтой-то? Надо кого на пола бросить! Пускай подраят лишний раз! А может, простыня у кого завонялись?»

И вот случилось. Зазвал меня как-то Задыба в каптерку. Вид был у него сумрачный.

— Ты старшину Жаврида с вещевого склада знаешь? Представляешь, эта сука накатала на меня телегу в штаб, будто я по фальшивым накладным получил восемь комплектов пэша.

Пэша — это парадное, полушерстя-

ТОЛЬКО С НАЛИЧИЕМ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОПУСКА ВЪЕЗД

КРАСНОЯРСК 26

ное обмундирование военного строителя, гимнастерка и брюки. В том, что Задыба воровал, у меня не было никаких сомнений. Эта страсть была просто написана на его физиономии.

— Я вот тут докладную написал в штаб про этого самого Жаврида, — он подвинул на столе бумажку. — Ворюга, понимаешь, страшнейший, а порядочных людей грязью обливает. Ты погляди тут, как и что... Да и перепиши. Чтобы поубедительнее вышло, чтобы начальство, понимаешь, мне поверило. Ты же человек ученый! Должон суметь!

— Это ваши с Жавридом дела, я ничего писать не буду.

— Не будешь? Да ты в своем уме, студент гребаный! — Задыба был искренне удивлен. — Я ж тебя задушу нарядами, я тебя, сука...

Ну и кончилась моя привилегированная жизнь. Задыба бросал меня «на пола» и по воскресеньям, и после ужина, и даже после отбоя.

— Помоешь от картинки до картинки, — чаще всего говорил он. И это означало, что я должен был с тряпкой в руках и на коленях исползать всю здоровеннейшую — метров не меньше тридцати в длину — сибирскую казарму от одного конца, где висел портрет Брежнева, до другого — с портретом Ленина. Иногда, впрочем, делалось послабление — давалась команда помыть только до двадцатой тумбочки, это означало приблизительно середину общего расстояния. Я только имитировал работу. Накручивал на швабру тряпку и лениво растирал грязь по углам. Задыба бесился. Он пытался засекать время, поминутно глядел на часы и орал.

— Ну что ты тянешься, как беременная вошь по мокрой ...? Я тебе двадцать минут дал на два прохода, а ты и одного не осилил!

Матерщинник, надо сказать, он был отменный. Я даже некоторые его особо выдающиеся изречения в блокнот записал.

— Я, товарищ старшина, устал, мне отдых требуется, — с этими словами я отставлял швабру и ведро и усаживался или даже укладывался на ближайшую койку. Ну и что мог сделать Задыба? Отправить меня на губу? Так я там бывал не раз. Жизнь там, конечно, не сахарная. Подъем в пять утра. И до четырех часов, с перерывом на обед, надо таскать на железнодорожной станции мешки с цементом. Сорок килограммов мешок, сто метров — расстояние от вагона до склада. Каждые два часа перекур на двадцать минут. И все-таки это была работа на свежем воздухе, а не в ненавистной шахте. И краснопогонники из внутренних войск, которые нас там охраняли, были как-то полиберальнее, что ли. Солнце на них действовало, может быть, хорошая погода. А вот те чекисты, что следили за нами в шахте, не упускали случая поизмываться над грязным, валящимся с ног от усталости «воином». И у них был повод. Они служили за три рубля восемьдесят копеек в месяц — денежное довольствие рядового. А у нас, военных строителей, серьезные деньжата водились. Платили нам хотя и негусто, но все-таки... Потому и шмонали они нас, впуская в следовавшую на объект электричку, отбирали водку, колбасу, тушенку, польские супы в концентратах, которыми почему-то были забиты чайные в наших зонных частях. Ладно, об этом тоже чуть позже...

Так вот, что мог сделать со мной Задыба? Тем более если Рашид постоянно твердил, что ему и без того не хватает людей в бригаде. Но Задыба был человек наблюдательный и дождался своего часа. Он видел, что у меня завязались дружеские отношения со Славой Голубчиковым из четвертого отделения. Слава был тихий, молчаливый москвич, длинный, невероятно худой, с печальными голубыми глазами. Однажды после отбоя я застал его в умывалке, он стирал старый свитер. Такую одежку «молодым», то есть первогодкам, запрещено было поддевать под рабочее хабэ. Это была привилегия «стариков». Но холод донимал, и приходилось тайком надевать что-то потеплее. Два молчуна, мы слово за слово неожиданно разговорились.

Слава был предан классической музыке. Он хотел поступить в консерваторию, на музыковедческое отделение, но недобрал нужных баллов. И после того устроился корректором в издательство «Музыка», чтоб быть поближе к искусству. Я, конечно, намного слабее его разбирался в классической музыке, но тоже был меломаном и в начале 60-х годов достаточно активно посещал концерты в Минске — симфонические в Доме офицеров и сольные в консерватории. Помню, как загорелись Славины глаза, когда я рассказывал, как мать взяла меня, четырнадцатилетнего, на концерт Вертинского, проходивший в Доме офицеров.

Было это, кажется, в 1955 году... И уже студентом я был на концерте Вана Клайберна (Клиберна, как его тогда называли) в клубе имени Дзержинского. Нормального билета, конечно, не достал, стоял между рядами кресел.

Славины же рассказы о концертах московских были поистине фантастичны. Он видел и слышал богов — Рихтера, Ростроповича, Ойстраха... Впрочем, и эти боги гастролировали в Минске, и я их тоже видел и слышал. Но Слава говорил о них, как о знакомых, как о близких ему людях, и мне было непонятно, как же он, человек из мира такого высокого искусства, попал в этот ад кромешный, в зону, шахту. К тому же было видно, что он не очень здоров, часто кашлял.

— Да призвали и все тут! — махнул он как-то рукой. А потом добавил: — А ты заметил, сколько здесь больного и вообще всякого уродливого народа?

Это и в самом деле бросалось в глаза. Вроде бы и нормальных парней хватало, а присмотришься — этот как-то странно ходит, одна нога, что ли, короче, у другого двух пальцев на руке нет, третий немыслимо малого роста, почти карлик, у четвертого явно с мозгами не в порядке. И еще замечалось: много было народу из Средней Азии и с Кавказа, притом какого-то пожилого, ну явно не призывного возраста. Про сидевшего в сапожной мастерской Хачика говорили, что он четвертый срок служит за своих братьев. Мол, братья — богатые армяне и притом сильно похожие друг на друга, вот они и уговорили Хачика служить за них за большие деньги. Кончается трехлетний срок службы одного брата — Хачик идет служить за другого. В военкомате, может, и догадываются, в чем дело, да все схвачено-подмазано, все — свои, поэтому проблем никаких. И вроде сам Хачик как-то похвалялся: мол, вот кончит третий срок, вернется на родину, а у него на книжке такие деньжищи — всю жизнь работать не нужно, сразу дом купит, женится... Хачик вообще смотрелся лет если не на пятьдесят, то на сорок — точно. Морщинистый, старообразный, что особенно бросалось в глаза, когда он стоял в строю с восемнадцатилетними пацанами.

И приходили мы в наших рассуждениях к выводу, что в таких войсках, как наши, другой народ и не требуется. Рабочие ведь нужны прежде всего, а не танкисты или артиллеристы. И под видом призыва в армию набирают дармовую и послушную рабочую силу. Тогда я еще не мог предполагать, что все то, что «нащупывали» мы в разговорах с Голубчиковым, очень скоро подтвердится рассказом человека, занимавшего большой пост в самых верхах Системы. А затем — моими сильно расширившимися собственными наблюдениями и впечатлениями.

Говорили мы о Системе, о музыке, а вот о том, что Слава женат, я и не подозревал. Двадцать лет всего! Может, Слава и не сказал бы мне об этом, но он получил письмо, из которого узнал, что жена приехала на встречу с ним в краевой Красноярск, а получить «свиданку» у нас в зоне — это большая проблема, которую и обсудить-то не с кем, кроме как с верным товарищем. Родственники ехали, точнее, летели по почтовому адресу и радовались, вероятно: сын, брат, племяш или муж служит не в какой-то Тьмутаракани, а в большом городе — Красноярске. Поскольку адрес почтовый был — Красноярск-26. И откуда им, родственникам, было знать, что сын, брат, племяш или муж служит совсем в другом городе, который находится за 65 километров от краевого центра. И вот являлись они в краевую комендатуру, чтобы узнать, где же это находится такая-то часть, а им говорили: вы, товарищи, не спешите, мы тут справки наведем, а пока поживите в специальной гостиничке. И шел запрос в зонный город насчет такого-то солдата, а уж если сам солдат дознавался, что маманя или сеструха, или жена приехала, то должен был, имея соответствующую справку из краевой комендатуры, обратиться по начальству за разрешением на выезд.

А это была морока. Писать нужно было, конечно, ротному командиру, тот обращался к командиру батальона, тот — в штаб полка. И еще две визы были обязательны на той разрешительной бумаге — начальника промзоны и начальника городского режимного управления. А еще надо было быть на хорошем счету у начальства, поскольку выезд в краевой центр на три дня — это ведь награда, а нерадивому воину, плохому производственнику она не положена. И бывало нередко, что зря платили родные большие деньги за авиабилеты — улетали несолоно хлебавши, поскольку воина такой награды не удостаивали.

К Славе вроде бы у начальства претензий не было. Разве что малый срок от начала службы прошел — всего полгода.

— С ума сошла Наталья, — грустно улыбался Слава. — Денег у родителей заняла и, меня не предупредив, прилетела. Она у меня такая...

Рашид раздобыл по моей просьбе чистый лист бумаги, и мы вместе со Славой сочинили докладную на имя старшего лейтенанта Петренко. В качестве основной причины неожиданного прилета Наташи из Москвы указали ее беременность, мол, хочет посоветоваться с мужем. Хотя о чем советоваться? Рожать или не рожать? Так ведь на шестом месяце таких вопросов вроде не задают.

— Да и вообще, летают ли беременные так далеко, когда до родов три месяца? — сомневался Слава.

Но я настаивал: в нашем обществе уважительное отношение к материнству, будущей молодой матери не должны отказать. А еще могут испугаться, что в случае отказа ей плохо станет, тогда хлопот не оберешься...

Но сомнения не оставляли Славу. А вдруг увидят, что никакой беременности-то и нет? На это я с видом знатока заявлял, что она по-разному проходит, и у некоторых молодок вообще ничего до самых родов не видно.

На нашу беду ротный, старлей Петренко, был на каком-то трехдневном политическом семинаре, и замещал его старшина Задыба. Когда на вечерней поверке, после рабочей смены, мы стояли в строю, Задыба, сильно поддатый, но вполне державшийся на ногах и тем более все соображавший, объявил:

— Вот Голубчиков у нас и полугода не прослужил, а ему уже к женушке под ребро захотелось!

И он вынул из кармана галифе смятый лист докладной, которую мы написали вместе со Славой.

— Что, очень хочется? Стоит крепко по ночам? Спать не можешь, бедный? Ну погоди, я тебе помогу!

Он вынес из каптерки графин с водой с широким горлом, ткнул им Славу в грудь:

— Ты член в холодную воду, вот в этот графин, опусти, вот тебе и полегчает!

Кровь бросилась мне в лицо, я вдруг понял, что схожу с ума. Потом Рашид рассказал мне, что я сделал. Я вышел из строя без команды, строевым шагом подошел к Задыбе и молча, но очень сильно врезал ему кулаком прямо в нос. А потом выбежал из казармы.

Я не помнил, кто и как догнал меня, как меня заволокли в КПЗ при КПП (в камеру предварительного заключения при контрольно-пропускном пункте у ворот части). Утром, после развода на работы, меня привели в кабинет начальника штаба части, всегда краснорожего майора Бутова. По части мата Бутов далеко превосходил Задыбу, его речи на плацу перед разводом напоминали художественные выступления. Он любил читать мораль, говорить о патриотизме вперемежку с удивительно забористыми матерными выражениями. Я даже намеревался отдельно составить словарик ругательств Бутова.

Но в то утро майор был спокоен. Как-то буднично он сказал:

— Ну, ты сам понимаешь, что натворил. Ударил старшину, своего командира. Пойдешь под спецсуд, года на два... Потом дослуживать будешь. Мне тебя воспитывать некогда. Нам план нужно выполнять. Тебя вон и в «двадцатке» не воспитали, и у нас ты ничего не понял... Поэтому пока посидишь на губе, а мы дело для передачи в спецсуд подготовим. Ну давай, тяни свое счастье!

Он подставил мне карман своего кителя. Майор Бутов был большой оригинал не только по части мата. В кармане кителя он носил «записки об арестовании», типографские бланки с уже заполненными сроками наказания — от трех до десяти суток. Оставалось только вписать фамилию арестованного. Каждый мог испытать судьбу и, независимо от проступка, вытащить любой срок. Я, конечно, вытащил максимальный — десять суток.

— Видишь, какой ты у нас везучий, — с удовлетворением отметил начштаба, вписывая в бланк мою фамилию. — Будет время посидеть, подумать о жизни...

«Согласен на любую работу – можно министром. Интим не предлагать».

БГ *Для служебного пользования*

Ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»

N5 3.06.2002 года

Редактор **Светлана Калинкина**

Газета зарегистрирована в Министерстве информации, регистрационное свидетельство NN1758 от 21.03.2002г. Редакция может опубликовать материалы, отражающие только мнение авторов, в порядке обсуждения. Перепечатка со ссылкой на «БДГ. Для служебного пользования». Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений и за ошибки в них.

Подписные индексы ДСП:

индивидуальная подписка	**63568**
ведомственная подписка	**635682**

Главный редактор «БДГ» **Петр Марцев**

Учредитель и издатель **Издательское частное унитарное предприятие «Марат»**

Отпечатано с диапозитивов заказчика на полиграфическом РУП «Красная звезда», 220073, г. Минск, 1-й Загородный переулок, 3.

Материалы, помеченные знаком печатаются на правах рекламы.

Тираж	25000
Заказ	2076
Подписано в печать	3.06.2002г. в 17.00

Выходит 1 раз в месяц

Размещение рекламы: тел/факс (017) 216-25-87, 216-25-88,285-08-93,285-08-94. **Отдел распространения:** тел/факс (017) 226-87-99, 222-27-20. **Адрес редакции:** 220039,Минск,ул.Чкалова,12,4-й этаж. **Телефоны редакции:** 216-25-85, 285-08-92, 224-95-70, 216-25-84